

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

1. 2021

В Кабардинском государственном драматическом театре им. А. Шогенцукова состоялся литературно-музыкальный вечер, посвящённый присвоению народному поэту КБР и КЧР Салиху Гуртуеву звания «Народный поэт республики Калмыкия». 21.01.21 г.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2021 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

МУХАМЕДУ ХАФИЦЭ – 75

М. М. Хафицэ

Хафицэ Мухамед Мусабиевич (род. 30 марта 1946 г.) – заслуженный работник культуры РФ; заслуженный журналист КБР; заслуженный журналист Республики Адыгея; заслуженный журналист КЧР; действительный член Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук, Петровской Академии наук и искусств, Международной Академии творчества, Русского географического общества.

Критик, литературовед, публицист. Главный редактор газет «Адыгэ псалъэ», «Черкесское зарубежье», «Нарт», «Хасэ» и журнала «Черкесский мир».

Первый вице-президент Международной Черкесской Ассоциации (2009–2012); вице-президент по внешним связям АМАН (с 2006 г.); тхамата общественной организации «Адыгэ Хасэ» КБР (с 2000 г.); член Кавказоведческого общества (США, г. Чикаго).

Награжден абхазским орденом «Честь и Слава», медалью «Слава Адыгеи», Золотой медалью мира Международного фонда имама Шамиля, Золотой медалью Советского Фонда мира, Почетной грамотой КБР.

МОСТ, СОЕДИНЯЮЩИЙ НАРОДЫ

У каждого человека есть друг, который является частью его жизни, с ним можно разделить и горе, и радость, к нему всегда можно обратиться со своими сомнениями, выслушать его совет.

Одним из таких моих добрых друзей является Мухамед Хафицэ. Мы встречаемся нечасто, примерно раз в месяц-два, но созваниваемся несколько раз в неделю. И как приятно бывает при встрече или в разговоре по телефону услышать его слова: «Как хорошо, мой старший брат, что мы с тобой увиделись»... «Как хорошо, что я услышал твой голос». Первый его вопрос обязательно о здоровье и моих делах. Мы радуемся каждой встрече, во многом поддерживаем

и помогаем друг другу. Нам всегда есть о чем поговорить: вспоминаем историю наших предков, начиная с далеких времен и заканчивая событиями дней сегодняшних. Нас одинаково волнуют и проблемы малой родины – Кабарды и Адыгеи, и большой страны – России. Задумываемся о том, как донести эти мысли и размышления до людей разных национальностей.

Мы оба – писатели. Думы и чаяния адыгов нам очень близки, но все же главными остаются заботы о нашей любимой стране. Мухамед – талантливый журналист, главный редактор газеты «Адыгэ псалъэ», являющейся связующим звеном трех братских республик – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также наших соотечественников, живущих за рубежом.

Мухамед Хафицэ – неутомимый общественный деятель, который поддерживает национальное самосознание адыгов, побуждает своих соплеменников смотреть далеко вперед. Он настоящий интернациона-

С Исхаком Маибашем. Майкоп, 2012 г.

лист в лучшем смысле этого слова. Много внимания уделяет укреплению добрососедства, дружбы и сотрудничества между народами.

С Мухамедом Хафицэ мы родились в адыгских семьях, проживающих в разных местах Кавказа. Места эти далеки друг от друга, но родители воспитали нас согласно адыгэ хабзэ – неписаной конституции родного народа.

М. Хафицэ родился в селении Заюково, я – в ауле Шхашефиж Краснодарского края. Познакомились в 1969 году. Мне было 39, Мухамеду – 23 года. Удивительно, что мы встретились в Сирии, где живут мухаджиры, вынужденно покинувшие родную землю во время Кавказской войны. Нас свела общая беда адыгов, произошедшая 157 лет назад. Их судьба болью отозвалась в наших сердцах. Сегодня эту боль ощущают не только в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, но и черкесы, проживающие во многих странах мира.

С той поездки прошло 52 года, но я до сих пор хорошо помню ее. Мы встречались не только с адыгами, но и арабами, курдами, армянами, представителями других национальностей. Целью нашей делегации было увидеть жизнь и быт адыгов в далекой ближневосточной стране. Мы общались с ними в Дамаске и на его окраинах, в заброшенных домах и недостроенных жилищах. Черкесам пришлось

покинуть Голанские высоты после израильско-арабской войны 1967 года. И в последние десять лет сирийский народ вновь переживает такую же трагедию: ИГИЛ, называющий себя «Исламским государством», развязал войну в Сирии, истребляя ее народ, вынуждая миллионы беженцев покинуть эту страну.

Мухамеда Хафицэ волнуют проблемы людей всего мира. Он пишет статьи, имеющие большое гражданское звучание. Я уверен, что эти публикации и его книги будут служить опорой в деле воспитания нашей молодежи. Идеями мира и добра он объединяет людей разных национальностей, живущих на нашей планете.

О добрых делах человека можно судить по тому, во имя чего он использует свой талант, насколько честно и справедливо трудится на благо народа и родной державы. М. Хафицэ – один из тех, кто беззаветно работает и живет для людей своей большой страны. Его достижения можно поставить в один ряд с теми, кто внес свой вклад в адыгскую журналистику и литературу. На родном языке вышли его книги «Моя надежда – моя ладья», «Звезды на небе и на земле», «Черкесские мамлюки», «День Победы», «Вся жизнь на виду», «Разбросаны адыги по белому свету» и другие. На русском языке опубликованы «Синие горы Кавказа», «Одна судьба – одна дорога», «Юрий Темирканов», «Алим Кешоков: всадник чести», «Инна Кашежева: Кавказ надо мною», «Исхак Машбаш: формула нравственности», «Черкесы в Израиле», «Точка отсчета», «Кабардино-Балкария: к России, с Россией, в России», «Юрий Калмыков: адыгский Прометей», «Черкесская диаспора» и др. Они вошли в сокровищницу адыгской литературы. Кроме того, М. Хафицэ сейчас издает 50-томную серию «Черкесика». Увидели свет первые десять книг – кавказские поэмы М. Лермонтова в оригинале и на кабардино-черкесском языке в переводе Руслана Ацканова, роман Баграта Шинкубы «Последний из ушедших», повесть М. Лохвицкого «Громовый гул», диалогия Владимира Ворокова «Амышев аул», историческая трилогия Анфисы Каноковой «Хатты», «Меоты», «Синды» и др.

Наравне с изданием книг, газет и журналов Мухамед Хафицэ ведет большую общественную работу. Он – тхамеда «Адыгэ Хасэ», член Общественной палаты КБР, член Совета Международной Черкесской Ассоциации. Благодаря его стараниям Глава Кабардино-Балкарской Республики шесть лет назад издал Указ о праздновании Дня адыгов (черкесов). Мой друг является организатором конкурса-фестиваля «Язык мой – душа моя, мой мир». Он с 1965 года следит за жизнью наших соотечественников за рубежом, делит с ними радости, беды и тревоги.

Заслуга Мухамеда Хафицэ перед родным народом еще и в том, что он собрал богатый материал о выдающихся черкесах – государ-

ственных, политических и общественных деятелях, военачальниках, ученых и писателях, композиторах и артистах, художниках, спортсменах – всех тех, кто прославил свой народ на родине и за рубежом. Он не только собрал, но и систематизировал, издал, показал по телевидению и на семи выставках в Национальных музеях КБР и КЧР.

В селении Куба отмечают Международный день родных языков. 21 февраля 2000 г.

Следуя памяти предков, М. Хафицэ обработал, организовал переводы произведений 120-ти поэтов и прозаиков черкесского зарубежья. Этим он подчеркнул: несмотря на то, что они творят в разных странах, их взгляды обращены на три республики Российской Федерации, в которых адыги живут на своей исторической родине. Эти и многие другие издания моего друга стали мостом, соединяющим всех черкесов, в каком бы уголке мира они ни жили. Это служит напоминанием о том, что мы единый народ и обогащаем наравне со своей мировую историю и культуру.

Мухамед Хафицэ хорошо знает историю адыгов, их обычаи и этикет. У него широкое мировоззрение, четкий ум и беспокойная душа. Он давно собирает портреты знаменитых соплеменников, начиная с черкесских мамлюков (1382–1517 гг.), правивших Египтом и Сирией, кабардинских Черкасских, служивших верой и правдой России, и заканчивая современными адыгами, достигшими больших высот на государственном и политическом поприще, в науке, литературе, искусстве, культуре и спорте. Если портреты людей не сохранились, М. Хафицэ работает с художниками над реконструкцией образа известного соотечественника. Так Мухамед Хафицэ расширяет историческую память о наших предках.

У него бесконечные интересы и заботы. Есть темы, которые далеки от того дела, которым он занимается. Если его спросить о лошадях кабардинской породы, он назовет не только их «подноготную», но и поведаст много интересного по этой теме, разбавляя свой рассказ цифрами, фактами, подробностями и к месту сказанными шутками.

В августе 2014 года нам представилась возможность вместе с президентом Международной Черкесской Ассоциации Хаути Сох-

*На отдыхе в лесу близ г. Джераш.
Иордания, 2 апреля 1972 г.*

роковым в течение семи дней посетить Турцию, Иорданию и Израиль. Тогда мне открылся еще один талант Мухамеда Хафицэ. Закончив свои дела, связанные с «Адыгэ Хасэ» в Бурсе и Анкаре, мы отправились в Стамбул. Дорога была дальняя, предстояло проехать на машине более четырехсот километров. В нашей группе, состоявшей из четырех человек, был и Доган Кушха, проживающий в Турции. После часа езды Хаути Сохроков, зная о певческом таланте Догана, обратился к нему: «Спой, пожалуйста, нам одну из своих песен. Мы с Мухамедом тебе подпоем, а Исхак послушает».

Прошло с полчаса, и я понял, как отлично поют мои спутники. Но больше всего меня поразило пение М. Хафицэ, у него оказался прекрасный тенор. Я не удержался и сказал: «Оказывается, ты, Мухамед, – виртуозный певец». – «Рад это слышать, – тут же откликнулся он. – Но признаюсь тебе: я не умею танцевать». – «Как хорошо, что у тебя есть хоть один недостаток», – ответил я шуткой моему младшему брату и доброму другу.

Мухамед Мусабиевич Хафицэ, 75-летие которого мы отмечаем в эти дни, – истинный патриот России, честно служащий своему народу, принимая на себя заботы и тревоги всех черкесов, где бы они ни жили.

Живи и здравствуй, мой брат! Желая тебе крепкого здоровья, пусть достаток всегда будет в твоём доме, пусть твоё добродушие отзовется в твоих детях и внуках. И ещё желаю, чтобы ты был счастлив в стране, где можно спокойно жить и работать на благо родного народа и любимого Отечества.

*Исхак Машибаш,
народный писатель Адыгеи, КБР, КЧР,
лауреат Государственных премий СССР и РСФСР,
председатель Союза писателей РА, Герой Труда России*

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Особо хотелось бы подчеркнуть, что Мухамед Хафицэ, будучи одним из наиболее плодовитых и вместе с тем информативных публицистов, неустанно ищущих что-то новое, искренне болеющих за общеадыгское дело, много и результативно работающих в интересах родного народа, корректно и со знанием дела пишет о черкесах, не ущемляя, однако, интересов и не задевая самолюбия других наций. Это качество, к сожалению, присуще не всем.

Немало в нашей стране журналистов, которых приходится читать по необходимости, они порою на третьем-пятом абзацах становятся нестерпимо скучными, глубоко неинтересными... В лице М. Хафицэ мы имеем на редкость разностороннего журналиста, с ним приятно беседовать, читать его интересно всегда.

Если бы мне, работавшему со студентами более 50-ти лет, предложили назвать десять самых лучших из многих тысяч моих учеников – представителей разных наций, стран и континентов, я бы назвал в числе первых Мухамеда Хафицэ, человека большого такта, журналиста со знаком качества, писателя со своим тавром, исследователя «со своей посадкой в седле», народного дипломата, открывшего нам и всему миру черкесское зарубежье и на наших глазах значительно раздвинувшего адыгский мир.

*Мухамед Анажсев,
доктор филологических наук, профессор КБГУ,
академик АМАН*

НЕЛЕГКАЯ ДОРОГА

Есть люди, встречи с которыми сначала ослепляют, удивляют, а потом приводят к пониманию, что жизнь вокруг не настолько однообразна, зла и непривлекательна, как порой нам кажется, а многогранна, интересна и глубока.

Я коротко расскажу о человеке, незаурядном брате – Мухамеде Хафицэ, которого знаю не понаслышке, а благодаря контактам, которые, к сожалению, бывают у нас не столь частыми. Он известный журналист, публицист, человек огромной доброты и проницательности, который умеет понимать, чувствовать и бережно относиться к собеседнику, особенно к своим друзьям. А друзей у Мухамеда очень много не только в Кабардино-Балкарии, Адыгее, Карачаево-

Черкесии, но и в разных странах мира, где встречались и общались с ним, где его хорошо знают.

Есть люди, которые умеют красиво говорить. Видимо, для жизненных ситуаций это и неплохо. Но есть люди, которые могут прекрасно поступать, рядом с которыми возвышаешься, чувствуешь прилив сил, начинаешь верить в свою нужность другим. Так вот, Мухамед Хафицэ из второй категории людей.

В день юбилея одного из самых дорогих мне людей – Мухамеда Хафицэ – хотелось бы адресовать ему слова огромной благодарности, прежде всего за то, что он в числе моих друзей, за то, что любит родной народ, понимает и знает искусство черкесов, старинную и современную адыгскую песню, живет и трудом своим славит предков. Хочу, чтобы его новые книги, его редакторский труд по изданию газет «Адыгэ псалъэ», «Черкесское зарубежье», «Нарт», «Хасэ» еще долгие годы радовали нас, и чтобы на этой нелегкой дороге, названной жизнью, он приобретал еще больше доброты, радости, счастья, успехов вместе с новыми друзьями.

*Тамара Нехай,
народная артистка Республики Адыгея,
лауреат Международной Кандуровской премии*

НЕПОДДЕЛЬНОЕ АДЫГСТВО

Что характеризует Мухамеда Хафицэ? Прежде всего, его поразительная работоспособность, разносторонний талант, неподдельное адыгство, организованность, джентльменство, скромность и еще осознание необходимости всего, что он делает для родной истории и культуры.

Адыги говорили: воспитывать мальчика – значит растить настоящего мужчину, воспитывать девочку – значит заботиться о будущем народа. В лице Мухамеда его родители воспитали настоящего мужчину, который заботится о будущем своего народа.

М. Хафицэ – писатель, журналист, исследователь. Можно с уверенностью сказать, что благодаря ему нашли себя, друг друга многие наши соотечественники, разбросанные волею судьбы по всему миру. Скольких замечательных людей, ученых, артистов, спортсменов, военных, политических и государственных деятелей с мировыми именами открыл он среди черкесской диаспоры для нас, для грядущих поколений!

Его книги и попечительская деятельность, издаваемые им газеты «Черкесское зарубежье», «Нарт», «Хасэ» – во всем этом неутомимый и неумный мой друг Мухамед Хафицэ.

*Сараби Мафедзев,
доктор исторических наук,
лауреат Государственной премии КБР,
заведующий отделом этнографии КБНИИ
2006 г.*

БЕЗ ВСЯКОГО ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ

Мухамед Хафицэ, возглавив в 1997 году газету «Адыгэ псалъэ» буквально через номер-другой кардинально изменил ее внешний облик. Появились новые, бросающиеся в глаза рубрики, одни материалы уменьшились в объеме, другие, не поддающиеся сокращению, стали публиковаться на разных, идущих через одну полосах, фотографии, которым раньше отводилась вспомогательная роль, стали более объемными, не только комментирующими статью или отчет, но и являющимися информационными материалами сами по себе. Сама верстка стала более профессиональной, зримо-образной, привлекательной для взгляда. Глаз уже не мог бессмысленно скользить по полосам, ибо то и дело останавливался на чем-то неординарном, непохожем, необычном. Газету было приятно рассматривать, а отсюда один шаг до чтения. Каким оно будет, что должен получить читатель в первую очередь? Новости, события, факты? Без сомнения, на то она и газета. Но и сведения по истории народа и края, его великом незабываемом прошлом, знаковых личностях, забытых, но достойных человеческих судьбах, взлетах и падениях, достижениях и вершинах, то есть обо всем, что интересно людям. А интересна им жизнь в ее неповторимом многообразии.

Принимает молодых коллег – главных редакторов газет «Адыгэ макъ» (Майкоп) и «Черкес хэку» (Черкесск) Аслана Патокова и Увжуско Тхагапсова. 2006 г.

Не коллективным пропагандистом и агитатором видел национальную газету Мухамед Хафицэ (эту роль успешно заporоли его предшественники), а информатором, просветителем, учителем, в конечном счете. Учителем родных истории и географии, языка и литературы, публикатором всех тех обширных знаний, которые в силу разного рода причин не получил, не узнал читатель. Тематические полосы на самые разнообразные темы, начиная с женских, религиозных, молодежных, литературных, детских и заканчивая географическими, рассказывающими о флоре и фауне республики. Газета в газете, повествующая на своих страницах глубоко, объективно, всесторонне о черкесском зарубежье, лучших его представителях, снабженная поражающим обилием фотографий. Специальные, приуроченные к важным датам, векам, юбилеям многостраничные выпуски. Многие из последних стали настоящим событием в культурной жизни республики. В частности, 32-страничный номер, посвященный столетию со дня рождения Али Шогенцукова. Без всякого преувеличения, к читателям пришла настоящая энциклопедия жизни и творчества классика кабардинской литературы, содержащая и его лучшие произведения, и воспоминания современников, и разносторонний анализ творчества, и доброе слово потомков. Мухамед сделал этот номер глубоко интернациональным, привлекательным не только для кабардинского читателя – напечатав ряд материалов на русском языке, он открыл душу и сердце Али для всех, кому дороги наш общий дом и мир в нем. И таких выпусков на счету газеты великое множество.

Вот уже много лет я, не знающий кабардинского языка, выписываю «Адыгэ псалъэ», смотрю каждый ее номер и не устаю удивляться всему тому новому, что принес на газетные страницы Мухамед Хафицэ. Его детище неповторимо и оригинально, оно давным-давно обогнало по своей внешней привлекательности и внутреннему содержанию другие республиканские издания (как бы они ни пыжились от своей значимости и весомости). Мало того, будучи знаком с другими газетами Северного Кавказа, могу твердо заявить: «Адыгэ псалъэ» – не просто одно из лучших национальных изданий региона, а самое лучшее. Вклад же газеты в развитие национального самосознания, в просвещение кабардинского народа оценке как таковой не поддается.

Об одном лишь остается печалиться: всецело отдав себя, растворившись в газете, которая, как ненасытный молох, перемалывает, буквально пожирает тебя (время, творчество, личную жизнь), и, как желудок, добра не помнит (только подписал один номер, а уже надо готовить следующий), Мухамед все меньше пишет сам. А ведь его книги «Моя надежда – моя ладья», «Адыгские мамлюки», «Разбросаны адыги по белому свету», «Звезды бледнеют на чужбине» стали для

многих кабардинцев первым знакомством со своей великой историей. Судьба соплеменников волновала, волнует и будет волновать М. Хафицэ. Именно здесь, в этом направлении, он видит себя вплоть до самых последних дней, которые отведет ему судьба. Мечтает, чтобы когда-нибудь его грандиозная выставка-путешественница «Черкесское зарубежье» обрела крышу, стала полноценным музеем. Верит, что кабардинцы еще заставят говорить мир о себе: о своих взлетах, победах, вершинах, личностях, а не только вспоминая трагические страницы истории и тем более события, связанные с насилием над личностью, терроризмом, людской болью.

Мухамед Хафицэ – человек, который сделал себя сам, организовал и построил свой дом, свой мир. И этот дом, и этот мир открыты для других – близких и далеких, соплеменников и соотечественников. В нем комфортно и уютно всем, ибо хозяин добр и искренен. Пожелаем ему всегда быть и оставаться таким.

*Виктор Котляров,
писатель, издатель, заслуженный журналист КБР*

ВСЕГДА В ДЕЛАХ И ЗАБОТАХ

Имя его сегодня широко популярно. И не только в Кабардино-Балкарии, но и далеко за ее пределами. Не стану перечислять его регалии, звания, должности, труды. Их очень и очень много. Да и они известны довольно широкому кругу читателей. Остановлюсь лишь на своем непосредственном восприятии этой незаурядной личности.

Впервые услышал о Мухамеде Хафицэ, когда, вернувшись в 1979 году из Казахстана, стал редактором тырнаузской городской газеты «Горняцкая слава». В тот период часто публиковались его глубокие аналитические статьи и очерки в республиканских изданиях. Я, естественно, не мог не обратить на них внимания.

Однако увидел и услышал его в бурные драматические девяностые годы. Работая вначале в «Кабардино-Балкарской правде», а затем в Министерстве внешних сношений и по делам национальностей КБР, часто приходилось бывать на заседаниях Верховного Совета, где разворачивались многочасовые бескомпромиссные, порой доходящие до крайней степени агрессивности и личных оскорблений дебаты. А если называть все своими именами, шла жестокая борьба за власть. Вот тогда-то я стал свидетелем ярких, аргументированных, принципиальных выступлений народного депутата Мухамеда Хафи-

*С другом и коллегой Жамалом Аттаевым.
2006 г.*

цэ. Те, кто был охвачен лживой эйфорией, ослеплен дьявольской злобой и химерическими надеждами, получали от него достойную отповедь.

Особое уважение и восхищение у меня вызывают его целеустремленность, привязанность и верность главному делу жизни. Имею в виду изучение черкесского зарубежья. Более 50-ти лет

М. Хафицэ занимается этой темой. Когда читаешь его книги, просто диву даешься – досконально, пофамильно знает, в каких странах, в каких городах и деревнях живут кабардинцы, черкесы, шапсуги, абадзехи, бжедуги, темиргоевцы, хатукаевцы, убыхи, абазины и абхазы. Он близко знаком с сотнями мухаджиров, ему известна, в хорошем смысле слова, вся их подноготная.

В связи с этим я подумал об истоках такой одержимости, такого фанатизма и подвижничества. Немецкий писатель-сатирик Георг Лихтенберг сказал, что некоторые ученые накапливают знания только для того, чтобы хвалиться ими и получать какие-то дивиденды. Что же движет М. Хафицэ? Будучи талантливым исследователем, собрал огромный бесценный материал, издал десятки познавательных книг, статей, очерков. На них ссылаются, их цитируют, ими пользуются в школах и вузах. Однако он не стал ни кандидатом, ни доктором наук, ни профессором. Разве его труды не давали ему такой возможности? Давали, даже с лихвой. Мы же видим, как многие сейчас, выпустив худосочную брошюрку, бегут защищаться и получают соответствующую степень.

Я как-то спрашивал Мухамеда об этом. Он, как мне показалось, даже всерьез не воспринял вопрос, отделался шуткой. Видимо, есть в жизни вещи, которые выше наших обыденных понятий и не согласовываются с обывательской логикой. Наверное, главные побудительные причины здесь – тяга к познанию, стремление к истине, любовь к своему народу, его истории, забота о будущем.

Если же говорить о Мухамеде Мусабиевиче как о коллеге, здесь его характеризовать гораздо легче. Он – редактор и журналист высочайшего класса. Долгие годы работы на одном поприще дают мне основание со всей определенностью заявить, что в полиграфическом, издательском, газетном деле ему поистине нет равных в КБР.

Мы оба много лет возглавляем национальные издания. Работа, что скрывать, нелегкая, требующая много сил, времени, нервов, терпения, выдумки, инициативы, ответственности. Ежедневно, ежечасно возникает множество вопросов, порой серьезных. В таких случаях заходим друг к другу, звоним, советуемся, находим оптимальные решения.

Словом, идем по жизни рука об руку, поддерживая друг друга. Нас связывают доверительные, дружеские отношения. И это очень помогает нам как можно лучше справляться с возложенными на нас обязанностями, а значит, без всякого преувеличения, позитивно влиять на атмосферу в нашей республике.

Не могу не сказать еще об одном важном обстоятельстве. Мухамед – человек искренний, открытый, порой прямолинейный, резковатый, но справедливый. Льстить кому бы то ни было, подобострастничать, приобретать таким образом чье-то расположение претит ему. Как водится, подобное поведение далеко не всем по нутру, но это его ничуть не беспокоит.

Поражает и его трудоспособность. Для него нет ни выходных, ни праздников, ни отпусков. Он всегда в делах и заботах. Ему хочется успеть сделать как можно больше доброго и хорошего.

Присущи Мухамеду и уж совсем не модные в наши дни качества – щедрость и надежность. Любому, кто обратится к нему за помощью, он при малейшей возможности не откажет, поддержит, приободрит. Если что-то пообещал, обязательно сделает.

*Жамал Аттаев,
главный редактор газеты «Заман»,
заслуженный работник культуры РФ*

РЯДОМ В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ

Можно произнести немало красивых слов, и каждое из них следует отнести к Мухамеду Хафицэ. Зная его почти 60 лет, хотел бы рассказать о некоторых наших встречах как в Кабардино-Балкарии, в стране, так и за рубежом. Без упоминания о его отношении к адыгам независимо от стран их проживания говорить о моем друге невозможно.

Свою любовь, преданность и глубокое знание истории родного народа, своих современников он выражает в многочисленных публикациях, книгах, телевизионных и радиопередачах.

Я бы хотел приоткрыть вам те черты характера Мухамеда, которые отражают его человеческую сущность. Он всегда старается быть рядом в любой ситуации. Я же поведаю об отношении моего друга к изобразительному искусству.

М. Хафицэ знают художники Дагестана, Чечни, Осетии, Грузии, Адыгеи, Ростова-на-Дону, Ставрополя... Он – автор многих предисловий к каталогам и статей о творчестве и выставках многих художников Северного Кавказа, выпустил в серии «Наши знаменитости» книгу «Михаил Шемякин: фантастика реальности».

Большой неожиданностью и сюрпризом для меня было его появление в Махачкале перед открытием групповой выставки Якуба и Сияры Аккизовых и моей. В пять утра раздался телефонный звонок в номере гостиницы «Ленинградская», снимаю трубку и слышу голос М. Хафицэ: «Вставайте, пора открывать выставку». Спросонья мне показалось, что он звонит из Нальчика. Но Мухамед уточнил: «Спускайтесь. Мы внизу в холле».

Представьте себе, какую радость мы испытали, когда увидели в гостинице Мухамеда Хафицэ, скульптора Гида Бжеумыхова и строителя Льва Калмыкова.

Часто вспоминаю наши совместные поездки в Иорданию и Сирию к тамошним адыгам, в Тбилиси – на юбилейные торжества известного писателя-черкеса, нашего общего большого друга Михаила Лохвицкого (Аджук-Гирея).

Можно много говорить о Мухамеде Хафицэ, и всегда это будут самые теплые и прекрасные слова.

*Герман Паитов,
народный художник Российской Федерации, профессор,
действительный член РАХ и АМАН*

ПРАВСТВЕННЫЕ УСТОИ НЕ ПОМЕНЯЛИСЬ

В непростое время власть «поставила» на порядочность, патриотизм и неформальные качества лидера. Им, по мнению кризисной власти, оказался Мухамед Мусабиевич Хафицэ. Если прокрутить ситуацию обратно, это было ответственное доверие, тем более что избыток национальных лидеров лихорадил общество. И он – один из тех, кто повел «корабль» единства через рифы и этнические «ухабы». Ориентир был верным – взвешенный компромисс и уважительное отношение ко всем субъектообразующим этносам для сохранения

целостности и единства республики. Его тактика вызвала недовольство оппозиционеров. Конкурирующие между собой национальные лидеры ополчились на «Адыгэ Хасэ», обвиняя М. Хафицэ в продажности властям и пассивности.

В Северокавказском центре. США, штат Нью-Джерси, г. Паттерсон, 21 января 1988 г.

Необоснованные нападки отскакивали от брони его тактики, выверенный межнациональный курс привел через годы к желанному единству братских народов, но «наезды» на М. Хафицэ продолжались. Свою тактику Мухамед избрал не случайно. Очень важно было, чтобы в маленькой республике основной этнос не встал поперек течения во избежание межэтнического столкновения. Несмотря на очевидные плоды его деятельности, до сих пор «выдергиваются» фрагменты из исторического контекста, чтобы компрометировать достойного человека и рекламировать себя. Как известно, незаменимых лидеров не бывает, на смену М. Хафицэ придут другие, но естественная смена поколений должна улучшать положение гражданского общества, а не удовлетворять чей-то мелкий карьеризм.

Мухамед Хафицэ сполна реализовал себя как профессионал и общественно-политический деятель. Высокий интеллект и богатая фантазия в совокупности с морально-нравственными принципами истинного лидера и патриота обеспечили желанный для всех результат. Честь, совесть и достоинство – исчерпывающая характеристика любого деятеля, если он гарантирует успех в достижении чистых помыслов и светлых целей. Подытожить определенный этап жизни М. Хафицэ – значит показать изнутри истинные корни его патриотизма и неподдельную любовь к своему народу. Исполняющих достойно свой профессиональный долг много, хвала им, но настоящих патриотов, к сожалению, мало, хотя для этого хватило бы и поступка: оставить народу то, что ему по праву принадлежит.

Людей Мухамед Мусабиевич притягивает чистыми помыслами и высокой порядочностью. Как-то общий знакомый задал мне риторический вопрос: может ли Хафицэ предать? Умный собеседник

подводил к надежности, восходящей к его личностным качествам, как интегрирующей характеристики всадника чести. Честь и достоинство действительно пронизывают большого и добропорядочного человека всесторонне, сочетая в себе чуткое и внимательное отношение к людям. Он отличается гипертрофированной честностью. Наткнувшись на неприличную гору стройматериалов во дворе общего знакомого в середине 80-х, я растерялся, а он спросил прямо: «Тебе не стыдно демонстрировать нетрудовые доходы в таком объеме?» Благодаря своей врожденной чистоплотности он стоит на безупречной жизненной позиции. Личностные качества Мухамеда подкупают, но без сочетания уникальных и универсальных качеств характера он бы не прослыл разносторонним и талантливым специалистом во многих областях человеческой культуры. М. Хафицэ рисует и поет, он мастер шуток и анекдотов, в его компании никогда не бывает скучно.

Изначальное существо природы человека определяет круг его интересов, размах деятельности, умственный потенциал, отсюда индивидуальная философия и способности каждого. Мухамед Хафицэ – интеллигент и интеллектуал с тонким вкусом. Сходу его многогранную натуру не рассмотреть, он напоминает природный субстрат, сочетающий в себе взаимоисключающие свойства и качества, с честными он прост, к корыстным – непримирим.

Мухамед Хафицэ построил патриотический «дворец» на общественных началах для духовной реинтеграции родного этноса. В основе его успехов – высокая общечеловеческая культура и неподдельная любовь к своему народу. Нравственные устои М. Хафицэ с годами не поменялись. И сегодня он живет по совести, заботится о других.

Поэтому все в порядке у Мухамеда Мусабиевича. Зрелость обещает еще много хороших дел. Как всегда, он доброжелателен и принципиален, надежен и предсказуем. Со своими читателями и с сотрудниками газеты «Адыгэ псалъэ» честен, быстро нащупывает грани проблем, интуитивно чувствует компромисс между политикой, журналистикой и жизнью. Но главное его достоинство – человечность и внутренняя потребность в порядочности. Философия М. Хафицэ и здравый смысл его жизни обещают более интересные дела к его очередному этапу зрелости.

*Хазеша Бецуков,
кандидат биологических наук, публицист*

ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ЧЕРТА

Журналист, редактор, писатель, тонкий ценитель духовных богатств, накопленных родным этносом, человек, который по божьей воле родился в нужное время и в нужном месте, совсем как некий мессия, способный и могущий не только взывать к самосознанию адыга-соплеменника, но и пробуждать в нем чувства высокие, в обиходе называемые патриотическими, – в этом весь Мухамед Хафицэ.

Нужен нам такой человек? Имею в виду некрупные этносы. Наверняка нужен, хотя бы для того, чтобы ощутить себя не ниже и не выше, а равными среди равных. Вот на эту идею и положил, что называется, жизнь Мухамед Мусабиевич. С целью представить свой народ в лучшем, исторически значимом виде перед лицом широкой общественности. Он исколесил полмира в поисках фактов, документов, ярких личностей, относящихся к адыгам, в его представлении где-то в большей, а где-то в меньшей степени повлиявших на ход, если не истории, то развития культуры и общественных, межличностных и межэтнических отношений.

Его обширные анкетные данные говорят сами за себя. И главный вывод из всего, что он сумел добиться, – М. Хафицэ смог стать общественно значимой фигурой, пожалуй, одной из ведущих в адыгском мире. Что же способствовало столь динамичному, впечатляющему росту его как личности? Думается, та самая определяющая черта, помимо любви к родному этносу. Отсюда его огромный интерес ко всему, что касается истории народа, родившего и вскормившего его самого, редкое умение налаживать контакты с окружающим миром. И еще характер – широкий и доброжелательный. Особое место в этом ряду занимает плодотворность тех самых контактов, ощутимо направляющих его сознание в русло целевой установки, векторной линии, которой он никогда и ни при каких обстоятельствах не изменял. И отсюда то многое, что создано им за годы деятельности, начиная с первых журналистских откликов в газете «Советская молодежь», затем первой написанной им книги «Моя надежда – моя ладья» и до вершинных творческих достижений, таких как «Звезды на небе и на земле», «Вся жизнь на виду», «Адыгские мамлюки», «Разбросаны адыги по белому свету», «Звезды бледнеют на чужбине», «Черкесская диаспора» и других.

Собственно, русская культура, впечатляюще преломленная в адыгском сознании, пытливый поиск истины и взгляд, обращенный в равной степени на Запад, Восток и Юг, дали М. Хафицэ поистине побудительный стимул, ставший как бы голосом свыше, повелевающим ему жить и творить во имя своего народа. М. Хафицэ всегда считал: кто, если не он? Этим кредо Мухамед руководствуется и

сегодня. И наши беседы с ним на эти темы порой заканчивались моим восклицанием: «Господи, хоть бы моему балкарскому народу одного такого Мухамеда!». Пусть простят меня соплеменники за этот пассаж, но, поверьте, когда Хафицэ начинал свое мировое паломничество, исколесив, изъездив, исходив по городам и весям планеты, чтобы рассказать адыгам об адыгах и нам о них, он был человеком, столь же небогатым, как и мы, интеллигенты советской эпохи.

Нас же порой угнетают лень и безразличие, некий инфантилизм, не позволяющий, точнее – позволяющий жить без печали и гнева, без тех побудительных принципов, подвигающих только таких людей, как М. Хафицэ, к действию, деянию. Если он берется за дело, делает его сегодня, сейчас, немедленно. Поэтому и результат блестящий. Но то большое, что им сделано, современники, которые его не понимают, поймут завтра, но хорошо бы уже сегодня, как бывает в жизни. Могу вместе с тем уверенно сказать, что для десятков, а может быть, и тысяч своих земляков Мухамед Мусабиевич стал человеком, деятельность которого в народном сознании обрела подобающее и достойное место. Ему пишут, к нему обращаются. Нередко с просьбами, зачастую не имеющими отношения к его работе, а просто чувствуя в нем человека доброго и отзывчивого. И Хафицэ делает все от него зависящее, чтобы помочь каждому, кто поверил в его добросердечие.

Мухамеду – семьдесят пять.

Возраст этот не аутентичен возрасту седобородого старца. Но, что бы ни думали люди моложе его лет эдак на двадцать и более, 75 – пора красивой зрелости, той, что позволяет еще идти вперед, преодолевая искушение жить воспоминаниями о легковесной молодости. Не всегда человек прозорлив и объективен, пока в нем бродят вешние

С супругой Розой Доловой. 30 марта 1980 г.

воды. Но, что любопытно, Мухамед сумел, обуздав в себе буйство молодости, направить все свои силы, чтобы жить в ладу с самим собой, жить порой вопреки, преодолевая и непонимание окружающих, и, как говорил поэт, месть врагов, и клевету друзей, что при скорбнее всего.

Конечно, жил он зачастую вопреки. Один воспитывал свою дочку Даночку, вопреки обывательским

ухмылкам не чураясь быть для нее и отцом, и матерью, холил и лелеял девочку, но был одновременно и строг в своих требованиях. Сегодня Мухамед – счастливый муж, отец и дедушка. С ним рядом верная жена Роза, к дочери которой он проявлял искренние отцовские чувства. Внуки Идар и Инал, подаренные ему Ляцей, чтят своего поистине доброго даду. Получается, что сумел Мухамед свить свой теплый и уютный очаг, где всем хорошо.

Вместе с дочерью Ляцей, внуками Идаром, Иналом и Ахмедом. 2006 г.

Хлебосольный человек, широкий и гостеприимный хозяин, Мухамед умеет принять гостей, щедро угостить и при этом занять их интересной беседой, благо, ему есть что рассказать и показать – его ведь квартира и служебный кабинет – настоящие музеи. В них масса интересных книжных новинок, разного рода антикварных милых и значимых вещей, привезенных хозяином из многочисленных зарубежных поездок. Все эти раритеты содержатся в идеальном порядке, каждая книга, каждая мало-мальски необходимая вещь имеют свое место. По роду своей деятельности мы, журналисты, нередко обращаемся к М. Хафицэ за помощью в поисках той или иной литературы, документа и даже нужного человека. Он всегда выслушает, тут же найдет, поможет справиться с неожиданно возникшей проблемой.

В издательстве «Эльбрус» с ним работалось легко. Завзятый балагур и мастер анекдота, человек, незлобиво подшучивающий и над собой, и над окружающими, в то же время Мухамед никогда не был желчным и мелочным.

Поверхностность, эгоистичность не в его натуре, не потому ли судьба, посылая ему испытания, благоволила к нему. Тому свидетельством – огромный круг деяний, которых не поднять рядовому человеку. Это видно по его биографической справке, кстати, в которую вошло не все, чего в своей жизни добился Мухамед Мусабиевич. Одних только фотографий, иллюстраций, карт, брошюр, рукописных материалов, рассказывающих об истории, культуре, духовности, быте адыгов, в архиве юбиляра порядка 20 тысяч единиц, книг в его библиотеке – более 10 тысяч экземпляров. Конечно же, здесь клас-

стики мировой, советской, русской, адыгской литератур. Разумеется, и А. Пушкин, и бесконечно любимый им М. Лермонтов, потому как, считает Мухамед, этот поэт из своих девяти поэм в восьми писал о черкесах.

*Светлана Моттаева,
поэт, публицист, заслуженный работник культуры КБР*

ЧТО И ДЕЛАЕТ ЕМУ ЧЕСТЬ...

Есть такое изречение: «Если человек талантлив, то он талантлив во всем». В нашу эпоху, когда разделение труда достигло глобальных масштабов, стать Михайло Ломоносовым, «знавшим толк в физике, химии и поэзии», почти невозможно. Тем не менее, и сейчас встречаются одаренные творцы, выступающие в разных областях созидания и творчества. К таким людям относится и Мухамед Хафицэ.

Удивляет не только разнообразие областей его деятельности, но и профессиональный уровень их исполнения. Он достиг больших высот в адыгской журналистике, получив признание читателей Северного Кавказа, России и черкесского зарубежья.

Мухамед Хафицэ – известный издатель, главный редактор газет «Адыгэ псалъэ», «Черкесское зарубежье», «Хасэ», «Нарт», автор, составитель и редактор нескольких десятков книг, посвященных различным темам.

Я бы хотел обратить внимание на одну из сторон деятельности Мухамеда Мусабиевича, связанной с наукой, в частности, с работой в Адыгской Международной Академии наук (АМАН), которая как бы осталась в тени, хотя имеет важное значение для консолидации нашего многострадального этноса. Образно говоря, наука состоит из отдельных ученых, чья деятельность является ее основным строительным материалом. Однако науку строят «архитекторы», роль которых играют организаторы. Одним из таких ценных организаторов в АМАН последние пятнадцать лет является вице-президент М. М. Хафицэ.

При всем разнообразии точек приложения творческих возможностей Хафицэ его энергия направлена в основном на разрешение одной основополагающей проблемы – сохранения и умножения уникальной адыгской культуры, которая оказалась распыленной во многих странах, в которых черкесы оказались волею исторических судеб и трагических событий XIX века.

Еще в студенческие годы Мухамед Хафицэ начал проявлять интерес к жизни наших соотечественников, живущих в Иордании, Сирии, Турции и других государствах.

Интерес удвоился с появлением возможности посещать эти страны. Вот уже несколько десятилетий он является связующим звеном между адыгами России и зарубежными черкесами. При его помощи тысячи людей нашли своих родственников, восстановили историю своих предков, познакомились с местами, где проживали их предки до мухаджирства.

Значение всего этого трудно переоценить. Его народная дипломатия укрепляла дружбу нашей страны с ближневосточными государствами, Турцией, США, Германией, поднимала авторитет СССР и Российской Федерации, в которых адыги обрели профессиональную культуру, литературу, национальный театр, издательства, получили образование, создали науку.

Мухамед Хафицэ отдает много сил делу сохранения и развития родного языка как на исторической родине (чего стоит только конкурс «Си бзэ – си псэ, си дуней»), получивший признание на всем Северном Кавказе!), так и в зарубежной диаспоре. Он выступает с научными докладами на конференциях самого высокого уровня (Иордания, США, Германия, Сирия, Израиль, Турция).

АМАН – уникальная академия, не ограниченная узко национальными рамками. Есть у нее и своя специфика, учитывающая проблемы жизнеобеспечения черкесов, живущих в разных странах. Связи АМАН с учеными из диаспор Турции, Сирии, Иордании, США, Нидерландов, Германии поддерживаются академиком М. М. Хафицэ. С каждым годом он вовлекает все большее количество зарубежных соотечественников в работу адыгской академии.

Ученые из зарубежных стран, многие из которых стали действительными членами, членами-корреспондентами АМАН благодаря инициативам М. Хафицэ, помогают восстанавливать историю родного народа, возвращают на родину образцы адыгского фольклора.

*После подведения итогов конкурса
«Язык мой – моя душа, мой мир».
г. Терек, 2003 г.*

Среди них известные этнографы, историки, антропологи, хеттологи, филологи Сатаней Шами (США), Мухамед-Хайр Бацеж (Иордания), Мухадин Кандур (Великобритания), Адиль Абдул-Салам, Аднан Кабардей (Сирия), Батырай Едыдж (Германия), Асхад Карзедж, Ицхак Давид (Израиль), Алий Чурей, Фахри Хуаж, Неждет Мешвез (Турция) и другие. Все это трудно переоценить. Сам лично Мухамед Хафицэ более 50-ти лет собирает материалы по зарубежным диаспорам. Они легли в основу его книг, ставших популярными среди читателей и специалистов. Среди них хочу выделить вопросы эволюции адыгской литературы, которые невозможно решить без исследования творчества зарубежных черкесских писателей.

Мухамед Хафицэ, наряду с поисками выдающихся зарубежных адыгов, проявивших себя в спорте, выявлением талантливых художников, артистов, политических деятелей и военачальников, открывал имена писателей – представителей черкесских диаспор в разных странах.

Он впервые ввел в научный оборот данные об адыгах, писавших свои произведения на арабском, турецком, английском, французском, немецком и черкесском языках.

Академик М. М. Хафицэ стоит у истоков исследования литературы черкесского зарубежья. Он не только собрал огромный материал и обнаружил его, что само по себе делает ему честь, но и провел эстетический анализ произведений Омера Сейфеддина (Хатко), Ахмеда Мидхата (Хагура), Мухадина Кандура, Махмуда Сами аль-Баруди (Наурзоко), Ахмеда Шауки и других писателей. Многие факты и литературные явления, добытые М. Хафицэ, широко использованы при написании монографий и докторских диссертаций литературоведами Абу Схалыхо, Андреем Хакуашевым, Хамишей Тимижевым, Зерой Баковой, Мариной Абдоковой, Любой Балаговой и автором этих строк.

Надо отметить, что на труды М. Хафицэ ссылаются многочисленные авторы, ученые-литературоведы, историки, публицисты и любители адыгской словесности. Именно высокий уровень цитации является важным в современной науке.

Будучи вице-президентом Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук, Мухамед Хафицэ проявляет себя как талантливый организатор науки. Он обладает энциклопедическими знаниями в разных областях гуманитарных наук, что помогает ему принимать активное участие в планировании работы АМАН, в проведении заседаний ее президиума. Отмечу и то, что все это делается на общественных началах, как и многие другие благородные общеадыгские дела по линии Международной Черкесской Ассоциации и «Адыгэ Хасэ» КБР.

Мухамед Хафицэ – человек публичный, а это ко многому обязывает. Без его участия не проходит ни одно значительное культурное или политическое мероприятие как в республике, так и в других местах компактного проживания адыгов на Северном Кавказе и за рубежом. И везде

*Выступает перед индейцами племени поуни.
Переводчик Андрей Соколов. США, штат
Оклахома, 15 января 1988 г.*

он следует завету классика русской поэзии, который советовал: «Сейте разумное, доброе, вечное». Все дела, которыми энергично занимается М. М. Хафицэ, направлены на то, чтобы умножать число друзей адыгов. Для этого он не жалеет своих сил и таланта.

*Хангери Баков,
доктор филологических наук, профессор, академик АМАН,
заслуженный деятель науки КЧР и КБР*

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ПУТЬ

Мухамеду Мусабиевичу Хафицэ

Вы излучали обаяние
И мудрости глубокой свет...
Благочестивый путь познания
Явил Вам веку созидания,
Деяний плодотворных след.

Ценили слово и свободу,
Ваш дух всегда был одержим
Служеньем своему народу,
Он Вашу выражал природу...
Дух этот непоколебим!

В нем генетическая память
Страдания отцов хранит;
Она жива и душу ранит...
Стирая временные грани,
Истоки призывает чтить.

Вам истины небесной сила
Дарила мысли торжество;
И все, что в жизни есть и было,
Сияньем Высшим озарило,
Благословляя естество.

Вы шли сквозь противостояние,
Чтоб по течению не плыть...
И, полагаясь на сознание,
Порой искали понимания
Там, где его не может быть.

Пренебрегая суетою,
Хранимы будучи судьбою
И верностью своих друзей,
Вы засияли вновь звездой,
Адыгским стали тамадой;
И внутреннею красотой
Объять сумели мир людей!

*Раиса Дидигова,
народный поэт Ингушетии*

МУХАМЕДУ ХАФИЦЭ

Пока тебя враги не оставляют,
Пока для них ты чем-то нехорош,
Подножки ставят, имя затирают,
Не унывай – ты правильно живешь.

Держись, мой брат, стерпи удушье сплетен
И жестче стой среди этой суеты.
Не по нутру им то, что путь твой светел,
Дела твои и помыслы чисты.

Когда идешь достойною дорогой,
Когда мечта высокая зовет,
Нелишне знать, что в жизни этой строгой
Коварства яд тебя не обойдет.

К несчастью, жизнь еще не опровергла
Мудрейшего, который нам изрек,
Что счастье и удачу человека
Всегда пронзает зависти клинок.

*Анатолий Бицуев,
народный поэт КБР*

ПОЙМАЛ СЕБЯ НА МЫСЛИ

Я знаком с ним давно. Да и не могло быть иначе. Каждый, кто считает себя адыгом, не имеет права не знать творчество Мухамеда Хафицэ.

Я всегда говорил ему и повторяю теперь: низкий тебе поклон, мой друг, за твой вклад в адыговедение, в пропаганду черкесского зарубежья.

Прошлой осенью я посетил выставку этого великого человека (не оговорился – великого) в Национальном музее в Нальчике.

До чего же я гордился своими соплеменниками! До чего же был благодарен Мухамеду за его титанический труд (это ведь 674 единицы адыгских реликвий, собранных им!). В музее были выставлены бесценные экспонаты.

Я подумал тогда: боже, как много удалось сделать в этой области Мухамеду Хафицэ!

Да, это нелегкий труд. Но ведь в музее подводился итог его определенного этапа жизни. А до этого был титанический труд. Многочисленные поезд-

*В Фонде культуры КБР с Владимиром
Вороковым. 2006 г.*

ки в Сирию, Иорданию, Турцию, США, Францию, Японию, Китай, Израиль, Болгарию. Кропотливая работа в архивах, библиотеках, музеях...

Многие из нас бьют себя в грудь: «Я – адыг!». Мухамед этого никогда не делает. Он вносит большой вклад в решение проблем черкесского зарубежья.

Я не знаю равного М. Хафицэ адыговеда. И рад, что могу сказать об этом моему другу, всем знакомым и незнакомым. Еще бы добавил: нам бы еще одного Мухамеда Хафицэ!

И поймал себя на мысли: зачем еще одного? Этого надо беречь. Помогать ему. Любить его и дело, которому он посвятил свою жизнь.

*Владимир Вороков,
заслуженный работник культуры Российской Федерации,
кинорежиссер, писатель
2016 г.*

ЗАВИДНАЯ СУДЬБА

*Встреча с соотечественниками
в Адыгэ Хасэ г. Вупперталь. ФРГ.
28 апреля 1986 г.*

Можно любить «все свое» и, сидя дома, изучать историю родного народа, мысленно «исходить» все извилистые дороги соотечественников, оказавшихся на чужбине в результате Кавказской войны 1763–1864 гг.

Все это необходимо знать и помнить, но есть и другой путь – более трудный, сопряженный со многими сложностями. Но

этих путей-дорог не побоялся любознательный выпускник историко-филологического факультета КБГУ Мухамед Хафицэ, тогда уже редактировавший газету «Университетская жизнь», увлеченный с детства родной историей, опечаленный судьбой мухаджиров.

Ныне он широко известный на родине и за рубежом летописец черкесского зарубежья.

Турция, Сирия, Иордания, Израиль, Ливан, Франция, Германия, США, Болгария, Япония, Китай – вот пути-дороги, пройденные известным публицистом. Он встречался с соотечественниками, слушал и записывал их многочисленные рассказы, по крупицам собирал достоверные факты из жизни выдающихся деятелей культуры, искусства, литературы, военачальников, государственных деятелей – сынов и дочерей адыгского народа, с достоинством переносивших все лишения, тяготы, бедствия, выпавшие на долю изгнанников.

*С мэром черкесской деревни
Абдул-Хамидом Глеужем. Израиль,
Кфар-Кама, 10 октября 1995 г.*

Что привлекает в художественных очерках М. Хафицэ? Глубокое знание предмета, его умение емким словом воссоздать внутренний мир, интеллектуальный и эмоциональный облик героя. Скупыми, но запоминающимися, яркими штрихами рисует автор и его внешний портрет.

Таких героев у М. Хафицэ много. Они надолго остаются в памяти – с живыми лицами, индивидуальными чертами характера, словно вместе с автором общался с ними.

В Мухамеде Хафицэ счастливо сочетаются лучшие качества художника слова и историка-исследователя. Он досконально изучает внешнюю канву жизни своего героя, выявляет основные факты его биографии со ссылками на достоверные источники и вместе с тем с глубоким проникновением в психологию своего героя передает его душевное состояние, думы и чаяния. И в результате достигает желаемого: показывает во весь рост живого человека со всеми присущими его характеру качествами. Кого только нет среди его

*На слете китайских пионеров.
Пекин, 2 октября 1990 г.*

*Мухамед Хафицэ и Хасан Тхазеплов.
1966 г.*

героев – генералиссимусы, государственные мужи, ученые, известные деятели искусства и литературы, чемпионы Олимпийских игр.

Многие наши писатели побывали в странах Ближнего Востока, написали путевые заметки, стихотворные циклы об увиденном, услышанном, о пережитом при встрече с соотечественниками (Алим Кешоков, Исхак Машбаш, Хачим Кауфов, Кашиф Эльгар, Анатолий Бицуев, Хасан Тхазеплов и др.), но только М. Хафицэ избрал ос-

новной темой своего творчества жизнь и деяния соотечественников, волею судьбы оказавшихся на чужбине в разное время и по разным причинам, передал любовь многих из них к своей исторической родине, тоску по родной земле.

Читаешь книги Мухамеда Хафицэ и испытываешь чувство гордости за большие деяния соотечественников и горечь за то, что они вынуждены были совершить все лучшее не у себя дома, а на чужбине.

С историками Мухамеда роднят неустанные поиски достоверных фактов из жизни соотечественников за рубежом. Обилие фактов не пугает его – в конечном итоге он выбирает из них самые важные, а второстепенные отсекает, чтобы они не заслоняли главного. Поэтому историк М. Хафицэ досконально изучает их, вникает в суть затрагиваемых проблем, выявляет их подоплеку, но как писатель не может скрыть свое эмоциональное восприятие прошлого и «оживляет», «одушевляет» его личным взглядом, выстраданной конкретной оценкой.

Несколько слов о критике М. Хафицэ. Вспомним его работы «Лермонтов в поэзии Кабардино-Балкарии», «Сердце, полное света» (М. Лохвицкий), «Великий сын Апсны» (Б. Шинкуба), «Великий музыкант XX века» (Ю. Темирканов), «Сквозь сердце» (А. Бицуев) и многие другие.

Не знаю, пишет ли стихи Мухамед, но еще со школьной скамьи он является тонким ценителем поэзии – глубоко изучил творчество поэтов многих народов, в том числе адыгских. Об этом красноречиво говорят многочисленные сборники, составленные и изданные им. Назову для примера «Синие горы Кавказа», куда вошли лучшие

Открытие выставки «Разбросаны адыги по белому свету» из личной коллекции М. Хафицэ в Национальном музее КБР. 21 мая 2014 г.

стихи, посвященные нашему прекрасному краю, поэтов разных стран и народов.

М. Хафицэ первым познакомил читателей и с творчеством поэтов-адыгов, проживавших и ныне здравствующих в Турции, Иордании, Сирии, Израиле, США, Австрии, Нидерландах, Германии. Он собрал и включил в свою книгу «Адыгские мамлюки» целый раздел – «Голоса черкесского зарубежья». Это своеобразная книга в книге. Всего в издании представлено 38 поэтов черкесского зарубежья. Раздел книги открывается вступительным словом составителя, в котором дан анализ поэзии соотечественников. Это большой подарок для кабардино-черкесских читателей – любителей поэзии.

Работоспособности М. Хафицэ можно только позавидовать. Иногда кажется, что для него не существует тихих часов, выходных и праздников. Об этом говорят не только изданные им книги, но и то, что остается за их пределами: для того чтобы создать портрет избранного героя, писатель тщательно знакомится со всей его жизнью и деятельностью. Горы архивных документов стоят за девяти- и десятистраничными очерками, в которых герой «воскрешен», «оживлен» и поставлен перед мысленным взором читателя таким, каким он был или есть.

Незнающему неумемный характер Мухамеда Хафицэ остается только удивляться: когда же он успевает заниматься столькими делами

одновременно, вкладывая в каждое из них всю свою душу, отдавая полюбившемуся делу всего себя?!

*Зубер Тхагазитов,
народный поэт Кабардино-Балкарии*

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

*Перед памятником королю
Людовику XIV. Франция, Версаль,
8 мая 1985 г.*

30 марта одному из лучших сыновей Кабардино-Балкарии Мухамеду Хафицэ исполняется 75 лет. Я не знаю другого человека в республике, который бы успел сделать столько, сколько смог мой друг. Он писал книги, издавал журналы, опубликовал сотни весомых статей, организовал множество прекрасных телепередач об известных представителях Кабардино-Балкарии и черкесского зарубежья. Ездил по всему миру, где живет много наших земляков, исследовал, находил материалы о видных военачальниках, писателях, ученых, танцорах, олимпийских чемпионах, известных политиках адыгского происхождения. Встречался с принцами, премьер-министрами, известными людьми во многих странах.

Мухамед коллекционирует оригиналы произведений художников КБР, Адыгеи, КЧР, черкесского зарубежья, старинные вещи, книги, фотографии и исторические документы. Из этих коллекций делает выставки по всему Северному Кавказу и за рубежом. Через него сотни наших соотечественников находят друг друга, друзей, родственников.

Его исследования, связанные с историей черкесов, можно разделить на десятки докторских диссертаций. Много лет он является главным редактором газеты «Адыгэ псалъэ», где действует девиз: «ФифI фымыгъэпуд, фи Iей фымыгъэпщкIу», которого он сам придерживается первым.

Мухамед знает лучших представителей дальнего зарубежья, часто бывает у них, и они приезжают к нему. Через него многие наши земляки вернулись на родину из Иордании, Турции, Сирии, Израиля и других стран.

Все вышеперечисленные факты – небольшая часть его деятельности. Меня, тоскующего по своей родине, живущего на Западе много лет, всегда тянет домой не только увидеть внуков и родных, но и замечательных друзей, как Мухамед. Он не завидует никому, наоборот, радуется успехам другого человека. Это еще больше красит М. Хафицэ как интеллигентного человека. Он не безбожник, не фанатик и не националист. Большинство моих знакомых и друзей-черкесов на Западе я обрел благодаря Мухамеду, который помог мне с ними познакомиться. Как хороший друг он всегда радуется моим выставкам за рубежом. Считаю своим долгом послать ему первый экземпляр книг, каталогов, которые выходят в печати разных стран. Его потрясающая черта – суметь ласково, в шутку даже сказать близкому другу горькую правду-критику в глаза, после которой не таят обиду, а делают правильные выводы. Мухамед старается помочь всем талантливым литераторам, художникам, музыкантам.

Свое 75-летие он встречает спокойно, зная, что не зря прожиты годы. Такому герою нашего времени хочется пожелать еще прожить столько же лет с хорошим здоровьем, чтобы он успел сделать еще многое для своего народа, для своей любимой республики.

*Мухадин Кишев,
народный художник КБР, академик АМАН
Испания, г. Кадиз*

ИНТЕЛЛИГЕНТОМ НЕЛЬЗЯ ПРИТВОРИТЬСЯ

Простите великодушно за банальность, но особенности профессии постоянно предъявляют литератору целый список сложнейших задач. В числе первых находится необходимость охарактеризовать человека в нескольких словах. Должен заметить, это очень непростое дело... Если же человек наделен множеством талантов и достоинств – непростое вдвойне.

И все-таки, мне кажется, я нашел удачную формулу для героя этой публикации.

Мухамед Хафицэ – человек, к которому нельзя зайти на минутку, потому что он обладает редким даром великого рассказчика. Сочетание

этого дара с великолепной эрудицией, образованностью, безупречной речью и остроумием заставляет собеседника забыть обо всем и слушать, слушать, слушать – возможно, с открытым от восторга ртом.

Порою мне кажется, что он знает об адыгах все, так как постоянно находится в процессе познания. Ведь этот процесс не имеет остановок, и пытливый исследователь уподоблен будет мифическому Сизифу, толкающему в гору камень перед собой. А горы Кабардино-Балкарии – самые высокие в России, и нет им числа, как нет числа тайнам, коими полнится история и культура коренных народов.

Античная мудрость оставила нам в наследство интересную формулу процесса познания: *Dum docemus discimus* – обучая, мы учимся. И, правда, пополнять свой интеллектуальный багаж невозможно, не делаясь тем, что ты уже получил.

Мухамед Хафицэ охотно делится своими знаниями. Делится щедро, как и подобает настоящему адыгу.

Наше первое знакомство произошло лет пятнадцать тому назад, когда я только открывал для себя Кавказ и его удивительных жителей. После премьеры фильма «Черкесия» организаторы устроили самый настоящий пир. Вышло так, что за столом я оказался не только самым молодым гостем, но и единственным представителем иной национальной и языковой культуры. Мухамед Хафицэ был тамадой и, открывая стол, первым делом обратился ко мне с вопросом, не буду ли я против, если все станут говорить по-кабардински.

Смутившись от такого неожиданного внимания к собственной персоне, я закивал головой и пролепетал, что, конечно же, не против.

Так мне был дан урок настоящего горского этикета. Почему я говорю «настоящего», потому что он естествен и напрочь лишен показухи. И по сравнению с этим этикетом, все столичные попытки имитации аристократизма выглядят бледно и убого.

Несколько лет спустя Мухамед Хафицэ сказал мне замечательные слова:

– Народы учатся друг у друга. Перенимают самые разные традиции и навыки. Копируют покрой одежды, кухню, танцы, культуру земледелия, искусство войны. Но этикет перенять нельзя. Его можно только передать по крови.

Сказанное перекликается со словами академика Дмитрия Лихачева о том, что интеллигентом нельзя притвориться.

От себя могу добавить, ценность адыгского этикета состоит еще и в том, что его не нужно возрождать, поскольку он не умирал и не умрет никогда.

Он сохранится усилиями таких людей, как Мухамед Хафицэ. Сохранится вместе с памятью о великих предках, о воинах и просветителях, о поэтах и ученых.

*Фотография на память с иорданскими адыгами.
г. Уадисир, 3 апреля 1972 г.*

Он сохранится вместе со способностью любить свое, не унижая чужого. Поскольку настоящий патриотизм не бывает агрессивным. Он самодостаточен и спокоен, ибо зиждется на системе безусловных ценностей.

Это был еще один урок, который я усвоил, благодаря нашему знакомству.

*Александр Пряжников,
поэт, публицист, г. Новочеркасск*

ТВЕРДОСТЬ ДУХА

На одной из полок моей домашней библиотеки, наряду со многими другими, особняком стоят наиболее дорогие для меня книги. Их автор Мухамед Мусабиевич Хафицэ – высокоэрудированный, с мировым именем и признанием исследователь, талантливый журналист, публицист, популяризатор истории адыгов и просто прекрасный человек с большой буквы.

В середине 60-х гг. прошлого столетия о драматической судьбе адыгов, переживших в XIX в. настоящий геноцид, поставивший народ на грань исчезновения, не то что не принято было писать – тема эта

была под запретом, а всякий, употреблявший термин «мухаджир», рассматривался как потенциальный националист.

Этот интерес к запретной теме в значительной мере усилился в студенческие годы, когда Мухамед Хафицэ со своими единомышленниками в 1965 году начал выпускать стенную газету «Адыгэ Хасэ». Естественно, подобную «самодеятельность» партийные органы расценили как крамолу и сделали соответствующие оргвыводы. А ведь студенты просто хотели умножить число друзей своего народа, что можно было сделать только через развитие языка, связей с братьями по крови, волею судьбы оказавшимися вдали от этнической родины.

Теме черкесских изгнанников, проблеме возвращения их на историческую родину посвящены многочисленные исследования М. Хафицэ, опубликованные в газетах, журналах, научных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Северного Кавказа, Ближнего Востока, Турции, Германии, Франции, США и нашедшие горячий отклик в сердцах многочисленных читателей. Материал для изысканий он находил во время своих многочисленных поездок в зарубежные страны, в которых компактно проживает черкесская диаспора.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что именно Мухамед Мусабиевич по праву считается первооткрывателем темы черкесского зарубежья, на его книги ссылаются в своих научных работах и диссертациях практически все, кто изучает эту многогранную тему. Он автор книг по проблемам истории и культуры адыгов.

Кроме того, автор-составитель сборников «Истины», «Одна судьба – одна дорога», «Точка отсчета», «Юрий Темирканов», «Синие горы Кавказа», «Аиссе – черкесская нимфа», «Правда и кривда», «Кабардино-Балкария: к России, с Россией, в России», «Алим Кешоков: всадник чести», «Михаил Шемякин: фантастика реальности», «Инна Кашежева: Кавказ надо мною», «Исхак Машбаш: формула нравственности», «Юрий Калмыков: адыгский Прометей», «Адыгская диаспора» и многих других. Эти издания получили широкое общественное признание, стали своего рода пособием по воспитанию молодежи в лучших национальных традициях, в духе российского патриотизма.

Обращают на себя внимание Ваша творческая энергия, целеустремленность, беззаветная преданность любимому делу. Скромность, деловитость и чувство высокой ответственности в работе, сочетание исключительной требовательности и принципиальности с сердечной теплотой, отзывчивостью и заботой о людях, с которыми Вы щедро делитесь своими знаниями и опытом, снискали к Вам глубокое уважение и признательность.

Сегодня Ваш день, и Вы встречаете его достойно, с солидным багажом научных достижений, наград и почетных званий. Ваша жизнь, исполненная глубокого и бескорыстного служения литературе и науке, своему народу, своей стране, может и должна служить примером для подражания молодому поколению, которое стоит перед нелегким выбором – делать жизнь с кого?

Еще хотелось бы пожелать нашему дорогому юбиляру всегда оставаться молодым душой, добрым, жизнерадостным, приятным в общении, с сердцем, открытым людям. Пусть в Вашем доме всегда будут мир и согласие!

*Асхад Шеуджен,
доктор биологических наук, профессор, академик РАН и АМАН,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Кубани, Адыгеи и КЧР
г. Краснодар*

РАЗБРОСАНЫ АДЫГИ ПО ЗЕМЛЕ

Мухамеду Хафицэ

Разбросаны адыги по земле,
В Америке, в Германии их лица.
Уже который год об их судьбе
Рассказывает Мухамед Хафицэ.
Он человек, влюбленный в свой народ,
Его истоки воплотил в страницы.
В адыгских звездах блещет небосвод,
Об этих звездах пишет нам Хафицэ.
Талантливый писатель, журналист –
Он знает цену искреннему слову.
Адыги всего мира собрались
В его статьях под всемогущим кровом
Владыки вдохновенного пера,
Вдыхающего жизнь в свои этюды.
Да будет жизнь к нему всегда добра
И восхищенно почитают люди!

*Марина Абдокова,
доктор филологических наук, профессор КЧГТУ
г. Черкесск*

Магомед АТМУРЗАЕВ

Главный режиссер Государственного Балкарского драматического театра им. К. Кулиева. Им поставлены пьесы местных авторов, русской и зарубежной классики. Спектакли режиссера по комедиям Гецадзе «Дорогу, Караман жену ведет!», «Ревизор» Н. Гоголя, по трагедиям М. Ольмезова «Княгиня Гошаях», «Бийнёгер» А. Теппеева, «Дом Бернарды Альбы» Г. Лорки и др. раскрыли разносторонний талант М. Атмурзаева.

Магомед Мажидович – доцент СКГИИ. Под его руководством готовится к выпуску пятый актерский курс.

Он автор пяти книг. Сказки «Белый цветок» и «Вошебная свирель» были поставлены в Балкарском и Абазинском («Белый цветок») театрах. В настоящее время Азербайджанский театр (г. Дербент) работает над пьесой «Вошебная свирель». Сказка «Честное слово» адресована самым маленьким зрителям, она успешно прошла в Республиканском Кукольном театре.

Драматург также инсценировал рассказы Х. Кациева. Пьеса «А у вас какие новости?» была поставлена в Балкарском и Карачаевском театрах.

Асият САРАККУЕВА

В 1987 г. после окончания Таилы-Талинской средней школы поступила на актерский факультет ГИТИСа. Получив диплом актера театра и кино, продолжила учебу на театроведческом факультете того же института.

Работая актрисой в Балкарском театре, начала собирать материалы по его истории. Позже выбрала журналистскую стезю. Работу в газете «Заман» совмещала с телевизионной журналистикой. Асият – автор многих статей и телепередач про основоположников Балкарского театра и современных деятелей культуры. Ее статьи выходили в научных рецензируемых журналах «Театральный вестник», «Страстной бульвар», во Франции и Турции.

В 2020 г. Асият Сараккуева окончила аспирантуру на кафедре русской и зарубежной литературы КБГУ. Исследует карачаево-балкарскую драматургию.

В настоящее время работает редактором-ведущим телевизионных программ на балкарском языке в ГКУ «КБР-Медиа».

СЛЕПНИ

Д р а м а

(По рассказу А. Теппеева «Долина слепней»)
(перевод с балкарского языка Х. Джуртубаева)

Действующие лица:

Жолай, председатель колхоза.

Токаш, плотник, ударник труда.

Ахия, бригадир.

Харун, друг Токаша, его ученик.

Жетиш, отец шестерых сыновей.

Мусос, отец пяти дочерей.

Алибий.

Мазан.

Зулихат, жена Токаша.

Рамазан, семилетний сын Токаша.

А К Т П Е Р В Ы Й

Тридцатые годы прошлого столетия. В Нальчике проходит съезд ударников труда. В глубине сцены идут кадры кинохроники, в которых можно увидеть выступающего Токаша. На груди у него орден. Играет жизнерадостная музыка. Раздаются аплодисменты.

Токаш. Дорогие товарищи! Я, Жандаров Токаш, приехал из селения Кюнлюм. Я хочу передать вам привет от односельчан, людей, с которыми работаю, которые делегировали меня на этот съезд. Прошло пять лет, как в нашем селе был организован колхоз. И мы, жители Кюнлюма, выражаем сердечную благодарность тем, кто помог нам наладить работу, людям, которые указали нам путь к новой, счастливой жизни.

Мои односельчане, как и остальные колхозники по всей стране, трудятся не покладая рук. Силами плотницких бригад нашего колхоза в селе построено множество объектов. В нашем колхозе есть две овцеводческие и три молочно-товарные фермы. А в данный момент мы занимаемся строительством фермы для яловых коров. Уважаемые друзья, как вы знаете, трудолюбие у нашего народа в крови... (Аплодисменты.) Благодарю вас... Желаю всем вам новых трудовых

успехов. *(Через некоторое время.)* Хочу сказать еще об одном... Что такое пять лет для колхоза? Это очень маленький срок. Поэтому не все еще так, как хотелось бы. Но, как говорится, и стойбище не сразу строится. К сожалению, встречаются еще люди, которым не по душе колхозная жизнь. Но никто не в силах помешать нам, мы достигнем всего, что задумали, можете быть в этом уверены. Я думаю, что каждый из нас должен работать для блага колхоза, как для собственного блага. *(Аплодисменты.)* Только труд может сделать нас счастливыми! Давайте же будем стремиться к новым успехам. Извините, что отнял у вас много времени. Благодарю вас за то, что выслушали меня. *(Аплодисменты.)*

Затемнение

Картина первая

Дом Токаша. Все работающие с ним в одной бригаде, кроме Харуна, приходили поздравить его и сейчас расходятся. Токаш выходит их провожать. Слышно, как они некоторое время беседуют на улице. Токаш заходит в дом.

Токаш. Мне и в голову не могло прийти, что вот так, буквально все село придет меня поздравить. Дай Аллах им всем счастья. Не зря говорят, что человек богат своими односельчанами.

Зулихат *(спокойно)*. Девять лет я хотела тебе сказать об этом, но сдерживала себя... А сейчас скажу... А ты уж не обижайся, сын Келли. Ты человек с открытой душой, и думаешь, что и остальные такие же. Но это совсем не так. Возьми, например, хоть Харуна – почему бы ему не прийти сегодня со всеми поздравить тебя? Попил-попил бы со всеми, порадовался за тебя. А видишь – не пришел. Черное сердце у этого человека. Оно и не дало ему переступить порог нашего дома. А ты его везде с собой таскал, учил всему. Вот тебе и благодарность за все...

Токаш. Не надо так говорить. У Харуна много дел. Дом, большая семья. К тому же, старики у него на руках, они много внимания требуют.

Зулихат. Да, конечно... Ко всем он внимателен, чуток, лишь на одного тебя ему не хватает времени. О Аллах, и как только люди могут с такими грязными помыслами жить?

Токаш. Он говорил, что придет, а слово свое он держит. Может, прямо сейчас и заявится, как освободится от работы. Не надо из-за этого нервничать и шум поднимать.

Зулихат. Ну да, конечно, бежит уже... И если хочешь знать, я вовсе не горю желанием в полночь тут за ним ухаживать.

Раздается стук в дверь.

Токаш. Ну вот, я же говорил. *(Открывает дверь. Входит Жолай.)*

Жолай. Мир дому вашему. Гостей принимаете? Извините, что так поздно, только-только спустился с коша. Но не смог не зайти поздравить тебя, сын Жандара. Ну, расскажи мне о съезде, обрадуй меня. Ты не поверишь, как мы все, твои односельчане, обрадовались, когда увидели в газете твою фотографию с орденом на груди.

Токаш. Да что тут рассказывать... Ничего выдающегося я не сделал, работал, как все... Просто выбор пал на меня. Женщина, где ты там возишься? Ставь на стол мясо, угости председателя. И про хичины не забудь.

Голос Зулихат. Да-да, уже несу.

Жолай. Сын Жандара, не надо суетиться. Келин, и ты не утруждай себя. Я буквально на минуточку забежал.

Зулихат ставит на стол мясо, хичины.

Токаш. Как это на минуточку? Ты должен отведать жертвенного мяса. Так у нас положено, а обычай даже для председателя – закон.

Жолай. Если жизнь так будет продолжаться, впереди нас ждет много поводов для пиршеств. У тебя появятся последователи, будем новых ударников чествовать. А ты свои заслуги не преуменьшай, тобой не только наш колхоз, весь район гордится... Да, кстати, есть еще одна причина, по которой я зашел к тебе. Токаш, нас двоих завтра ждет дорога: надо поехать в райцентр, привезти материалы для строящейся фермы. Начальство сказал, чтобы без тебя не приезжал, там тоже хотят тебя видеть.

Токаш. И что, теперь ты постоянно будешь меня с собой таскать? Смотрины мне устраивать? Я согласен в одиночку достроить ферму, лишь бы не выступить еще раз перед людьми. Ты не понимаешь, как мне это тяжело. Жолай, прошу тебя, не заставляй меня с тобой ехать. Да и по работе я соскучился, по бригаде. Я собирался с утра выехать к ним.

Жолай. Успеется. Хотя должен сказать, что ребята твои относятся к работе вовсе не так, как ты. За время твоего отсутствия они, считай, ничего не сделали, даже стены фермы еще не подняли. Похоже, без тебя дело так и не сдвинется с места...

Токаш. Жолай, ты, наверное, преувеличиваешь, они вовсе не такие ленивцы...

Жолай. А тебе лишь бы их защитить. Токаш, нужно понимать, что ты уже не простой плотник-работяга, теперь ты – человек заслуженный, орденосец. И работу теперь надо строить по-другому. Есть мнение, что для тебя надо сформировать новую бригаду, с хорошими работниками. А этих твоих лоботрясов – Алибия, Мусоса, Жетиша и остальных разбросать по разным бригадам. Если эти лежебоки будут вместе, дело так и будет стоять. Я прекрасно знаю, что большую часть работы ты за них делал.

Токаш. Жолай, ты председатель, и, наверное, знаешь, что говоришь. Но поставь себя на мое место: мы много лет делили хлеб-соль, а теперь я стал «ударником» – и все, не хочу с ними иметь дело? Не нравится мне это, нельзя так.

Жолай. Нравится тебе это или нет, но будет так, как я сказал. Единственная загвоздка в том, что у нас не хватает людей. Так что строящуюся ферму пока закончишь со своими лодырями, будь они неладны. Все как на подбор собрались. Думал, на Харуна можно положиться, но и он недалеко от них ушел. Жетиш умелец, но рвения к труду нет совсем. Даже не знаю, что с ним случилось, раньше он был хорошим работником... Ну да ладно, в самом скором времени мы наведем порядок. Для ленивцев и лодырей в нашем обществе не должно быть места. А сейчас я пойду, пожалуй...

Токаш. Председатель, ты даже не прикоснулся к жертвенному мясу.

Жолай. Да, это непорядок, так нельзя делать. (*Берет кусок мяса, ест.*) Да не покинет радость ваш дом. Спокойной ночи. Келин, спасибо тебе за угощение! (*Уходит.*)

Зулихат. Да продлит Аллах дни Жолая! Вот человек, который знает, что хорошо, а что плохо. Но он так толком и не поел ничего. А ты чего молчишь, случилось что?

Токаш. Собираются новую стройбригаду организовать и меня туда перевести. А мне этого совсем не хочется. Столько лет вместе работали, а поехал на съезд, и теперь все, я вам не ровня... Неудобно перед товарищами.

Зулихат. Да возблагодарит Аллах Жолая за его умное решение! Поистине, председатель знает, что делает.

Токаш. Я не считаю, что был единственным человеком, достойным поехать на съезд. Просто так получилось...

Зулихат. А кто еще был достоин? Мусос, который ни рыба ни мясо? Или Жетиш?.. А может, надо было туда послать пьяницу Алибия? Или Мазана, у которого ни одна работа в руках не спорится?.. Я с тобой никогда не обсуждала такие вещи, но я хорошо знаю, что говорят в селе. Кто-то искренне рад за тебя, но кое-кто прямо сгорает от зависти. Кроме того, есть люди, которые откровенно смеются

над тобой. По их словам, ты совсем не уважаешь себя, и те, кто не достоин твоей ноги, сели тебе на шею, ты работаешь один за них всех. И, клянусь Аллахом, они правы. Спасибо Жолаю, он знает тебе цену. И если ты сейчас не послушаешься его, то потом горько пожалеешь. Если я хоть что-то понимаю в жизни, то эти люди, которых ты считаешь своими друзьями, еще покажут свое истинное лицо. Даже сегодня они позволяли себе над тобой подтрунивать. Думаешь, они заявили сюда разделить твою радость? Как бы не так, для них это был всего лишь повод хорошенько поесть-попить. Будь уверен, все, что сегодня услышали от тебя, они перевернут, и завтра же постараются выставить тебя в дурном свете. Есть, конечно же, и те, кто искренне радуется за тебя, пусть Аллах будет ими доволен. Сын Келли, ты теперь на виду у всех, поэтому должен тщательно обдумывать каждый свой шаг. Кроме того, не забывай, ты сына растишь.

Токаш. Кстати, где он? Спит? Он так и не появился здесь, видимо, гостей постеснялся.

Зулихат. Я нашла газету с твоей фотографией у него под подушкой. А если бы ты видел, с какой гордостью он рассказывал о тебе мальчишкам на улице! А мне он чуть не каждый день говорит, что тоже станет плотником, когда вырастет.

Токаш (себе). О Аллах, благодарю тебя за то, что ты дал мне его! Сын – вот это действительная радость. А орден, слава – все это пустое... Но, пожалуй, пора на покой, обоим нам утром рано вставать.

Картина вторая

Плотницкая бригада отдыхает в коше. Ахия читает вслух газету, остальные слушают.

Ахия. «...Все мы видим, что жизнь в горных селах изменилась до неузнаваемости. Яркий пример – селение Кюнлюм. Достижения колхоза радуют всех нас и являются для нас примером. Раньше, когда земля принадлежала князьям и богачам, простые люди не имели возможности заготовить себе хоть немного сена. А теперь на пастбищах построены фермы, колхозники живут, не зная горя...»

Мусос (иронично). А про «ударников» в газете ничего не пишут?

Жетиш. Ты имеешь в виду себя? *(Все смеются.)* Читай дальше, Ахия.

Ахия. Да с вами почитаешь, перебиваете каждую минуту. *(Начинает читать.)* «В том, что жители Кюнлюма достигли больших успехов, большая заслуга председателя колхоза Жолая Эришева. Герой Гражданской войны, он и в мирное время работает, не жалея

сил, собственным примером показывает, как надо трудиться. Самых высоких слов заслуживает и плотник Сюдюмов Токаш...»

Мазан. Клянусь покойным отцом, вот уж действительно – не бывает сказки, где не упоминался бы хан. Теперь без рассказа об этом яловом, кажется, ни одна газета в стране не выходит.

Ахия. А я вам всегда говорил, что он себе на уме. Кто бы мог подумать, что человек, работающий так же, как все мы, вдруг станет «ударником»? А вот поди ж ты, стал, теперь его имя рядом с героем Гражданской войны Жолаем стоит.

Алибий. Ну, до Жолая ему, как до неба. Говорят, нашего председателя даже районное начальство боится.

Харун. И где только ты таких пустых разговоров наслушался? Ну да, конечно, районные начальники так и трепещут при виде Жолая, прямо в штаны писаются.

Алибий. Люди говорят...

Жетиш. Кого-кого, а вот Жолая не надо трогать, Харун. Неизвестно, скольких невинных людей причислили бы к кулакам и отправили в Сибирь, если бы не он. Только личное мужество председателя, его заступничество спасло их. Кстати, Харун, в списках подлежащих раскулачиванию был и родной брат твоего отца...

Ахия. Жетиш, мне кажется, что сейчас ты и самого бесплодного начнешь расхваливать. С чего ты вдруг воспылил любовью к нему?

Жетиш. Кто такой Токаш, вы знаете не хуже меня. С самого детства он отличался трудолюбием. Если он ходил в лес за дровами, то загружал не только своих осликов, он и на себе тащил тяжелую вязанку дров. Благо, сил у него всегда хватало. Вы сами свидетели, что никому так и не удалось его побороть. Не зря старики прозвали его Алауганом.

Ахия. Судя по тому, как ты возносишь этого ялового, ты, кажется, всем доволен? Или ты думаешь, что твое умение петь дает тебе право поучать нас? И откуда только берутся такие двуличные люди?

Мазан. Жетиш, клянусь покойным отцом, я готов поклясться, что ты всегда трудился ничуть не меньше Токаша. Однако орден вручили ему, а не тебе. И мне кажется, теперь ты работаешь вовсе не с такой охотой, как раньше...

Жетиш. Раньше я, как и все, работал на себя. У меня было вполне достаточно разной скотины. Но сейчас все по-другому. Скот забрали в колхоз, дети выросли и живут своей жизнью... *(Подтрунивает над товарищами.)* А кроме того, я решил брать пример с вас. Если колхоз кормит Алибия, он сможет содержать и меня. Разве не так?..

Ахия. У каждого свое отношение к колхозу. Меня, например, все устраивает... И дайте уж мне дочитать. *(Читает.)* «Молодежь, идя

по ленинскому пути, много сил отдает учебе. Также немало девушек и парней перебралось в город, работает там... Но нельзя не сказать и об имеющихся недостатках. Так, например, есть опасения, что не удастся выполнить пятилетний план. Некоторые несознательные личности относятся к своим обязанностям наплевательски, считают, что, став колхозниками, они могут позволить себе работать спустя рукава...»

Мазан. Что это за чушь ты там бормочешь? Кто написал этот бред?

Ахия. Наш Хабибуллах, кто же еще. Это его рука, сразу видно.

Мазан. Да, много ты понимаешь. Дай-ка сюда газету.

Харун. Если уж Хабибуллах начал такое плести, плохи его дела. Каждый, кто грамоту освоил, начинает мнить себя журналистом.

Мазан (Ахие). Я не понял, почему ты тут на Хабибуллаха напраслину возводишь. Под статьей нет ни его имени, ни фамилии, неизвестно, кто это писал. За дурачков нас принимаешь? Нет-нет, а статью прочитать мы тоже сможем. Так что поубавь свой гонор. То, что ты два раза посидел в конторе за одним столом с районными начальниками, ничего еще не значит.

Алибий. А ты что, не понимаешь, почему он из себя умного строит? Это он перед Мусосом выделяется, задумал его старшую дочь за Хаммалия сосватать.

Мусос. Что?! Чтобы мы свою дочь выдали за сына Ахии, у которого ни кола ни двора? Размечтался. Да сена, собранного моими девочками за день, семье на всю зиму хватает. Косорукому сыну Ахии не стоит даже мечтать о них.

Ахия. С чего это мой сын стал косоруким? Да в селе не найдется никого из парней, кто одевался бы, как он!

Мусос. Да уж, если это твой сын, то он, конечно же, опора села.

Харун. Кстати, тут мне в голову пришло... Жетиш, у тебя шестеро сыновей, у Мусоса пять дочек, почему бы вам разом не переженить их. Одна девушка, правда, остается, но и ей можно кого-нибудь подыскать.

Мазан. Клянусь покойным отцом, плохо вы Жетиша знаете. Он хочет всем сыновьям дать образование и в начальники их вывести. Каждый год одного в город отправляет, теперь всего один остался, самый младший. Но, Жетиш, смотри не ошибись, кто городского хлеба попробовал, того уже обратно в село не заманишь.

Жетиш. Я у вас совета не просил, сам разберусь, что мне со своими сыновьями делать. Но сразу говорю: им нужны только образованные жены, такие, как они сами.

Харун. Так что же ты медлишь, не женил еще ни одного? Честно говоря, они уже далеко не мальчики.

Жетиш. А ты не лезь со своей ложкой туда, где нет твоей каши. Позаботься о своих спиногрызах.

Разговор прерывается напряженной паузой.

Мазан. Мусос, а ты зря пытаешься к «ударникам» примазаться. Во-первых, все помнят, с чем ты пришел в колхоз: одни вилы и два тележных колеса. А теперь важный стал, не хочешь выдать свою дочь за сына Ахии.

Жетиш. Не забудем еще, откуда у него взялась телега. Когда Мусос женился, ему ее отец Токаша подарил. Телега вскоре отслужила свое, а колеса остались. Но даже они для Мусоса – повод для гордости. Всякий раз, при виде проезжающей арбы он говорит: «Вот эти колеса мои были, я за них в Кисловодске трехлетнего бычка отдал». Как будто кто-то в это поверит.

Харун. Отец Токаша, говоришь?

Жетиш. Ну да... Кстати, что между вами произошло? Ты даже в лице переменялся при имени Токаша.

Мусос. Помнится, Харун за ним хвостом ходил. В рот ему заглядывал, каждое слово ловил. Да и в гости к нему частенько захаживал, немало бузы выпил, которую первая жена Токаша была мастерица готовить. А сейчас нос воротит, вчера даже поздравить его со всеми не зашел.

Харун. Ну, скажем, от ее бузы и вы не отказывались. И ты, Мазан, и ты, Мусос, дорогу к ним не хуже меня знали. Сколько тостов вы в доме Токаша за столом сказали – не перечесть. Будь это при первой его жене или при второй.

Ахия. А все-таки, почему тебя вчера не было с нами?

Харун. Дел у меня невпроворот было, не смог пойти, за скотиной надо было смотреть.

Мазан. Тоже мне нашел дела, как будто кроме тебя это некому было сделать.

Харун. Да что вы ко мне пристали, в конце концов? Не пошел и не пошел. Вы вот ходили, что хорошего вам Токаш и его жена дали?

Жетиш. Как что дали? Угостили на славу. А про бузу Зулихат тебе рассказывать не надо...

Алибий. Сколько живу, столько удивляюсь – почему этому порожнему всякий раз такие хорошие женщины достаются? Не иначе он приворот хороший знает. В доме у него всегда еда на столе. А наши мымры один день если приготовят что-нибудь, потом неделю голодом морят.

Жетиш. Эй, следи за языком, голодранец, говори про себя. У нас, слава богу, таких проблем нет. А твою жену можно понять – никогда

в жизни ты рубля в дом не принес, заработаешь копейку, сразу пропить должен. Да и в бригаде ты до сих пор только благодаря нам, терпим тебя. Сколько раз тот же Токаш тебя на поруки брал, думал, ты человеком станешь...

Ахия. И тут Токаш. Может, вы и бригадиром себе теперь его сделаете? Хотя тогда вы по-другому запели бы. Он бы из вас всю душу вытряс в погоне за планом, вам – пахать, а ему – почет. Уж при нем вы не отдыхали бы вволю, как при мне. И не только вы, а и женщины вокруг него бегали бы.

Пауза.

Мазан. Шутки шутками, клянусь покойным отцом, а ведь это действительно так. Сколько поварих здесь ни менялось, всегда лучшие куски Токашу достаются. А ведь он не самый старший в бригаде. Алибий прав, точно Токаш какой-то приворот знает.

Мусос. Вот и нынешняя наша толстозадая повариха вокруг него увивается. А прежняя вообще на нас волком смотрела, проносила еду мимо нас и ему отдавала.

Жетиш. Ну, есть, значит, у человека, амулет, привораживающий женщин. А вы сидите и завидуйте!

Мазан. А может, после многих лет жизни с бесплодной Хадижат, а потом с Зулихат, которая еле родила ему мальчика, он ищет себе удовольствие на стороне? Начнет свои истории рассказывать, а эти дурехи уже и готовы ему на плечо упасть.

Харун (*подтрунивая над товарищами*). А вы не заметили, что Токаша не только женщины, но и слепни любят? Стоит ему высунуть голову на улицу, сразу вокруг него целый рой вьется. Может, у него и для слепней амулет есть?

Мусос. А ведь и вправду так. Если бы слепни так ко мне липли, я бы здесь и дня не задержался. А у Токаша, видать, кожа толстая, он будто и не замечает их.

Жетиш (*иронично*). Да уж, Мусос, твой уход был бы большой потерей для нас. Но ты не переживай, слепни тоже не дураки, зачем им твоя жидкая кровь?

Харун. Ладно, хватит о пустяках болтать. Меня сейчас другое волнует: неужели теперь вдобавок к Жолаю и Токаш будет нами командовать?

Мазан. Ну уж нет, одного Жолая нам с избытком хватает. Клянусь покойным отцом, второго «председателя» я не потерплю.

Ахия. А как ты смотришь на то, что председатель забрал Токаша с собой и который день его нет на работе? Он там гуляет, а мы на дорогу смотрим, высматриваем его.

Харун. А ты не жди, вставай и иди работать.

Ахия. Что-то ты больно умный сегодня. Хватит с нас и одного умничающего, Жетиша. Или ты от зависти сохнешь? Как, мол, так, твой товарищ орден получил, почетом окружен, женщины вокруг него вьются, – а тебе ничего.

Харун. Слишком уж вы его расхвалили. А на самом деле и почета особого у него нет, да и женщины, честно говоря, в очередь за ним не стоят, как вы хотите представить.

Алибий. Ну не скажи. В селе разное говорят. Есть люди, которые утверждают, что видели, как он денежки в харчевне тратил, шлюх городских угощал.

Ахия. Ну, если он со шлюхами обращается так же умело, как с топором... Ну, не знаю...

Мусос. Дочь Ажау, говорят, заставила его в Юрдю искупаться после приезда из города. Вручила ему мыло и полотенце и не пустила в дом, пока он в ручье «городскую грязь» не смыл.

Ахия. Все не перестаю удивляться: зачем этот бедолага так за богатством гонится? Как будто от голода умирает. Одного скота у него во дворе – целая ферма.

Мусос. Ну, честно говоря, много скотины – это не плохо. Особенно, если есть кому за ней присмотреть.

Мазан. Да, вот это ты правильно сказал: если есть кому присмотреть. А этот что? С бездетной женщиной прожил пятнадцать лет. Вторая жена родила ему двух девочек-близняшек, но они умерли. Правда, потом у него сынок появился, на которого они с женой молятся. Но сейчас у ялового денег достаточно, чтобы обеспечить единственного наследника на всю жизнь. Но не зря говорят: «Бездетный богатством не насытится».

Ахия. Посмотрел бы я на него, если бы ему шестерых сыновей пришлось растить...

Мусос. Куда ему... Он и одного-то своего отпрыска не может воспитать, избаловал совсем.

Харун. Может, пойдем уже поработаем? Хотя что-то сделаем, пока на обед не позвали. А после обеда, может, и Токаш заявится. Получится, без него мы вообще здесь не работали.

Ахия. И что ты этого ялового так боишься? Может, над тобой и есть князь по имени Токаш, но надо мной нет. Я здесь бригадир. И слово мое такое: мы еще отдохнем, а Жетиш нам споет, чтобы развеять скуку.

Алибий. Правильное решение.

Мусос. Значит, слушаем песню.

Жетиш поет.

Картина третья

На правом краю сцены видна часть строящейся фермы. Слева, в глубине сцены, угол коша. В середине сцены стоит столб. Полдень. Токаш возится с оконной рамой. Через некоторое время быстро входит Жолай. На груди у него орден, в руках – плетка.

Жолай. Салам алейкум, сын Жандара.

Токаш (*прекращая работать*). Уaleyкум салам, Жолай.

Жолай. Ну, как вы тут? Заканчиваете?

Токаш. Оллахий, председатель, стараемся, работаем, не жалея сил...

Жолай (*несколько недовольно*). Что-то очень уж медленно продвигается работа, сын Жандара.

Токаш. Не волнуйся, Жолай, нет повода беспокоиться. Ты лучше скажи, как там в селе, что нового? Все ли живы-здоровы?

Жолай. Все хорошо. (*Закуривает.*) Если мы вовремя не закончим строить эту ферму, комиссия нас по голове не погладит. Ты это знаешь не хуже меня.

Токаш. Знаю, председатель, знаю. Но ты не переживай. Бог даст, к назначенному сроку все будет готово. (*Сгоняет севшего на щеку слепня.*) Ох уж эти слепни, совсем замучили.

Жолай. А ты что, забыл, что Баласлы-кол всегда называли «балкой слепней»?

Токаш. Да помню, помню. Так просто говорю. Прямо поедом нас едят...

Жолай (*недовольно озирается*). А что ты один возишься? Где остальные? Вымерли все?

Токаш (*смущается, пытается защитить товарищей*). Оллахий, только что отдохнуть немножко решили. Обед скоро... устали очень.

Жолай (*сердито*). Какой тут к черту отдых, когда дело стоит?! И какой обед, если уже солнце к закату клонится?

Токаш. Да просто решили в себя немножко прийти... Жарко очень...

Жолай. Где они? В кошаре?

Токаш. Да...

Жолай. Сукины дети! Я вам покажу сейчас тенечек! Сборище лентяев!

Токаш. Жолай, оставь их, пусть отдохнут...

Председатель идет в сторону кошары. Из кошары слышится крик Жолая. Токаш укоризненно качает головой.

Жолай. Что за спячку вы здесь устроили?! Быстро все встали и взялись за работу! И пеняйте на себя, если я еще раз такое увижу!

Токаш (себе). Да уж, Жолаю попадись только под горячую руку... Не дал людям отдохнуть. По такой жаре...

Строители выходят из кошары и принимаются за работу. Они косо смотрят на Токаша. Последним из кошары выходит Жолай и начинает ругать Ахию.

Жолай. Как вы не понимаете, что колхоз – это прежде всего труд? Ладно остальные, но ты-то, Ахия, бригадир, почему ты позволяешь им тут лежать в рабочее время?

Ахия. Оллахий, Жолай, мы только сейчас зашли в кош. Солнце совсем уж нещадно печет...

Алибий. На обед...

Жолай (прерывает его). Закрой рот! Какой обед?! Ты что, не видишь, что уже вечереет?

Мазан. Жолай, клянусь покойным отцом, прямо перед твоим приходом присели...

Ахия. Хватит болтать, беритесь за дело. (Указывает на Токаша.) А во всем вот этот чурбан виноват.

Жетиш. Ты так думаешь?

Мусос. Можешь даже не сомневаться.

Жолай. Если работа не будет вовремя закончена, и мне, и вам достанется.

Жетиш. Времени еще достаточно, председатель.

Ахия. Председатель, ни о чем не беспокойся.

Жолай. Будете так лежать, черта с два вовремя закончите... (Собирается уходить, но возвращается.) Ахия, знай, что спрос в первую очередь будет с тебя! Не говори потом, что я тебя не предупредил. (Уходит. Кричит за сценой.) Ахия, заberi эти сумы! (Сердито.) И зачем только я, дурак, им еще провизию таскаю!

Ахия (Мусосу). Иди, занеси сумы в кошару. А то, видишь, председатель раскричался.

Мусос. Иду. (Уходит.)

Строители игнорируют Токаша. Мусос заносит в кош тяжелые сумы. Потом тоже приступает к работе.

Мазан (через некоторое время, с хитрецей). Слушай, Токаш, и чего ты ради этого дурацкого колхоза жилы рвешь?

Ахия. Ну как же, если бы тебя объявили «ударником», послали на съезд, орден вручили – ты бы тоже так себя вел.

Алибий. Повезло ему, вот и старается, человеком себя почувствовал. Теперь он не ровня нам.

Мусос (*искоса глядя на Токаша*). Видишь, даже говорить с нами не хочет.

Токаш *продолжает работать. Он только укоризненно покачал головой и улыбнулся.*

Мазан (*подмигнув товарищам*). Знай мы, что дело так обернется, ни за что на съезд Токаша не послали бы, хоть он и отлично работает.

Мусос (*рассердившись*). В конце концов, никто из нас от работы не отлынивает! Но кто бы что ни говорил, есть разница, на колхоз работать или на себя. Я человек прямой, говорю, как есть...

Токаш (*рассудительно*). Я так не думаю. Если мы работаем в колхозе, это не значит, что мы должны все делать вполсилы. Это стыдно...

Долгая пауза.

Мусос (*прекратив работать, зло*). Оллахий, ты вынуждаешь меня сказать то, о чем я долго молчал. Ты нас всех уже достал! Колхоз вроде для того и создавался, чтобы мы могли вздохнуть свободно, не горбиться с утра до ночи на работе. Так зачем же нам себя изводить?

Алибий. Да оставьте вы его в покое. Нравится ему, пусть ишачит. Нам-то что? Как говорится, ишак работать будет, а конь будет есть.

Мазан. Клянусь покойным отцом, ты прав!

Харун (*стыдит Алибия*). Так, по-твоему, ты – конь, а он – ишак?

Алибий. Да, именно так.

Токаш (*удивленно*). Кто знает, может, я чего-то не понимаю... Я вот хочу спросить: если мы не будем работать, что будет с колхозом?

Мусос (*раздраженно*). Вы только посмотрите на него. Сколько можно твердить одно и то же?

Мазан. Даже не мечтай, что он заткнется. Он уже почувствовал вкус славы – орденосец! Клянусь покойным отцом, да его привяжи, и то будет работать.

Алибий. Да, наверное, хочет еще один орден получить, еще почетней. И не только в Нальчик ездить, а куда еще подальше...

Ахия. Да-да, даром что он таким простофилей выглядит, нам не узнать, что у него голове вертится...

Мусос. Правду говоришь!

Токаш (*прекратив работать*). Скажите мне прямо, в чем моя вина перед вами?

Жетиш. Никто тебя ни в чем не обвиняет, просто хотим, чтобы ты знал меру.

Алибий. Да, только и всего.

Мусос (зло). А если коротко – ты наши головы суешь в пекло.

Алибий (закуривая). Как говорится, один старается ради души, а другой ради богатства. Токаш никак не может насытиться богатством, а мы из-за этого...

Харун. Алибий, может, хватит языком молоть? Совсем уже не соображаешь, что говоришь.

Мазан. Успокойтесь все! Клянусь покойным отцом, здесь нет никого, кому жизнь надоела. Мы все одна бригада, так давайте же работать одинаково: вместе садиться на отдых, вместе вставать.

Алибий. Так я о том и говорю.

Ахия. Правильно говоришь, Мазан. Абсолютно правильно! Давайте сделаем так: кто из нас раньше времени встанет из-за обеденного стола и начнет работать...

Мусос (резко). Того – судить!

Харун. А наказание какое будет?

Жетиш (шутливо). Провинившийся должен будет взвалить на спину бревно, которое мы никак не можем приспособить куда-нибудь, и поднять его на вершину холма.

Все, кроме Токаша, смеются. Им весело.

Мазан. Ну, для силача Токаша это не наказание.

Ахия. Тем более для Токаша-ударника.

Алибий. Да, это не наказание.

Мусос (поднимая руку). Послушайте меня! Если вы не будете против, я, кажется, придумал...

Жетиш. Говори.

Ахия. Ну, ждем, что ты придумал?

Харун. Слушаем тебя.

Алибий. Давай, Мусос, не тяни...

Мазан. Клянусь покойным отцом, всю душу вымотал...

Мусос (хитро улыбается). Если вы согласны, наказание будет такое: того, кто нарушит график обеденного перерыва, мы привяжем вон к тому столбу. До тех пор, пока мы не отдохнем как следует. В старые времена было распространено такое наказание.

Пауза.

Ахия. Живи, Мусос, здорово придумал!

Алибий (хлопает в ладоши). Отлично!

Мазан. Молодец, Мусос!

Жетиш. Правильное решение.

Ахия. Голосуем. Кто поддерживает такое решение?

Алибий. Я поддерживаю! Без этого порядка не будет.

Харун (Алибию). Еще бы тебе не поддержать, тебе-то точно не грозит быть наказанным.

Ахия. Смотрите, чтобы потом не было недоразумений.

Мусос. Значит, все мы сейчас должны дать клятву!

Пауза.

Мазан (выходит вперед). Если я не буду садиться на отдых и вставать после обеда наравне со всеми, то пусть меня привяжут к этому столбу! Клянусь покойным отцом, мое слово – верное. Клянусь священным Кораном.

Алибий. И я... и я клянусь Кораном...

Жетиш. Ну и я не буду отрываться от вас. Клянусь, что буду делать, как все.

Мусос. Я буду верен данному слову, клянусь Кораном.

Харун. Мое слово – слово, и моя клятва – клятва. Клянусь!

Ахия (выходит вперед). Если я не буду поступать, как все остальные, пусть меня покарает Аллах!

Все становятся в сторонку и смотрят на Токаша. Он прекратил работать и сидит, задумавшись.

Долгая пауза.

Токаш (улыбается, втыкает свой топор в стропило, смотрит на остальных). Ай, негодники, знаю, что все это вы затеяли, чтобы меня наказать. Ну что ж, дам клятву и я. Увидите, я ничуть не хуже вас смогу валяться, ничего не делая.

Плотники в веселом настроении начинают работать.

Затемнение.

Картина четвертая

Два дня Токаш был верен своему слову. На третий день он задремал, но вскоре проснулся, будто его толкнули. Присмотревшись и увидев, что товарищи его крепко спят, он лезет на крышу и начинает работать, стараясь не шуметь. Одет он в нижнюю рубашку, налысо обритая голова прикрыта войлочной шляпой.

Мазан (вскакивает с места, кричит). А-га, Токаш, попался!

Все, кроме Харуна, повскакали с мест и высыпали наружу. Они окружили Токаша.

Мусос (сильно возбужден, кричит). Уговор есть уговор, Токаш!

Ахия. Решение бригады должно быть исполнено!

Токаш (возится с уровнем). Ладно, хватит, пошутили и будет.

Алибий. Какие шутки? Ты дал слово!

Жетиш. Неужели ты нарушишь свою клятву?

Мусос (берет в руки волосяную веревку). Держите его!

Жетиш и Ахия становятся возле столба. Алибий и Мазан опасливо подходят к Токашу.

Ахия. Ты должен искупить свою вину.

Мазан. Давай, не задерживай нас, мы еще должны успеть отдохнуть.

Жетиш. Давай, Токаш, давай, дружище, время идет...

Мусос. Или ты хочешь, чтобы мы тебя связали, как бычка перед оскотлением?

Мазан. Клянусь памятью отца, Токаш, ты не хуже меня знаешь, что Мусос мастер на это дело, не успеешь глазом моргнуть...

Алибий (смеется). Да уж, это он умеет... Все село обслуживает.

Токаш (бросает работу, оглядывает всех). Вы что, совсем с ума сошли?

Ахия. Давай-давай, пошевеливайся. Ты клятву давал.

Харун (выходит из кошары, смотрит на происходящее, хватается за живот). Ой, что-то у меня живот прихватило...

Токаш (с улыбкой, как к другу). Харун, скажи хоть ты им, пусть с ума не сходят.

Харун (делает вид, что не слышит Токаша). И что я такого поел, живот крутит невыносимо... (Уходит за кошару.)

Алибий. Твоему другу не до тебя.

Жетиш. Токаш, давай, не порть нам игру!

Мусос (ему уже не стоит на солнце). Эй вы, долго мне еще тут на солнце жариться?

Ахия. Кажется, добровольно ты не согласишься... Придется силой тебя заставить выполнить решение бригады.

Мазан. Клянусь памятью отца, давно уже пора. Не до вечера же нам ждать.

Токаш (возвращаясь к работе). Не дури, Ахия.

Мазан. Давайте оставим это. Ничего не получится.

Алибий. Почему?

Мазан. Почему? Да потому, что Токаш прекрасно понимает, что быть привязанным к столбу совсем не то же самое, что сидеть на съезде за столом, накрытым кумачом. Клянусь покойным отцом, если вы думаете, что сможете с ним справиться, давайте, действуйте.

Мусос. Еще как справимся. Хватайте его!

Ахия. Давайте, хватайте!

Токаш (с улыбкой продолжает выравнивать оконную раму по уровню). Да, держите, хватайте!

Пауза.

Алибий (кричит). Он давал клятву... Он должен!

Жетиш (растерянно). Честно говоря, Токаш...

Ахия. Поклялся на Коране, а теперь...

Мусос (поигрывая веревкой, лицемерно). Не будь клятвоступником.

Мазан. А что ты хотел от «ударника». Да еще и на съезде побывавшего? Такому человеку ничего не стоит нарушить свою клятву. Клянусь памятью отца...

Жетиш. Отделять себя от коллектива – последнее дело. Ты должен понимать это.

Ахия. Не зря говорят, «Слово бедняка не пробьет и листочек». Мало разве я твердил, что не надо отправлять его на съезд. Я знал, чем все это закончится. Но никто не хотел меня слушать. Хотя у нас и без Токаша хватало «ударников».

Алибий. Да, ты был прав.

Токаш (откладывает уровень, снимает кожаный фартук). Вижу, вы от меня не отстанете. Если так уж хочется видеть меня привязанным к столбу, я, так и быть, доставлю вам такое удовольствие. (Идет и становится рядом со столбом.) Давайте, вяжите...

Долгая пауза.

Токаш (улыбается). Ну, что вы стоите, вяжите.

Алибий. Токаш, ты не обижайся. На твоём месте мог оказаться и я...

Харун (выходит из-за коша, держась за живот. Увидев происходящее, ошалело). Эй, вы что, в самом деле, творите? Оставьте. Пошутили и хватит.

Мусос (привязывая Токаша к столбу). Какие игры, Харун? Здесь все серьезно.

Мазан. Уговор есть уговор, парень.

Алибий (помогая Мусосу). Харун, ты зря вступаешься за своего друга. Мы приняли решение, и оно должно быть выполнено.

Харун. Может, закроешь свою пасть? Ты теперь будешь мне нравоучения читать. (*Быстро заходит в кош.*)

Алибий. И что я такого обидного ему сказал?

Ахия. Да ладно, не обращай на него внимания. Давайте, вяжите покрепче, а то он еще надумает высвободиться.

Мазан. Мусос дело знает, ты когда-нибудь видел, чтобы связанной им скотине удалось освободиться?

При связывании Токаша его шляпа мешает, поэтому ее отшвыривают в сторону.

Ахия. Так-то это так, но все же...

Мусос. Алибий, ну-ка, потяни веревку за этот край. Ага, вот так. И ноги покрепче ему свяжите.

Мазан (удовлетворенно). Пай, пай, пай! Клянусь покойным отцом, Мусос, связал ты его на славу. Будь это не силач Токаш, а даже сам Алауган, и то не сможет освободиться.

Токаш. Ну как? Ты доволен, Мазан? Надежно меня связали?

Мазан. А ты попробуй развязаться, «ударник».

Ахия. Пойдем теперь отдохнем. А ты пока подумай над своим поведением.

Мусос. Полежим, пока жара спадет.

Жетиш (уходя, тихонько Ахие и Мазану). Послушайте, как бы нам не пришлось потом пожалеть. Может, от слепней ему и не будет большого вреда, но солнце может припечь ему голову. Может, накинуть ему на лысину что-нибудь?

Ахия. Да, действительно, голова его выбрита на совесть.

Мазан. Клянусь покойным отцом, его дубленую кожу не припечет и солнце Мисира. (*Все трое смеются.*)

Ахия. Ну, если так, то оставим.

Алибий. Теперь можно и отдохнуть спокойно.

Мусос. Все просто замечательно получилось. Пусть погрееется на солнышке. Пошли в кош. (*Токашу.*) Думаю, больше ты не будешь вскакивать из-за стола, не дожевав последний кусок, и хвататься за свой топор.

Мазан. Клянусь покойным отцом, ты прекрасно сказал, Мусос!

Все, шутя и смеясь, заходят в кош. Токаша сразу же облепляют слепни.

А К Т В Т О Р О Й

Картина первая

На сцене ничего не изменилось. Постоянно должен быть слышен гул летающих мух и слепней. Привязанный к столбу Токаш изнемогает. Бригада отдыхает в кошаре. Кто-то спит, кто-то лежит просто так, кто-то перекусывает. Внутренность коша и столб во дворе должны освещаться по очереди. Жетиш, полулежа, поет.

Жетиш. Девять возлюбленных моих на пиршестве,
Выстроившись в ряд, стоят, словно газыри.
Выбрать одного из вас –
Все равно что разорвать серебряную цепочку.

Токаш (кричит). Жетиш! Эй, Жетиш, накиньте мне что-нибудь на голову! Где-то здесь моя шляпа валяется...

Все делают вид, что не слышат. Харун лежит, повернувшись лицом к стене, дремлет. Мусос машет рукой, показывая, чтобы Жетиш продолжил песню.

Жетиш. Если девять моих возлюбленных придут на пир,
Каждый из них принесет с собой подарок.
Ой, как мне дать предпочтение одному из вас –
Все равно что разорвать серебряную цепочку.

Мусос. О-ой...

Жетиш. В Кармово ворона давится, говорят,
Ой, в Бабугее, говорят, кричит.
Если я не умыкну Сурахай,
Счастье свое выпущу из рук...

Мазан. Ой, спасибо тебе, Жетиш, ублажил нас. Дай Аллах тебе здоровья.

Алибий. Вот это песня!

Мусос. Ай молодец, Жетиш! Порадовал нас. (Через некоторое время, Алибию.) Слушай, сбегай за холодной водичкой к ручью на поляне. Умираем уже от жажды.

Алибий (берет бурдюк). Я мигом. (Выйдя из коша, смотрит на Токаша.) Ну, как ты тут, герой?

Токаш. Алибий, Аллахом тебя прошу... Как так можно...

Алибий (злорадно усмехаясь). Ничего-ничего, ударник. Потерпишь...

Токаш. Голова... голова раскалывается...

Алибий. Не бойся, знаю я твою голову. Клянусь, с ней ничего не случится, даже если ты здесь год будешь привязан.

Токаш. Я тебе серьезно говорю. Голова... У меня шляпа была...

Алибий. Так тебе и надо. Орденоносец нашелся! Никому житья от тебя не было. (*Смеется.*) Но, как видишь, слепням плевать на твой орден. Так что, торчи тут. (*Уходит.*)

Токаш. Ах, ты... Аллаха ты не боишься... (*Через некоторое время зовет Ахию.*) Ахия! Ахия, где ты? Выйди сюда! Я подыхаю тут!

Ахия (*Мусосу и Мазану*). Чего ему от меня понадобилось?

Мусос. Холеры ему понадобилось! Не выходи.

Мазан. Сделай вид, что не слышишь, пускай кричит.

Мусос. Еще и полчаса не прошло, как он привязан. Чего разорался, спрашивается.

Мазан. Не обращайтесь на него внимания.

Токаш. Ахия, я умираю!

Ахия (*сердито вскакивает с места*). Похоже, он не уймется. Пойду поставлю его на место, а то он не даст нам отдохнуть, сволочь.

Мусос. Да пусть себе кричит, убудет от тебя, что ли?

Жетиш. Да пусть выйдет, узнает, что ему нейдет. Я думаю, Ахия не собирается его освобождать...

Ахия. Я... Я сейчас... (*Выходит с недовольным видом.*)

Токаш. Ахия...

Ахия. Что ты не угомонишься, Токаш? Чего раскричался? Отдохнуть не даешь людям...

Токаш. Ахия, прошу тебя! Ведь ты же бригадир... Эта проклятая голова сейчас расколется... Накинь на нее что-нибудь.

Ахия. Такого уговора у нас не было.

Токаш. Ахия, друг мой... Не берите грех на душу, не становитесь убийцами. И при чем тут уговор, ведь не к смерти же вы меня приговорили?

Ахия (*в растерянности*). Остальные... Я не знаю, что скажут остальные.

Мазан (*кричит из коша*). Ахия, где ты там застрял? Оставь его в покое, делай свое дело.

Мусос (*сердито, из коша*). Слушайте, что за базар вы тут развели? Что за мягкосердечность? Почему вы нарушаете уговор?

Ахия (*уходя*). Постарайся потерпеть, Токаш. Немного осталось, скоро мы тебя развяжем...

Токаш. Потерплю... Вот только голова...

Ахия. Крепись, ты выдержишь... (*Заходит в кош.*)

Токаш (*вслед ему*). Если вы решили убить меня... Лучше уж сразу топором по шее, не заставляйте меня так страдать. (*Мотает головой, стараясь отогнать слепней. Голова и шея у него в крови. Некоторое время он стонет, потом затихает.*)

Картина вторая

В этой сцене все действие происходит внутри кошары.

Мусос (*обиженно*). Слушай, Ахия, ты почему не прислушиваешься к нашему мнению? Кто тебе дал право нарушать уговор?

Ахия. Ты о чем? Где это я нарушил уговор?

Жетиш. Хватит тут разводить шум! Ахия, что он говорит?

Мазан. Да что он может сказать, могу поспорить, просит освободить его.

Мусос. Ахия, ты бригадир, и в то же время первый нарушаешь уговор. Так нельзя!

Мазан. Во-во, нельзя.

Ахия. Да что вы ко мне пристали? Какая муха вас укусила? Где и что я нарушил? Просто подошел к нему. И что вы из-за этого распсиховались?

Жетиш. Ладно, ладно, остынь...

Мусос (*через некоторое время*). Ну и?.. Рассказывай.

Ахия. А что рассказывать, пропади он пропадом. Говорит, голова трещит, просит, чтобы накинута на нее что-нибудь.

Жетиш. Ну а ты что?

Ахия. А я что? Не лягнула же меня по голове лошадь, вроде не дурак. Отказал ему. Сказал, что такого уговора не было. Судите сами, прав я или нет.

Мазан. Клянусь покойным отцом, ты совершенно правильно поступил.

Пауза.

Харун лежит, повернувшись к стене, и не вмешивается в разговор. Через некоторое время входит Алибий, он принес воду.

Алибий. А вот вам и родниковая водица.

Мусос. Налей-ка в ту чашу и подай мне.

Алибий. Сейчас... На, возьми.

Мусос. Ай, спасибо тебе.

Жетиш. Дай-ка и мне немного.

Алибий (*протягивая чашу Жетишу*). На здоровье. Кто-нибудь хочет еще? Ахия, Мазан, попейте.

Ахия. Нет, спасибо.

Жетиш. Может, и Токашу дать попить?

Все делают вид, что не слышат. Жетиш не стал повторять свой вопрос.

Алибий (указывая на Харуна, с иронией). А этот спит, что ли? Или...

Мусос. Оставь, что тебе до него...

Мазан (подмигивая). Не трогайте его, человек спит.

Мусос (потягиваясь). Алибий, а ты не общался с привязанным? У тебя он ничего не просил?

Алибий. Нет. Да и попросил бы, мало чего добился бы. Мух и слепней на нем – не сосчитать. Весь в крови, его даже узнать сейчас трудно.

Жетиш. Как бы наша шутка нам боком не вышла...

Мазан. Будет тебе, Жетиш. Мне, например, ничуть не жалко его. Пусть слепни вдоволь напьются его крови. Клянусь покойным отцом, у него столько здоровья, редко у какого ишака такое. Алауган из села Кюнлюм... Нам бы такое здоровье.

Мусос. Жетиш, ты когда-нибудь слышал, чтобы от укусов слепней человек умирал? Даже в легендах или песнях?

Жетиш. Ну все, все. Я молчу...

Алибий. Может, хоть теперь не будет распускать свой язык.

Харун. А-а-а! (С громким криком вскакивает и садится на топчане.)

Испуганный Алибий отскакивает в сторону. Все с тревогой смотрят на Харуна.

Ахия. Что с тобой? С ума сходишь?

Мусос. Харун, ты что это делаешь?

Мазан. Видимо, сон кошмарный приснился. Так бывает...

Жетиш. Не знаю, что с тобой, Харун, но Алибия мы чуть не потеряли. Кто-нибудь посмотрите, штаны у него хоть сухие? (Все, кроме Харуна, смеются.)

Алибий (присоединяется к смеющимся). Ну, тут можно было испугаться... Как будто Азраил прокричал. Поневоле душа в пятки уйдет.

Мусос. Так все-таки, что там со штанами Алибия?

Мазан. Да-да, надо глянуть.

Ахия. Опозорил ты всю бригаду, Алибий.

Алибий. Клянусь, штаны мои в порядке, бригаде не за что стыдиться. (Все смеются, шутят.)

Жетиш. Еще немного, и песню про тебя пришлось бы сочинять.

Ахия. А ты что молчишь, Харун? Решил в сторонке от нас держаться?

Жетиш. За Токаша, наверно, переживает. Как-никак они друзья, да и родственники к тому же...

Харун (*оглядывает всех*). Я думаю, вы уже достаточно заставили этого беднягу страдать. Наверняка он уже поумнел. Давайте развяжем его...

Мусос (*сердито*). Что значит, «вы заставили»? А ты что, разве не с нами? А-а?

Харун. Я не отделяю себя от вас, я с вами...

Мусос. А раз так, то сиди и не дергайся. Если не хочешь поменяться с ним местами. А так может получиться, ты меня хорошо знаешь, Харун!

Мазан. Друг ты ему или родственник, Харун, это ничего не меняет. Уговор есть уговор. Объясни ему это.

Жетиш. Скажи, разве мы в чем-то неправы?

Ахия. Все происходило у тебя на глазах, Харун.

Мусос. Ты разве можешь сказать, что я или кто-нибудь из нас нарушили уговор? В том числе и ты. Нет, не нарушили. А значит, тебе не в чем себя винить. Как и всем нам.

Харун (*миролюбиво*). Я не говорю, что вы неправы. Как все, так и я. Просто... уж слишком там жарко...

Мусос. Ничего страшного, не сторит.

Алибий (*смеется*). Что могут сделать какие-то жалкие мухи и слепни «ударнику»?

Харун. Закрыв бы ты рот, Алибий! Уж тебе-то, пьянице, Токаш помогал как мог. Если бы не он, тебя давно выперли бы из бригады.

Мусос. Эй, что ты там болтаешь? Кого ты решил защищать? Если тебе жалко его, иди и займи его место. И запомни, я два раза повторять не буду, лично привяжу тебя к столбу!

Алибий (*надеясь на поддержку Мусоса*). Вообще с ним не стоит разговаривать. Давай прямо сейчас и привяжем его рядом со своим другом.

Мазан. Зря вы на Алибия наговариваете. Клянусь покойным отцом, сколько времени уже, как он в рот капли спиртного не берет. Что вы от него еще хотите? Просто по привычке обвиняете...

Жетиш (*сам себе*). Ну да, так он тебе и бросил пить...

Ахия. Харун, если ты чем-то недоволен, говори прямо.

Харун. Нет, мне нечего сказать, Ахия. Ни к кому никаких претензий у меня нет. (*Указывая на Алибия.*) Вот только на этого белобрысого у меня зла не хватает.

Жетиш. Ну и закончим на этом. Отдохнем лучше.

Ахия (*смотрит на карманные часы*). Да, скоро надо приступать к работе, отдыхайте.

Пауза.

Мазан (*тихонько напевает*). Ой-й, Загаштока сын храбрый Чепеллеу,

Что же душе твоей нет покоя...

Клянусь покойным отцом, правду говорят: от женщины, увидевшей городскую жизнь, уже не будет толку. Так и с людьми, вот начал наш «ударник» по съездам разъезжать и – пропал человек, испортился.

Ахия. В тихом омуте, как известно, черти водятся. И кому в голову пришло этого недотепу на съезд посылать? (*Через некоторое время.*) Оллахий, работаем мы все неплохо. Может, не лучше его, но и не хуже. И скажите по совести, разве Харун или Жетиш были менее достойны стать «ударниками»? Я уж не говорю про Мазана, его вы не хуже меня знаете. Я человек прямой, всем известно, что я никогда не говорю о человеке за спиной, всегда в лицо скажу. Или тот же Алибий. Почему нельзя было его послать на съезд? Да и про меня ни один из вас не скажет, что я не трудолюбив. Никогда и никому я не уступал в работе. Всегда был в числе передовиков.

Жетиш. Дело не в том, что он намного лучше нас работает. Просто выбор пал на него. Я прекрасно помню, что Токаш вовсе не рвался туда ехать. Мы сами его выбрали...

Мазан. Жетиш, оставь, ради бога. Клянусь покойным отцом, не захоти он, его с места волами не сдвинули бы.

Мусос. Слушай, Жетиш, почему ты думаешь, что один ты умный, а остальные дураки?

Жетиш. Аллах свидетель, Мусос, я так не думаю. Я говорю, как было. Получается, что вина на нас самих. Сами его выбрали, сами отправили на съезд.

Мусос. Так ведь и мы то же самое говорим.

Жетиш. Ну и зачем тогда разговоры, кто тут умный, а кто дурак?

Ахия. Жетиш, мы отправляли его в город не для того, чтобы вернувшись, он противопоставил себя бригаде. Он должен был представлять на съезде нашу бригаду, наш колхоз. Только и всего.

Алибий (*опасливо оглядываясь на лежащего к ним спиной Харуна*). Как будто никто кроме него не владеет мастерством, не хочет работать. Один он тут работает, а мы вроде просто прохлаждаемся.

Мусос. Клянусь, если я уступлю ему в мастерстве, то отрежу себе обе руки. И это не пустые слова, вы меня знаете.

Жетиш (*раздраженный словами Мусоса*). Ахия, может, пора уже вставать? Который час?

Ахия (*смотрит на часы, затем на Мусоса и Мазана, лукавит*). Не торопитесь, есть еще время...

Мусос (*доволен словами Ахии*). Жетиш, ты куда-то спешишь?

Снаружи слышится голос Токаша.

Токаш. О, моя бедная голова! Жетиш, где ты? Ахия, Мусос, выпустите мою кровь... Харун, как ты можешь терпеть, когда я тут сгораю?.. Что ты скажешь людям, если я здесь умру? Э-эй, куда вы все подевались? Мазан, зачем вы меня так мучаете? Лучше ударьте меня по голове топором и все! Дайте мне воды... я умираю от жажды. Воды! Эй, Харун, услышь меня. Я сейчас превращусь тут в головешку. С каким лицом ты предстанешь перед Аллахом? О, что мне делать? Кричу, а никто меня не слышит...

Пауза.

Мазан, Мусос, Алибий смотрят в сторону Харуна. Харун лежит неподвижно, не оборачиваясь. Через некоторое время все начинают весело болтать, перебивая друг друга.

Мазан. Так тебе и надо!

Алибий. Чтоб ты сдох, ударник-депутат!

Мусос. Торчи теперь там, привязанный!

Ахия. Нашелся мне передовик!

Алибий. Пускай помучается!

Мусос. Скажите, а куда нам торопиться? Пропади все пропадом, лежите сколько влезет! Работа в колхозе никогда не кончится. Ахия, что скажешь? Ведь я прав?

Ахия. С тех пор как я себя знаю, работа никогда не кончалась.

Мазан. Ну-ка, Жетиш, затяни песню! Клянусь покойным отцом, правду про тебя говорят: «Когда Жетиш поет, заслушиваются все пять ущелий».

Ахия. Давай, Жетиш, порадуй нас.

Жетиш. Ну, если вы готовы, начинаю.

Ой, надежды мои опадают, как листья,
Путь мой без тебя – оборвавшийся путь.
Смотрю я на этот грешный мир, и вижу:
Жизнь моя полна заснеженных перевалов.

Черный ветер бьется о мою дверь,
Словно пришел забрать меня.
Старается, как будто получил твое соизволение,
И телега его запряжена.

Мы сгорели! Судьбу нельзя одолеть!
Жестокие пути не дают нам двинуться.

Если черный ветер явится на своей арбе,
Он не станет разбираться, кто прав, кто виноват...

Затемнение

Картина третья

Освещается кусок сцены, где стоит столб. Часть сцены, где кошара, находится в темноте. Гул летающих мух и слепней. Токаш весь в крови. Ему очень плохо. Слышится песня Жетиша.

Жетиш. Ты крикни, повернувшись к черному ветру,
Брось свой белый платок перед ним.
И тогда мы увидим счастливые дни,
Люди предпочтут пиршества похоронам.

О, не грози ты этому черному ветру,
Поздно уже! Поздно! Надень теперь черный платок.
Вернись домой и шепни тихонько матери:
«Ой, мама, куда это идет народ?»

Токаш (*качая головой, в полубреду*). Что э-то? Кто это затянул песню-плач? У-у, погодите вы у меня, кафиры! Бедная моя мать, почему ты не идешь к своему сыну? Зулий, моя Зулий... где вы? Почему не разыщите меня? Стал я пищей для слепней, солнце меня сожгло... Почему вы не прибежите сюда? О-о, пустите мне кровь... Я уже превратился в головешку! А-а-а! Эй, вы, наверно, не мусульмане, развяжите эту веревку! Уй, неверные... Харун! Где ты, друг мой Харун? Может, он не слышит меня? (*Пытается поднять голову.*) А-а!.. Ой, бедная моя мать! Я зову тебя! Услышь меня! Услышь... (*Теряет сознание.*)

Сцена освещается по-другому. Токаш видит сон. Гудение мух и слепней прекращается. Звучит удивительная музыка, в глубине сцены появляются его жена Зулихат и сыночек Рамазан. Они тихонько приближаются к Токашу. И слова их, и движения должны отличаться от обычных, как будто действие происходит в каком-то другом мире.

Рамазан. Папа...

Токаш (*радостно*). Вы уже пришли. Слава Аллаху!

Зулихат. Пришли. Вот, я к тебе Рамазанчика привела...

Рамазан (*обнимая за колени отца*). Папа! Папа! Я пришел. Мой папочка...

Токаш. Сынок! Мой сын, моя кровинушка... Как ты быстро добрался!

Зулихат. О Аллах, что это? Почему ты привязан? И почему ты весь в крови?

Токаш. Я обгорел, как головешка. Ребята хотели пошутить... Уговор...

Рамазан (*пытается развязать веревку*). Папа, я не могу развязать узел. Кто-то сильно затянул.

Токаш. Постарайся, сынок. Вытащи меня из этого пекла.

Зулихат (*помогает сыну*). Давай, сынок, тяни! Сейчас мы развяжем его. Оборвем эту проклятую веревку. (*Не в силах развязать, в отчаянии.*) Да это не волосяная веревка, она из железных волокон сплетена... Как ты дал им себя обмануть? О, бедная твоя голова! Головешка, чисто обгоревшая головешка...

Рамазан. Папа, я не могу тебя развязать... Но ты не волнуйся, когда я стану большой... сильный, как ты...

Зулихат. Кто... Почему тебя обрекли на такие страдания? Кто тебя сделал пищей для слепней?

Токаш (*смущенно*). Пошутили... Уговор...

Зулихат. Какой уговор? Разве так шутят?

Токаш. Наверно, они не понимают, как мне плохо... Кричу, но никто меня не слышит. А иногда и кричать нет сил...

Зулихат (*кричит, поворачиваясь в разные стороны*). Э-эй, кто-нибудь! Развяжите эту проклятую веревку. Вырвите человека из объятий смерти! Не губите нас! Что это за уговор такой? Что за шутки? (*Рамазану.*) Сынок, дитя мое! Кричи! Кричи и ты изо всех сил!

Рамазан. Э-эй, освободите моего отца!

Зулихат. Скажите, в чем его вина, за что его так надо было наказывать? За что ему такие страдания? Кто-нибудь, вызвольте его исстрадавшееся тело...

Токаш. Не надо, душа моя. Я думаю, нельзя быть малодушным. Не стоит кричать. Похоже, никто не спешит сюда, чтобы освободить меня.

Рамазан (*растерянно, матери*). Никого нет. Что нам делать?

Токаш. Сынок, не надо отчаиваться.

Зулихат (*бьет себя по коленям*). О, что за черный день настал в моей жизни! Что за несчастье на нас обрушилось! Где все? Кто за это ответит? Где бригадир? Ой, мама моя. Ведь даже у волков бывает предводитель.

Токаш. Надо потерпеть. Иного выхода нет... О, моя голова!

Рамазан (*радуется, видя приближающегося Харуна*). Отец, отец... Мама! Вон идет Харун!

Появляется Харун.

Зулихат (с надеждой бежит к нему). Ты пришел, Харун? Слава Аллаху, успел! Посмотри, в каком он состоянии! Развяжи его быстрее!

Токаш. Харун... Бедолага Харун... наверно, я обидел тебя чем-то, кричу, кричу, а ты не идешь... Брат мой, скажи, за что мне эти мучения? Пусть врагу моему доведется такое испытать. Развяжи меня!

Харун (не видит ни мальчика, ни его мать. Приближается к Токашу). Даже не знаю, что делать...

Токаш. Почему ты не возьмешь топор и не разрубил веревку, Харун? Эту проклятую голову, помнится, ты мне так гладко побрил... Сделай же что-нибудь!

Харун (в смятении). Ты сам виноват, Токаш. Уговор есть уговор... А что я сейчас могу сделать?

Токаш. Ты... Мы же родственники...

Харун. Никто из-за чужого человека не будет совать свою голову в пекло.

Токаш. Из-за чужого? Что ты такое говоришь?

Харун. Зачем мне противопоставлять себя всей бригаде? Не такой уж я дурак, понимаю, что к чему. Не зря говорят: хорошо знать дорогу, но еще лучше – знать людей.

Токаш. Да ведь мы же родственники. Я считал тебя своим другом. Я ради тебя на край света на коленях пополз бы...

Харун. Оставь эти глупые наставления. Почему я должен принимать сторону человека, который не может жить в коллективе? Даже если это мой родной брат. Да и вообще, нужно в первую очередь думать о себе.

Пауза.

Токаш. Ты больно меня уколол, Харун! Не так ты должен был разговаривать со мной. Но, видно, ты зол на меня. А ведь мы с тобой были друзья не разлей вода. Да еще и родственники...

Харун. Да, мы были с тобой друзьями. До тех пор, пока ты не стал «ударником» и орденосцем.

Токаш. Ты не прав, брат, я и сейчас считаю тебя своим другом, и готов ради тебя прыгнуть в огонь. Я был уверен, что и ты всегда будешь относиться ко мне так же.

Харун (четко, выделяя слова). Я не буду ради тебя тягаться со всей бригадой!

Токаш. Странный ты, оказывается, человек.

Харун. Я знаю, что делаю.

Токаш. А вообще, ты не странный, ты – несчастный человек. Ты оказался не в силах перенести почет, оказанный твоему другу.

Ты даже почернел от зависти. Не зря говорят, что проигравший – мстителен. Мужская дружба сурова, и в ней нет места лицемерию. А все твои поступки были лицемерны.

Харун (*открыто смеется. Сам себе*). Лучше всего – ни во что не вмешиваться. Этого пусть мухи едят, а те пусть в кошаре прохлаждаются. А я буду сам по себе. Ни от него, ни от них мне пользы нет.

Токаш (*мотает головой*). Голова... кто-то щиплет мою голову... Огонь... Почему он не разгорается, как следует? Совсем не греет... Я мерзну, накиньте мне на голову что-нибудь... Я задыхаюсь... хочу крикнуть и не могу...

Харун (*уходя, сам себе*). Бригада приняла решение и привязала его к столбу. А я тут при чем? Так ему и надо. Чем он лучше меня?

Останавливается возле матери и ребенка. Растерянно смотрит на Зулихат.

Зулихат. Да не пойдет тебе впрок еда, которую ты ел из моих рук. (*Плюет ему в лицо. Горько рыдает.*)

Харун. А-а-а... (*Утирает лицо, убегает.*)

Токаш. Зулий, не плачь. Я думаю, он просто сошел с ума. Не обращай на него внимания.

Зулихат. Не стерпела. Прости.

Токаш. Как холодно! Присмотри за мальчиком. Не застуди его. Постарайся вырастить его... Я потерплю...

Рамазан. Папа, папочка мой, ты потерпи, пока я стану большой и приду к тебе. Ты же сможешь, папа?

Токаш. Как ты можешь сомневаться? Конечно, смогу, мой мальчик.

Зулихат. Ты держись, милый. Мы обязательно придем оба. Превратимся в птиц и прилетим к тебе.

Зулихат и Рамазан уходят. Сцена погружается в темноту. Раздается крик Токаша и одновременно с этим сцена освещается. Снова столб. Снова слышен гул летающих мух и оводов. Токаш бессильно мотает головой.

Токаш. Погодите немного, не уходите! Харун, что это ты тут болтаешь? Не обманывай себя! (*Открывает глаза. Понимает, что это был сон. Ему очень плохо.*) Сон... Мой сын... Во сне я видел Рамазанчика и Зулий. О, как мне холодно! Солнце, почему не видно солнца? Куда оно спряталось? Оденьте меня, мне холодно! Я сейчас замерзну! Астофируллах, вы наверно, не мусульмане! Да разожгите

же кто-нибудь огонь! О, моя голова! Несчастливая моя мать, где ты? Она не знает, как мне плохо, а то прижала бы меня к груди и согрела. *(Кричит.)* Воды! Дайте мне хоть капельку воды! Я умираю, помогите мне! Холодно... я мерзну... Люди! Почему вы такие бездушные?! Ах-х...

*Обессилев, роняет голову на грудь. Через некоторое время на сцене появляется радостно оживленный **Жолай**. Видя, что никого нет, озирается по сторонам.*

Жолай. Эй, вы где? Вымерли все, что ли? Ты где, сын Жандара? Токаш, я принес тебе радостную весть. Токаш...

*Все шестеро выходят из коша, видят **Жолая** и стоят опешив. Невольно взоры всех обращаются в сторону столба. Тут и **Жолай** замечает **Токаша**. Медленно подходит к нему. Он все понял.*

Жолай *(после долгого молчания)*. Всех вас шестерых я прирежу и собственноручно освежую, как баранов. А потом посыплю ваше мясо солью и повешу сушиться на этом самом столбе...

З А Н А В Е С

Людмила ШАУЦУКОВА

По просьбам наших читателей продолжаем печатать главы из романа Л. Шауцуковой «Черкесская рапсодия». Напоминаем, что роман, посвященный непростым судьбам наших современников, кто-то считает первым женским романом в республике, а кто-то не согласен с этим и видит в истории любовного треугольника гораздо больше: философские размышления о стремлении к власти и цене успеха, о красоте, которая должна спасти мир, о проблеме бедности и богатства, о межнациональных отношениях в республике и многом другом.

ЧЕРКЕССКАЯ РАПСОДИЯ

Главы из романа

Мадина, семидесятые

В семидесятые местный университет, называемый кузницей кадров интеллигенции, был полон хорошеньких девушек, которые учились на разных факультетах. Те, кто на физико-математическом, строги и подтянуты, им некогда заниматься глупостями вроде походов в кино или свиданий. Девочки с медицинского не вылезают из анатомичек и зубрят латинские названия всех костей человека, каковых только в черепе великое множество. От студенток химико-биологического пахнет не духами, а реактивами, при помощи которых происходят разные реакции в колбах. И только филологини, каковых подавляющее большинство на факультете, веселы, нарядны, кокетливы и почти готовы к приключениям.

Впрочем, приключения эти весьма невинны: легкий флирт в читалке с незнакомым студентом, остроумный ответ на просьбу о знакомстве, дефиле по главному проспекту во время занятий. Но и здесь свои звезды, одна из которых – Мадина.

Благодаря хорошей библиотеке родителей, которых не назовешь книгочеями, скорее, это доступ к дефицитным тогда книгам, Мадина к моменту поступления уже перечитала всю литературу по программе, а именно на это уходит все время студентов-филологов. Поэтому учиться ей легко, на семинарах она отвечает уверенно, во время сессии шутя сдает экзамены и зачеты. Кроме того, она – одна из законодательниц городской моды. Не успел появиться модный

болоньевый плащ – она первая его надела, то же касается первого пальто из джерси, у нее же первый складной японский зонтик, а когда Мадина появилась в невиданных тогда белых, выше колен сапогах-чулках, на них выворачиваются и стар, и млад. А кое-кто даже просит их пощупать.

Когда зимним утром Мадина бежит на занятия в пушистой бежевой дубленке, ловко облегающей стройный стан, не заметить ее невозможно, и не только из-за очаровательной мордашки, но и всех этих замечательных нарядов, которые при всех деньгах мира купить в магазине невозможно. Все городские магазины завалены дешевыми мешковатыми костюмами фабрики «Большевичка» и обувью фабрики «Скороход», уродующей самые красивые женские ножки.

Объяснение не только в том, что у родителей водятся деньги, но, главным образом, в возможности достать хорошие вещи через Ингу, жену старшего брата. Она родом из Эстонии, а там всегда в магазинах есть, что купить, особенно если твой папа – начальник воинской части. Инга очень хорошо относится к Мадине, каждую поездку к родителям она привозит ей несколько ударных вещей.

Но красивая одежда не решает сама по себе все проблемы гардероба. У Мадины есть хороший вкус, который невозможно купить ни за какие деньги, она знает, что ей идет, для нее создать образ – увлекательная задача. А еще у нее хорошие гены. Ее мать, Куля, тоже всегда была хорошо и со вкусом одета, а бабушка, мамина мама – та вообще дворянских кровей, чем гордилась всю жизнь.

Мадина хорошо помнила уроки бабушки: громко не смейся, улыбка должна показать только краешек зубов, потому что во весь рот скалятся только лошади. За столом в гостях никогда не ешь, а пробуй еду, и делай это весьма деликатно. Бабушка трапезу вообще считала интимным процессом, а раздельное застолье по принципу мужчины – женщины находила единственно верным. Те, кто думает, что у нас женщину не уважают и потому не сажают за мужской стол, считала бабушка, ничего не понимают. Все ровно наоборот. Мужчины могут выпить лишнего за столом, у них может вылететь нечаянно слово, не предназначенное для женских ушей. Они могут громко разговаривать, чего нельзя категорически делать женщине. Более того, чтобы сохранить уважение к мужчине, женщина должна быть изолирована от него, когда у того слабеют тормоза сознания. А что этому способствует больше, чем алкоголь?

Запреты бабушки были многочисленны: не дружи с недостойными и не входи с ними ни в какое общение, кроме вежливого приветствия, не смотри мальчикам в глаза прямо и долго, никогда не участвуй в сплетнях, никому не жалуйся – не помогут, а уважать

перестанут. Сор из избы выносят только глупые женщины, умная, даже разведясь, на все вопросы ответит: так получилось. Любого мужчину, считала бабушка, женщина может и поднять, и опустить, не зря в народе говорят: опущенного всем аулом мужчину жена может снова поднять на высоту, а вот если жена тебя опустила, здесь не поможет никакая сила.

В семейной жизни от женщины зависит очень много: даже если тебе в мужья достался непутевый сморчок, подними его так, чтобы он почувствовал себя королем, и настанет момент, когда он не захочет совершать плебейские поступки. Хорошим людям не надоедай, пусть твое присутствие везде будет праздником, с плохими старайся держать наиболее возможную дистанцию, никогда ничего не выясняй, только еще больше запутаешься.

Не давай повод против себя бранчливой свекрови, молча выслушай и делай свое дело, если она несет явную чушь. Будь щедрой, не держись за вещи, всегда найди повод сделать большему количеству людей маленькие подарки, когда обед в складчину, первая выложи свои продукты. Это не значит, что можно быть мотовкой, только неумная женщина спускает все, что принес в дом ее муж, заработав это нелегким трудом. И все в таком роде, что и являлось женским дворянским воспитанием у черкесов. А, как известно, все нормы морали, равно как и этикетные нормы, идут сверху вниз, от знати к простолюдинам.

Ее уроки очень хорошо усвоила старшая дочь, Фатима. Младшая, Куля, как более городской продукт, поскольку после замужества сразу стала жить в городе, к каким-то сентенциям относилась с пониманием, какие-то считала устаревшими и неактуальными. Бабушка каждый год гостила по месяцу то у одной дочери, то у другой и пользовалась моментом, чтобы внушить внучкам, Мадине и Свете, правила жизни, которые ее саму никогда не подводили.

Очень рано Мадина стала ощущать мужское внимание. Чуть ли не с первого класса мальчики соревновались, чтобы поднести ей портфель, во время переменок вокруг нее всегда крутились и одноклассники, и одноклассницы. В классе седьмом, когда пошли всякие девчоночьи ухищрения для того, чтобы обратить внимание ребят на себя, Мадина почувствовала резкую антипатию некоторых девочек, которые еще несколько месяцев назад были с ней дружеско-любными. Даже ее лучшая подружка оказалась замешана в каких-то инсинуациях: Мадина гордячка, за людей никого не считает, никто из мальчиков, видите ли, ее недостойн.

Но это тоже были важные и нужные уроки, и мать, которой она периодически жаловалась, что ее травят не за недостатки, а за достоинства, резонно ей отвечала:

– Надо быть настолько достойной, чтобы тебе прощали твои достоинства.

Даже со стороны некоторых учителей Мадина ощущала неприязнь, особенно старалась старая дева, учительница математики, которая бурчала, что в условиях школы культивируют дурновкусие, одевают школьниц, как актрисулук в плохом кино. Школьная форма была единой, но и тут можно выделиться, не говоря уже о верхней одежде, обуви, сумке, письменных принадлежностях. Зато учительница литературы, молодая и красивая, прелесть, Мадина у нее в любимицах.

Именно ей Мадина обязана выбором профессии, хотя родители очень хотели видеть ее врачом. Какой доктор, если она боится вида крови, поэтому сдавать анализы для нее – настоящее мучение. Брат в это время уже учился на последнем курсе в столичном вузе и хорошо знал свободные нравы московского студенчества, поэтому на семейном совете было решено: дочь поступает в местный университет, до которого от дома можно было дойти за пятнадцать минут.

Родители, хотя и одевали Мадину хорошо, считали, что особенно ее не балуют, но что особенного можно сделать девочке в городском доме, если мама не работает? Дочь приходила с занятий – все убрано, обед приготовлен, платье на завтра мама уже погладила и повесила на плечики. Даже из колхоза, куда отправляли осенью на картошку всех первокурсников, ее смогли вызволить через неделю.

Отец давно дружил с отцом Эдика, по-черкесски – Едыджа, тот в год поступления Мадины в вуз окончил Плехановский институт народного хозяйства и приехал летом к родителям с намерением вернуться в Москву и устроиться в столице на работу. Эдик считал свой город скучным и провинциальным, не хотел здесь жить, тем более что в Москве у него была женщина, но отец настоял: ему нужен помощник, трикотажное дело так разрослось, что одному больше не справиться. А чтобы удержать Эдика, ему показали Мадину.

Он, конечно, знал ее и раньше, но худенький подросток за год превратилась в прекрасного лебедя, и Эдик сразу был ею очарован. Мадине столичный фронт тоже показался весьма интересным, более того, она девочкой была в него почти влюблена. Эдик, впрямь, очень хорош собой. Отцы договорились: когда Мадина окончит третий курс, они детей поженият, слишком невеста юна, вряд ли она сейчас потянет семейный очаг. Эдик по-прежнему большую половину года проводил в крупных городах России, в том числе Москве, но, бывало, месяцами жил в родительском доме.

Бизнес был полуполюгальным, находилось много желающих поживиться за счет чужого капитала, но, благодаря связям отца, все

пока получалось, потому что страна не справлялась с задачей одеть людей более-менее и допускала какой-то мизер государственной экономики за счет частного сектора. Но так называемым цеховикам не просто, успевай только крутиться, запросто можно угодить в места не столь отдаленные, потому что еще нет тотальной коррупции в масштабах всей страны.

Когда Эдик бывал в городе, он приглашал Мадину в кино или театр, они ходили в кафе, гуляли по городскому парку. Но не позже девяти Мадина должна была быть дома, официальный жених имел не так уж много прав, да он на них и не покушался, не то родители накрутили, не то ему неинтересны целомудренные провинциалки, уклоняющиеся от самых невинных поцелуев.

К третьему курсу Мадина стала сомневаться в своих чувствах к Эдику. Головой понимала, что это выгодный брак для обеих сторон, что ее жизнь, скорее всего, будет комфортной и она ни в чем нуждаться не будет, не нужно будет пахать всю жизнь, добывая хлеб насущный, но какие-то привычки Эдика стали ее раздражать. Например, Эдик был помешан на шмотках, гонялся за пальто «Макс-мара» – кэмэл, которое очень трудно купить.

Он украдкой смотрелся в витрины, не пропускал зеркал, чтобы полюбоваться собой, объясняя это привычками чисто плотного человека. Еще он любил прихвастнуть, говоря о своих знакомствах с теми людьми, которых страна знает по телевидению, часто называл их уменьшительными именами или кличками. Но особенно Мадину выводило его кастовое сознание. У него были две касты: одна, которая имела деньги, чины, связи, власть, другая – все остальные. Первым можно все, вторым остается только завидовать первым и пытаться пролезть в их ряды любыми способами.

Как-то он вез ее домой, когда перед ними столкнулись две машины, едва их машина не оказалась третьей, но Эдик ловко вывернул руль.

– Надо остановиться, – крикнула Мадина, – может быть, людям нужна помощь!

– Каким людям, – поморщился Эдик. – Эти пролетарии сами разберутся. Ты видела, какие это машины? Потом, вдруг нужно будет кого-то везти в больницу, а у меня велюровые чехлы на сиденьях, ни за что не отмоешь от крови.

Мадина ничего не сказала, но в отместку пристально стала разглядывать руки Эдика, лежащие на руле: тонкие пальцы с очень белой кожей, ухоженными, как у женщины, ногтями. Очевидно, он делает маникюр и покрывает ногти бесцветным лаком, брезгливо подумала она. Вскоре Эдик уехал в очередной раз, а Мадина попала на свадьбу сестры, где увидела Залима. Этот парень совсем не похож

на ее жениха, от него веет силой, его красота брутальна, он живой и настоящий. На это она обратила внимание еще за столом, где Залим сидел за старшего.

Потом он пригласил ее на национальный танец, и Мадина опять не могла не отметить для себя его статную фигуру, настоящую мужскую пластику, азарт в глазах. Конечно, тоже поинтересовалась, кто такой.

– Парень шикарный, – сказала Светка. – Но всегда будет жить в селе с родителями, мать – мегера, сживет со свету лучшую невестку. Работает участковым милиционером, оканчивает юридический институт. Кстати, живет недалеко от нас, моя мама даже приятельствует с тетей Женей, его матерью. Совсем не для тебя, хотя сам по себе настоящий мужик, каких сейчас трудно встретить.

Потом, когда Мадина собралась к Свете в гости в новую квартиру, в последний момент мама, с которой они хотели вдвоем нанести визит, передумала: что-то неважно себя чувствует. Мадина позвонила Светке, чтобы не ждала, но та, не успев ее выслушать, сказала:

– Мадя, ну где вы там? Сейчас и Залим подойдет, помнишь, ты меня о нем спрашивала.

И, неожиданно для себя, Мадина сказала матери:

– Мам, оказывается, Светка уже стол поставила, ждет нас. Неудобно, ты ведь знаешь, для нее это целый подвиг.

– Ладно, – сказала мать, – сходи сама. А я как-нибудь в следующий раз.

В гостях Мадина хорошо рассмотрела Залима. Она ему явно нравится, но нужен ли он ей, этот простоватый сельский парень? Простоватый, но прекрасно, оказывается, разбирается в поэзии, знает театральную жизнь, любит и понимает живопись. Потом последовал эпизод у ее ворот с признанием в любви и поцелуем руки. Да этот парень дерзок, он способен на поступок! Невольно Мадина стала думать о нем. Нет, слишком они разные. Ничего не выйдет, да и свадьбу с Эдиком отменить нельзя, для родителей это будет катастрофа. Потом они случайно с подругой встретили его на улице и дали уговорить себя пойти есть мороженое.

В отличие от Эдика, у Залима руки крупные, мужские, сам он загорелый, весь какой-то крепкий, пружинистый. Хорошо ведет разговор, его шутки смешные, и, главное, он не робеет перед ней, как многие ребята, которые пытаются познакомиться. Но его явное внимание к подружке покорило Мадину. Да это бабник какой-то, фу, как пошло. Поделом ей, с чего она взяла, что с ним вообще можно хоть как-то общаться? Однако сердце у нее ныло, и она сама не могла понять, почему этот незначительный случай так ее задел. Все, больше никаких встреч.

В этот вечер она откровенно поговорила с мамой.

– Мама, – сказала она, – я не хочу выходить замуж.

– То есть? – Мать насторожилась. – Все девушки рано или поздно создают семью. Понимаю, что двадцать лет – рановато для свадьбы, но и я стала женой в девятнадцать, а матью в двадцать. Мадина, отец так решил, и ни за что не откажется от своего решения.

– Мама, дело не в возрасте. Я не люблю Эдика.

– Но ведь совсем недавно, если мне не изменяет память, у вас все с ним было хорошо. Ты помнишь, как на втором курсе всю тетрадь изрисовала его инициалами?

– Это было на втором, а сейчас я оканчиваю третий.

– Постой, Мадина, может быть, тебе понравился другой?

– Да нет никакого другого. – Мадина расплакалась. – Просто я не выношу его белые нежные девичьи руки, и меня тошнит от его рассуждений.

– Ага, значит, тебе нравятся растрескавшиеся руки в черноземе, пахнущие навозом. Что за глупость ты говоришь? И что у Эдика за такие рассуждения, которые тебя бесят?

– Мама, он людей за людей не считает. Для него люди – это те, у кого мощна набита.

– Но тебя он уважает? С нами он считается? Какое тебе дело до того, как он относится к другим?

– Я не выйду замуж ни за что. Лучше вообще в старых девах остаться!

– Слушать даже не хочу твои капризы. Отец узнает, обеим влетит.

С этими словами мать вышла из комнаты. Между тем приготовления к свадьбе продолжались. Приходили из того дома какие-то тетки, снимали с Мадины мерки. Свадебное платье будет готово через две недели, дорогие наряды и украшения дожидаются невесту. Элина все время спрашивала на занятиях про Залима, не верила, что она его не покорила. А вот он ее так заинтересовал, как никто за весь последний год. Да откуда Мадина знает, где он и что с ним.

Она шла с экзамена, потерянно думая о том, как ей выбраться из создавшейся ситуации. Можно поговорить с потенциальным женихом, но его, как всегда, нет в городе.

Когда Залим ее окликнул, она не поверила, что он опять ее дожидается, однако сердце забилось быстрее. Далее последовал эпизод на скамейке, его объяснение, нечаянное объятие и четкое понимание: он ей нравится. Более чем. Пришла пора, она, кажется, влюбилась.

На второй день из новостей Мадина узнала о ранении Залима. Первая мысль: ей надо его увидеть, узнать, что с ним. Прилично ли это, он ведь чужой для нее человек. И что она скажет, увидев его?

А вдруг это смертельно? Прошел только месяц, как они познакомились, а этот парень занял важное место в ее сердце.

Два дня прошло в сомненьях и терзаниях. На третий день, узнав у Салима, в какой палате республиканской хирургии лежит Залим, Мадина, ни слова никому не говоря, пошла проведать его вечером, когда врачи уходят домой, иссякает поток посетителей, а медсестры теряют бдительность. В коридоре, и вправду, никого нет. Вот и палата, где он лежит один. Глаза закрыты, лицо бледное, черты заострились. Вдруг, на скрип двери и звук шагов, открывает глаза, которые сияют при взгляде на нее.

– Как тут наш герой? – пытаюсь шутить, дрожащим голосом спрашивает Мадина.

– Хорошо. Но было бы еще лучше, если кто-нибудь поправил мне подушку.

Мадина подходит ближе, наклоняется к Залиму и пытается приподнять подушку. И в это время сильные руки ее хватают железной хваткой, Мадина чувствует его губы на своих губах, и у нее нет сил сопротивляться этому поцелую, только бы не задеть его рану, не сделать ему больно.

– Видишь, что в сказках пишут правду про волшебный поцелуй, оживляющий людей? Так вот, это истинная правда. Рана пустяковая, правда, пока остановили кровотечение, немножко крови потерял, да это ерунда, рядом оказались врачи скорой. Через неделю выписываюсь, а после твоего посещения дели неделю на два.

В это время в палату возвращается мать Залима, которая вышла проводить посетителя.

Внимательный взгляд серых глаз, которые сразу ее сканируют всю.

– Мама, – говорит Залим, – это Мадина. Я тебе говорил о ней.

Мать сдержанно улыбается. Эта городская кукла так понравилась ее сыну, что он только о ней и говорит.

Мадина прощается и уходит. Залим говорит ей вслед:

– Я тебе позвоню послезавтра. Мне уже можно будет выходить во двор.

С послезавтра начинается их новая жизнь. Теперь они встречаются каждый вечер, благо экзамены продолжаются еще неделю и домочадцы, занятые свадебными хлопотами, ее мало контролируют. В палисаднике рядом с больницей есть увитый плющом павильончик, который днем полон, а вечером пустеет. Залим и Мадина молча смотрят друг на друга, им не нужны никакие слова, любовь, как плотина, которую снес ураган, захватила обоих.

Эта женщина его мечты теперь рядом, на нее можно смотреть, сколько угодно, ее можно касаться, и она не отнимает своих рук, он

может зарываться носом в ее прекрасные волосы, губами касаться ее нежной шеи. Неужели я сплю? О предстоящей свадьбе она не говорит ни слова, а он вроде бы и забыл о ней. Через неделю Залима выписывают домой. А еще через день он снова стоит под тем же деревом, но теперь, как условились, она обязательно выйдет к нему, и душа его переполнена счастьем ожидания.

Минута – и Мадина в его объятиях, каждой клеточкой она чувствует тепло его рук, и каждая ее клеточка вибрирует вместе с ним. В это время влюбленных, потерявших бдительность, освещают фары автомобиля, раздается визг тормозов, и резкий голос отца из темноты говорит дочери:

– Немедленно в дом. Мы поговорим позже. А вас, молодой человек, попрошу сесть ко мне в машину и объяснить, что здесь происходит.

И Залим послушно садится в машину. Молчание нарушает отец:

– Что-то такое я уже слышал от матери, но не мог поверить, что моя дочь так неразумна и захочет опозорить отца накануне свадьбы с человеком из уважаемой семьи. Понимаю, что ты мне сейчас скажешь: мол, любим друг друга, разлука нас убьет, и прочая чушь. Нашлись мне Ромео и Джульетта. Ты знаешь, парень, что она не сможет тебе элементарную яичницу поджарить? Что она себе не может вещи постирать?

Я немного знаю твою ситуацию, спасибо Свете, предупредила. Даже если бы ты захотел бросить родителей и перебраться сюда, где бы вы жили? Ты знаешь, что черкесы презирают примаков. А работа есть у тебя, которая сможет моей избалованной дочери создать какой-никакой комфорт? А ты сможешь ее элементарно одеть-обуть? В той семье, куда она попадет, никто не рассчитывает на нее как на рабочую силу, там есть няни, домработницы, водители. А ты что можешь ей дать, деревенский дом? Насколько я знаю, ты даже сюда добираться на автобусе.

Предупреждаю, как бы вы ни называли свои там чувства, через полгода она будет рыдать и запросится обратно, потому что, не говоря о другом, ее тошнит от запаха навоза. И ты останешься опозоренный, и ей судьбу поломаешь. Вот так вот, парень. На первый раз я делаю тебе предупреждение, в следующий раз, если приблизишься на километр к моей дочери, будет плохо. Так плохо, что ты даже себе не представляешь.

За все время Залим не проронил ни слова. Он молча выходит из машины и растворяется в ночной темноте. Отец, зайдя во двор, так же резко бросает жене:

– Узнаю, что ты ее выпустила со двора, не прощу.

Теперь Мадину стерегут, как преступницу, ее не только не выпускают за ворота, но даже не зовут к телефону на женский голос. Залим сходит с ума, места себе найти не может. Какая же эта Светка подлая! Это, возможно, ее месть за то школьное игнорирование. Или, возможно, она желает счастья Мадине таким вот образом, так или иначе, она с мужем в этом деле не помощники. Как встретиться с Мадinou? Неужели такой произвол возможен в двадцатом веке, и разве можно насильно выдать дочь замуж против ее воли?

До свадьбы осталось пять дней, четыре, три. Внезапный телефонный звонок выводит Залима из раздумья, и родной голос говорит ему:

– Через двадцать минут у салона новобрачных на улице такой-то.

Она звонит из салона, куда ее отвезли, догадывается Залим, ее могут в любую минуту забрать обратно. Птицей летит он к указанному месту, включив милицейскую мигалку, не разбирая дороги. И, подъезжая к указанному месту, видит Мадину, в сопровождении, по-видимому, ее жениха и еще одной девушки, выходящих из салона. Милицейскую машину с мигалкой невозможно не заметить, спутники Мадины пробираются к своему автомобилю, когда невеста срывается с места и бежит к Залиму, прыгает на подножку, вот она уже внутри, и машина с мигалкой мчится прочь на глазах изумленного жениха и его спутницы.

Село

Залим сначала отвез любимую, которая минуту назад была чужой невестой, в квартиру к городской сестре. Ничего, потерпят их одну неделю, потеснятся в двух комнатах из трех. По дороге он так и не выключает мигалку, встречные машины расступаются перед милицейским газиком, который, очевидно, гонится за преступником, и Залим, и Мадина находятся в таком стрессе, что забывают обо всем. Возможна погоня, скорее всего, девушку захотят отобрать, но ни преследования, ни попытки вернуть ее не будет. Все видели, что Мадину никто не принуждал, что это ее добрая воля. Но не будет теперь у нее и отца, который потемнел, как ночь, и запретил когда-нибудь произносить в его присутствии имя дочери. Ну, а что творится в семье жениха, ясно без слов.

Ничего, найдется другая, которой понравятся длинные загнутые ресницы Эдика, его белая кожа и тонкие усики, как в фильмах про мафиози, его пальто «Максмара» верблюжьего цвета, а уж бриллиантовые кольца, серьги и браслеты для новой невесты любой ювелир подгонит по размеру. Правда, там еще и носильные вещи, и гости приглашены на банкет, за который внесли предоплату, и которую в таких случаях не возвращают, но Мадине все равно.

По рации Залим связывается с сестрой, та пока на работе, но тут же примчится обратно, и дома, к счастью, зять, который забюллетенил. Оставив в квартире Мадину, Залим едет на работу, чтобы предупредить: неделю его не будет. Впрочем, он вышел на работу гораздо раньше положенного срока, ножевое ранение – это вам не бирюльки. Потом он едет домой и сам сообщает матери о переменах в своей жизни, делает нужные звонки и вечером возвращается к сестре.

Обычно в таких случаях представители семьи жениха должны, не мешкая, известить родителей девушки о случившемся и обсудить дату свадьбы, но, учитывая нестандартность ситуации, маленькую делегацию, возглавляемую зятем, не рискуют отправлять в дом Мадины, и они едут к дяде, старшему брату отца. Гостей, пусть они даже час назад являлись лютыми врагами и сразу, выйдя из ворот, таковыми останутся, не пустить в дом по черкесским обычаям нельзя. Поэтому, хотя обстановка натянута, виданное ли дело, невеста бежит из-под венца к другому, нет такого случая, который не был бы разработан традиционной культурой. И такое когда-то случалось, и хабза имеет свою этикетную культуру по соответствующему случаю. Об экстремальности ситуации поэтому не говорят, стол с угощением выставляется по всем правилам, а вечером, как положено, Мадину навещают сын дяди и Света с Салимом.

Их обязанность – узнать у девушки, все ли происходит по ее воле, не хочет ли она вернуться в родительский дом. От комичности происходящего всем весело, но хабза никто не отменял. А новобрачная так сияет, впрочем, как и ее суженый-ряженный, что от этого ослепительного двойного света хочется зажмуриться. И тут все чин чинном: стол накрыт, гости нежатся в потоках любви молодой пары, Светка виновато рассказывает, как тетя Куля ее расколола в пять минут: что там происходит с Мадиной, и почему ее еще вчера горячо любимый жених сегодня вызывает такое отвращение.

Наконец, все расходятся, и молодые отправляются в спальню, которую им уступили супруги. Залим понимает, что Мадина сегодня столько пережила и почувствовала, что ни о какой брачной ночи не может идти речи. Вселенская усталость обрушилась на них под конец этого дня, в котором были и отчаяние, и побег, и всякие визиты. Но теперь впереди вся жизнь, ее у него никто теперь не заберет, и нет такой силы, которая бы их разлучила. Поэтому оба, как только их головы касаются подушки, засыпают сразу, и только Залим всю ночь инстинктивно держит свою любимую крепко за руку.

Следующая неделя пролетает в один миг. Все уходят на работу, в школу, квартира в распоряжении молодых, которые так много должны сказать друг другу. Залим рассказывает, как он после первой же

встречи ходил, не чуя под собой земли, как мечтал он о Мадине и не верил, что она станет его возлюбленной, его женой. Мадина предстанет другой: она уже не холодноватая и уверенная в себе недоступная красавица, а шаловливая капризная девочка, легкая, радующаяся жизни, игривая, веселая, невинная, трогательная. Порой она смотрит на Залима снизу вверх с восхищением, дает ему чувствовать себя героем. Ее детские качества: мягкость, восторженность, озорство восхищают Залима, он любит каждый ее жест, поворотом головы, по утрам обожает смотреть, как Мадина причесывается, одевается, приводит себя в порядок.

Ее красота пьянит больше алкоголя, больше «мирра и вина». То же переживает его женщина, если Залим выходит хотя бы на полчаса, она стоит у окна и высматривает, не идет ли он домой. А когда он заходит в квартиру, бросается ему на шею, обнимает его, как будто в последний раз. Неужели есть пары, не пережившие это! Как их жаль, потому что именно в такие минуты человек бессмертен.

Через неделю молодые переезжают в родительский дом в селе. Мадина не только не чувствует запах навоза, столь типичный для всякого сельского поселения, ей все кажется прекрасным: и пейзаж за окном, и лица свекров, даже собачка во дворе кажется ей особенной. Пока идут свадебные церемонии, в доме много народу, каждый вечер заходят друзья Залима, родственники разной степени близости, и всем Мадина улыбается так искренне, что успевает понравиться всем, или почти всем. Всегда найдутся и завистники, и брюзжащие, и любители посплетничать.

Почему отец невесты ни разу не появился в доме новых родственников? Почему всеми церемониями со стороны невесты руководит сестра матери небезызвестная Фатима? Поговаривают, что новая родня Кауковых считает их неровней, а брак дочери – неудачным. Все это не может не ранить маму Залима, Женю. Как это может быть, что ее сын не отвечает чьим-то запросам, а они с мужем, такие уважаемые в родном селе, не являются желанной родней? К тому же, невестка, кроме хорошенького личика, кажется, не принесла в дом ничего, ни сноровку, ни умения, и даже с приданым большой вопрос, потому что, судя по всему, отец не собирается ей ничего дарить типа крупной суммы денег, разных мебели или автомобиля зятю, что в то время уже стало практиковаться.

Но видя, как счастлив сын, Женя молчит до поры до времени. По черкесским обычаям невестка не может лечь спать до того момента, пока не лягут все домочадцы, и вставать утром она должна, соответственно, раньше всех. Но эта семья считается прогрессивной, современной, поэтому буквального соблюдения традиций от Мадины здесь не требуют. Даже известный ритуал, который является

важной деталью свадебной церемонии – привоз гардероба невесты в ее новый дом – проходит с некоторыми нарушениями. Обычно несколько молодых женщин, родственниц новобрачной, привозят многочисленные чемоданы, на просмотр которых собираются все желающие женщины – родственницы, соседки, друзья, а таковых иной раз собирается столько, что даже большая комната их не вмещает: старшие сидят на стульях, младшие женщины толкаются сзади, пытаются не упустить детали происходящего.

Самая речистая из «чемоданного десанта», как правило, свою речь начинает с того, что невеста еще не успела поработать и заработать себе что-нибудь, и эти вещи – тот скромный дар родителей, который был собран на скорую руку. Далее следует процесс демонстрации. Чем больше чемоданов, тем почетней для невесты. Здесь тоже свои законы: сначала открывается чемодан с верхней одеждой, обычно он самый большой и габаритами напоминает небольшой сундук. Достаются плащи, куртки, демисезонные и теплые пальто, как крещендо, натуральные шубы: вот шубка короткая из песца, вот дубленка, а вот, как атрибут богатого гардероба, норковая шуба в пол. Все вещи висят на вешалках и закатаны в прозрачную хрустящую слюду. Далее идет чемодан с обувью, здесь вся обувь упакована в фирменные коробки известных итальянских брендов: столько-то пар босоножек, туфель, сапог и ботинок, все это тоже демонстрируется, все достается из картонных упаковок.

Тетки ахают, преувеличенно восторгаются. Далее идут чемоданы с вещами по сезону, осень-весна, зима, лето. Само собой, парфюмерия и косметика, если все французское, это высший класс. Зрительницы про себя считают количество коробок с брендовым парфюмом. Затем идет сундучок с драгоценностями – кольца, серьги, браслеты, цепочки, все, конечно, из золота и с драгоценными камнями. Изумруды отдают зеленью, бриллианты стреляют гранями, испуская пучки радужного света, сапфиры мерцают таинственным синим цветом.

В заключение показывают чемодан с бельем. Так вот, в этот момент вмешалась одна из сестер Залима и сказала, что, может быть, не стоит рассматривать белье – наиболее интимную часть туалетов, чем лишила зрительниц последних аккордов в этой священной симфонии.

Наконец, одна из пожилых родственниц со стороны жениха расхваливает увиденное, благодарит родителей невесты за такую заботу о дочери, желает новобрачной носить с радостью и в здравии все эти замечательные наряды. Ах, да, есть еще один важный момент: один из чемоданов содержит подарки свекрам, золовкам, их детям, ближайшей родне. Свекрови полагается украшение из драгоценных металлов с бриллиантами, то же, только с камнями меньших разме-

ров, получают золотки, отцу – хороший костюм и обувь, матери тоже какой-нибудь фирменный костюм, не обижен никто, все, от мала до велика получают дары. Молодец, тетя Фатима, это все ее рук дело, заставила сестру собраться и не посрамить дочь. Она ведь хорошо знает нравы местного высшего общества, и потом, два месяца назад прошла все свадебные политесы со Светой.

Фатима хорошо знает, как потом на невесте сказываются недочеты «гардеробной кампании»: кольцо для свекрови оказалось ей не по размеру, да и бриллиант был такой маленький, что невооруженным взглядом не рассмотришь, вещи молодой были сплошь контрафактом, а сумочки до единого фейковые, да мало ли за что всю оставшуюся жизнь будут ее обсуждать и осуждать. Потом начнутся взаимные визиты новых родственников, где так же на чашу весов будут выкладываться барашки, суммы в конвертах, прочие подарки. Доходит до смешного: поскольку все перешли на дензнаки в качестве подарков, первая сторона, наносившая визит, а по традициям, это семья жениха, знает: та же сумма вернется к ним через несколько месяцев, правда, в новом конверте и в другом раскладе.

Затем семья невесты должна сделать подарки жениху, а потом – приданое дочери. В общем, скучать не приходится, покой нам только снится. Поскольку в селе не так много событий, заслуживающих внимания, еще много месяцев обсуждаются все детали брачной церемонии. Свекрови очень любят при своих невестках восхвалять чью-нибудь новобрачную: и лицом удалась, и воспитанием, слова поперек не скажет, и вещи у нее все сплошь импортные, и родня у нее в начальниках, а уж свекрам угодила, так угодила с подарками, дай Бог ей счастливой жизни.

Хотя семья Кауковых вроде переросла многие предрассудки, она тоже не может не жить в контексте принятых норм и правил, но первые два месяца брака Залим и Мадина ничего не видят, ничего не слышат, они полны друг другом. В сентябре Мадина стала ездить в университет на занятия, и никто не попытался этому помешать. Кухня была на свекрови, а невестка убиралась в доме, стирала, гладила, следила за вещами мужа, но особой нагрузки не ощущала. Через два месяца свекровь с обострением желчекаменной болезни забрали в больницу и на третий день прооперировали, а у Мадины начался жестокий токсикоз беременности.

На нее, которую выворачивало от запахов кухни, упала необходимость три раза в день готовить еду и подавать ее троим голодным мужчинам, которые и не думали ей помогать. В селе беременность болезнью не считается. Мадина видела, что женщины на сносках носят воду коромыслами, доят коров, копают картошку, работают во дворе, а у нее нет, слава Богу, коровы, которую надо доить, в огороде

тоже возиться не нужно, но с утра до вечера присесть ей некогда. В универ ездить перестала тогда, когда в тесноте и духоте набитого салона междугороднего автобуса ей становилось так плохо, что едва не теряла сознание, вскоре перешла на заочное отделение, благо там было место.

Свекровь, хотя и выписалась, ей не помощница, не то операция не так прошла, не то решила проверить сноху на сноровку, не то просто отлынивает от домашнего труда, но Мадина стала понимать, о чем ее предупреждали родители. В селе женщина порой не имеет минуты на себя: готовить, убирать, стирать, развешивать белье на улице и прочее и прочее. Есть вещи, с которыми ей очень трудно смириться, например, дощатый туалет чуть ли не в конце усадьбы, куда нужно ходить хоть в полночь, хоть за полночь. У Залима трудная работа, он должен высыпаться, она не может будить его несколько раз за ночь, когда ее тошнит особенно сильно.

Теперь на ней вся домашняя работа, и от того, что часто приходят золовки, ничуть не легче, скорее, наоборот, еще больше народа нужно кормить, потом мыть за ними посуду, а горячей воды в доме нет, для каждой тарелки нужно подогревать воду, да и отопление тоже печное. Правда, здесь ей помогает Миша, который до школы выгребает золу и затапливает печку, потом нужно только уголь подкидывать вовремя. Всю эту работу Мадина осваивала с ошибками и неудачами. Например, мужские брюки она так и не научится гладить, и, закрыв комнату на замок, Залим, которому очень жалко жену, гладит сам себе брюки, рубашки, и даже прихватывает постельное белье, чего сельские джигиты под страхом смерти не станут делать. Но этот секрет оба хранят как тайну семи богинь, домочадцы ни в коем случае не должны этого знать.

Золовка-гинеколог говорит Мадине, что токсикоз – дело обычное в ее положении, и нужно набраться терпения и ждать, когда он сам по себе пройдет. А терпеть нет уже сил, и из зеркала на Мадину теперь смотрит желто-синее изможденное лицо, похудевшее от недоедания и постоянного движения. Беременность проходит очень тяжело, и Мадине теперь совсем не хочется тонуть в объятиях мужа, ей то жарко, то холодно, ночью она не может найти удобную позу, а утром, только чуть заснула, нужно вставать, чтобы накормить всех завтраком и проводить кого на работу, кого в школу.

Потом у нее куча стирки, после машинки-полуавтомата нужно выжимать вручную все, с чем не справляются ее слабые ручки, затем в любую погоду нести на улицу и развешивать на веревке. Оказывается, и здесь есть свои четкие правила: именно так нужно вешать мужские рубашки, а так, и только так положено сушить женское белье. Пододеяльники и простыни должны в белизне соперничать

со снегом, а всевидящее око соседок подмечает все несовершенства постиранного белья. При этом многие завидуют Мадине: ее муж не пьет и не гуляет, а после работы идет сразу домой, свекровь поедом не ест, и стиральная машинка в селе есть далеко у каждой, как и холодильник, и другие бытовые приборы. В трудах проходит беременность, а рождение Алимчика умножает Мадинины заботы и хлопоты десятикратно.

Еще нет памперсов, гигиенических средств для детей, нет сосочек и бутылочек, которые появятся только лет через десять. В селе всех новорожденных растят в гущэ – люльке, где есть мочеприемник и где младенцы лежат практически целый день, а потом и всю ночь, крепко спеленутые и привязанные матерчатыми лентами к своему маленькому ложу. Периодически их отвязывают минут на десять, чтобы малыш потянулся, и опять на несколько часов в пеленочную недвижимость. Считается, что ребенку тепло и сухо, он не отвлекает мать от многочисленной домашней работы, а еще черкесская люлька якобы способствует выработке терпения, к тому же вроде гарантирует осанку в будущем.

Но Мадина не хочет так наказывать своего сыночка, поэтому каждый день стирает более сорока пеленок, теперь ее нежные и белые в прошлом руки похожи на освежеванное мясо, и у нее только одно желание – выспаться. Ребенок не то, чтобы очень капризный, но то день с ночью перепутает, то у него болит животик, то ушко не дает заснуть, и, конечно, мать не спит с ним тоже. Днем она ходит, как сонная муха, потому что никого не волнует, каково ей было ночью, она что, одна растит ребенка, другим вон как тяжело, а они не жалуются. Готовит теперь, правда, свекровь, но посуду по-прежнему моет невестка, на ней также проблемы чистоты и порядка в доме.

Залим, как бы он ни видел и понимал все трудности жены, мало в чем может ей помочь, кроме того мать его спалила, застав за глажкой пеленок и выразила свое неудовольствие: нельзя так баловать жену, сынок, так она не только ему на голову сядет, но еще и перестанет уважать его, считаться с ним. Эка невидаль, ребенок, вот она даже с близнецами справлялась без всякой помощи, и обе они были ухожены и накормлены. Плюс ко всему Мадина, вывешивая пеленки, застудила грудь и теперь у нее мастит с высоченной температурой. Грудь приходится потом вскрывать, за это время Алимчик привыкает к прикорму и не хочет трудиться и сосать мамино молочко, в три месяца его приходится переводить на искусственное вскармливание.

Мадинина мама, Куля, с сестрой и несколькими родственницами, после рождения внука приходила повидать новорожденного и привезла все необходимое: коляску, кроватку, ванночку для купания,

различную одежду, с тех пор дочь ее не видела. А погостить дома, чтобы немного отдохнуть и выспаться, где отец не хочет ее видеть и даже не взглянет на внука, она-то хорошо знает его характер, Мадина не хочет.

Детские болезни не обходят Алимчика: то корь, то ветрянка, то реакции на прививки – все это хорошо известно любой матери, и опять всю ночь Мадина не смыкает глаз, а в душе накапливается злость на мужа, который храпит до утра. Да любит ли она сейчас этого человека? Какая любовь, речь идет о выживании ребенка и ее собственном здоровье. Она ничего не помнит о своей жизни еще два года назад, в вузе оформила академический отпуск, а ее однокурсники уже получили диплом. Свекры вроде и любят внука, и держат его на руках периодически, но первый его писк, и он снова на руках у матери. Муж приходит поздно, часто он такой вымотанный, что даже ребенку не может уделить внимания.

Алимчику нет и года, когда Мадина снова беременна. Узнав об этом, она заплакала: еле сейчас держится, а что она будет с двумя детьми делать, как она выживет? Нет, ребенка не будет, потому что она попросту не сможет его родить, она истощена и морально, и физически. Приходится обратиться к золовке с просьбой о прерывании беременности, та не только не поддерживает ее, но и рассказывает матери о планах снохи, а свекровь, в свою очередь, рассказывает Залиму, что невестка хочет убить его неродившегося ребенка.

Мадина впервые увидела, как Залим по-настоящему разозлился на нее. Как она смеет одна принимать решение в таком важном деле? Он ни за что не разрешит ей такой страшный шаг, и ничего, что Мадина забеременела где-то в полусне, и он в этой беременности виноват не меньше, если не больше ее. Он не даст ей стать детоубийцей только потому, что ей приходится выполнять элементарные женские обязанности по рождению и воспитанию детей, и с этими обязанностями справляются все жены и матери. Впервые между ними такая серьезная размолвка, и Мадина почти с равнодушием видит, что Залим отдаляется от нее все дальше и дальше. Она уже не считает его своим защитником, в его голосе появились нотки недовольства, когда он обращается к ней, его взгляд не теплеет, как раньше.

Свекровь выговаривает Мадине: ей стыдно, что Маднины родители до сих пор не пригласили их к себе, не хотят видеть зятя, не сделали ей приличного приданого. Что у нее есть такого, чем она может превосходить их? Смазливая мордашка? Так теперь и этого нет в помине, умудрилась за короткое время постареть на десять лет, потерять всю свою свежесть, и Залим, поскольку и у него есть глаза, все это видит. Слова свекрови больно ранят Мадину, они, как камни, срывающиеся со скалы на голову случайному прохожему,

бьют ее изо всех сил, и она понимает, что даже пожаловаться ей некому.

Мать далеко, ничем помочь не может, а отец говорил ей о том, что именно такая жизнь ждет ее с Залимом, даже Светка предупредила, что будущая свекровь стерва, так нет же! Любовь, видите ли, у нее. Даже Эдик теперь казался ей не таким противным, каким представлялся ей когда-то, если бы он и не был далеко идеалом, как ужасно, как жестоко она с ним поступила! Слава Богу, токсикоз на этот раз не так сильно донимал ее, но расстройств и проблем хватало.

Она не видела родных много месяцев, даже брат с женой не приезжали со дня свадьбы, но если бы близкие и жили рядом, не принято у черкесов без повода навещать семью, где живет теперь дочь, а обиженные невниманием свекры тоже проявляют собственную гордость. У всякой молодой женщины, живущей в семье мужа, есть трудный период вхождения в новую ситуацию, ее энергетику, ее специфические законы существования.

Не так давно у черкесов практиковался обычай избегания, когда невестка месяцами, а то и годами не разговаривала со старшими в семье мужа, а при виде свекра старалась скрыться. Кто-то в этом увидит, возможно, еще один штрих угнетения горской женщины, но как это было мудро, думала Мадина. Этот обычай давал молодой невестке возможность неторопливо присмотреться к особенностям новой семьи, постепенно войти в мир ее ценностей, дистанция между поколениями, создаваемая искусственно, помогала сохранить уважение друг к другу. Теперь в семью нужно нырять, как в прорубь, хорошо, если выплывешь, многие всю жизнь так и живут в одном доме, ненавидя друг друга. О том, чтобы жить отдельно от родителей, речи идти не может, Залим об этом сразу предупредил. Более того, он воспринимает это как предательство родителей, эту мысль внушали ему с детства.

На последних месяцах второй беременности Алимчик не хочет слезать с рук матери, ножками топчется по ее округлившемуся животу, хнычет, как будто понимает, что его с ней скоро разлучат. Нет ощущения, что кто-то радуется предстоящему прибавлению семьи, и даже будущий отец особой заботы и ожидания не проявляет. Давно ушли времена, когда они с мужем перед сном делились всем, что произошло за день. Он стал ей чужим и далеким, и кажется, сам это ощущает. Неужели это навсегда? Зато свекровь, кажется, вполне довольна тем, что сын не дал жене оседлать себя, не стал воском в ее руках, не носится с ней, как в первые месяцы, и теперь даже не пытается ей помочь, как раньше.

Наблюдая близко взаимоотношения родителей мужа, Мадина сделала вывод, что нежных, тесных отношений между ними нет

сейчас и вряд ли они были когда-то. Так получилось, что поженились, родили детей и приноровились друг к другу. Свекровь любила рассказывать, как трудно ей пришлось как невестке, как строго и требовательно вела себя по отношению к ней мать ее мужа, что бывали даже дни, когда она ложилась спать голодной, потому что кормили сначала мужчин, потом детей, и только потом могли есть в те времена женщины, и им, случалось, ничего не оставалось.

Да и время было послевоенное, голодное, а сразу после войны случился неурожайный год, голод был повсеместным, многие умирали, не в силах это пережить. Именно тогда она родила своих дочек и сумела их сохранить, хотя и не было никакой педиатрической помощи. А теперь что? Радуйся, да расти детей, которые не мерзнут без одежды на морозе, не ложатся спать голодными, имеют фабричные игрушки.

Когда родилась Аминочка, нагрузка у Мадины увеличилась вдвое. Дети отнимали все время, да плюс к этому никто не освобождал Мадину от домашних хлопот, которым не было числа. Когда мама с тетей пришли повидать новорожденную, мать не смогла сдержать слез. Что случилось с ее красавицей-дочерью? Даже глаза ее стали меньше, на висках, рядом с глазами, наметились паутинки морщинок, а ведь ей нет еще двадцати пяти. Руки у нее, как у работницы, походка сгорбленная и шаркающая, одета кое-как, даже сверкавшие раньше волосы похожи на паклю, которая замотана вечной теперь выцветшей косынкой.

Мадине есть что носить, но из-за худобы ее вещи, которые когда-то так понравились всем на свадьбе, висят на ней мешком. Ножки ее теперь такие тоненькие, что их не спасут никакие чулочки со стрелками. Мать смотрит на нее, и ее сердце обливается слезами: как помочь ей? Развод не выход, отец по-прежнему ничего не хочет слышать о дочери и, тем более, не желает видеть внуков. Куля знает: если он уперся, никакие уговоры не помогут, только еще больше разозлят его.

Тетя Фатима, которая знала, что Мадине не сладко, но не предполагала, насколько ей приходится трудно, тоже очень расстроена. Ее Светка катается как сыр в масле, муж предупреждает все ее желания, она живет в комфортной городской квартире, куда теща каждую неделю с водителем детского садика завозит мало что отборные продукты, так еще и еду, приготовленную впрок и разлитую по кастрюлям и банкам. С их годовалой дочкой все время находится няня, и при этом Светка жалуется, что ребенок не дает ей высыпаться, хотя днем она прекрасно отсыпается, благо внука с нянькой все время гуляют на свежем воздухе.

А Мадина, умница и красавица, подававшая большие надежды, бросила учебу и настолько истощена, что на нее больно смотреть. Видя, как сильно расстроена сестра, Фатима ей шепчет на ухо: ничего, я обязательно что-нибудь придумаю. И Куля ей верит, потому что практический ум и ловкость сестры ей хорошо известны. Это Куля не сможет придумать хитрую хитрость, а Фатима с детства была оборотистой, не зря мать им говорила: вас бы смешать и разделить, обеим бы хватило смекалки и ловкости.

Уходя, тетя Фатима улучшает момент и говорит Мадине:

– Потерпи, девочка, пока Аминочка пойдет ножками, я помогу тебе снова стать прежней.

Мадина вроде и верит ей, но как тетя сможет ей помочь? После визита близких все же прибавляются силы, поднимается настроение. Теперь, главное, подождать даже не годы, а месяцы. В годик дочка пойдет сама, а там будет легче.

Тетя Фатима

Если бы Фатима была боевым генералом, скорее всего, она бы не проиграла ни одной битвы. План в ее голове зреет мгновенно, и пока этот план не осуществится в полной мере, она не будет знать ни сна, ни покоя. При этом, в отличие от военного служаки, у Фатимы сильное место – момент импровизации и мгновенного изменения обнаружившихся недочетов, возникающих как следствие случайных помех. Добавьте к этому желание гармонизировать мир и умение ладить с людьми, понимание человеческих слабостей и умение не заморачиваться на них – вот вам ее общий портрет.

Детский сад, которым она руководит, считается образцовым, сюда везут разные комиссии, которым демонстрируется безупречная чистота и удобная меблировка, детей кормят хорошо, и Фатима, кроме положенного, сумела так договориться с колхозным руководством, что дети круглый год получают бесплатное молоко, овощи и фрукты, яблоко к обеду у питомцев детсада бывает полгода точно. Детишек обучают и развивают по всем правилам новейшей педагогики отличные кадры. Но не обижает Фатима и свое непосредственное руководство как в районе, так и в республике, каждый праздник водитель Хасан нужным людям развозит по адресам продуктовые подарки. А те уверены: в детском саду полный порядок, эти подношения вовсе не подкуп, чтобы кто-то закрыл глаза на проблемы детского дошкольного учреждения, а просто знак внимания хорошего, воспитанного в национальных традициях человека.

Причин успехов Фатимы много: здесь и знание человеческой природы, и умение просчитать обстановку и видеть перспективы, но, главное, умение подбирать кадры. А это не так трудно, если

учесть, что женщин, получивших высшее и среднее специальное образование педагогического профиля, много, а рабочих мест в селе для них нет. Поэтому люди держатся за работу, позволяющую им не превратиться окончательно в домашнего раба, отдохнуть от вечного брюзжания свекрови, да еще и денег, хоть небольших, заработать.

Кроме того, все работники сада имеют право устроить туда своих детей, что тоже весьма непросто. Все эти женщины боятся гнева Фатимы, как страшного наказания, все пытаются ей угодить, и, что удивительно для женского коллектива, здесь почти не бывает сплетен и интриг, потому что при всей строгости заведующая сама работает много и обладает очень ценным для руководителя качеством – справедливостью и умением видеть лучшие качества работника.

Все двадцать лет, в течение которых Фатима возглавляет свой дружный коллектив, не было случая, чтобы ее уличили в чем-то действительно дурном, хотя, по мелочи, кто не ошибается. В самом начале ее карьеры к Фатиме, рыдая, пришла одна из нянечек, Фуза, приехавшая на работу из соседнего села, переспелая грудастая девушка – кровь с молоком, но удивительно доверчивая и наивная для своих лет. Оказалось, ее выгнали из дома родители, когда узнали, что их незамужняя дочь ждет ребенка, а старшие сестры, чьи собственные дочери уже были на выданье, в страхе, как бы на их детей не пал позор младшей сестры, активно поддержали родителей. Виновник интересного положения, женатый сосед, от всего отрекается, что, мол, за Маруся, и что, мол, за кино. А избавляться от ребенка уже поздно.

Чем может помочь ей заведующая? Но та, покумекав, оформляет Фузу ночным сторожем вместо предыдущего, который проштрафился уже несколько раз и вынужден написать заявление по собственному желанию. Для Фузы от неизбежного во всех детских учреждениях хлама типа первомайских лозунгов и транспарантов освобождают маленькое служебное помещение, имеющее отдельный вход со двора, приводят его в порядок, и там женщина благополучно в нужный срок разрешается от бремени. Коллектив все знает, но молчит: по санитарным нормам это прямое и грубое нарушение. Более того, Фузе собирают деньги на первое время, ее бесплатно кормят, ну и, конечно, зарплата сторожа сохраняется.

Но есть еще и родители детишек, которые могут донести куда надо, поэтому, когда ребенку исполняется три месяца, Фатима надевает белую блузку, черный официальный костюм, в руки берет ярко-красную папку (эта деталь потом будет веселить всех до упаду) и с водителем, верным Хасаном, едет к родителям Фузы. Вот

и бедный домик из двух комнаток, в одной на железной кровати лежит больной старик, тут же старушка на плите варит что-то неаппетитное.

Резко, без стука войдя в комнату, Фатима открывает свою знаменитую папку и на русском, который старики плохо понимают, спрашивает: здесь проживают такие и такие? Да, да, именно здесь, отвечают испуганные старики, прошедшие и тридцать седьмой, и войну, а потом – послевоенный колхозный ад, и знакомые с крутыми нравами начальства. Так почему они выгнали прописанную здесь гражданку? По какому праву они нарушают закон, и знают ли они, что влечет за собой нарушение закона в самой справедливой стране мира? Ведь речь идет о матери с ребенком, а детство – единственная привилегированная каста в СССР.

На второй день тот же Хасан доставляет в родной дом Фузу с ребенком, коляски, корзинки, коробки и прочее. Кстати сказать, мальчик вырос, стал после училища строителем, и в свои девятнадцать сумел перестроить собственными руками и минимумом стройматериалов старую хибарку. Фуза по-прежнему работает няней, и они с сыном каждый год в его день рождения с цветами заходят к Фатиме и, несмотря на ее протесты, благодарят за помощь. После того случая, который показал, кроме человечности, еще и незаурядное актерское дарование Фатимы, авторитет заведующей сразу вырос, конечно.

Взять того же водителя, Хасана, который часто является и сантехником, и водопроводчиком, и слесарем, и плотником, когда в саду что-то протекает, ломается, засоряется и т.д. То есть человек незаменимый и безотказный.

В год, когда Мадина вышла замуж, Хасан похоронил жену. Сын – военный, живет далеко, дочери замужем, у них свои заботы и хлопоты, и за год водитель совсем пообтрепался без женской заботы. После внезапной смерти жены он ходит потерянный, жалкий, в мятых рубашках, на его куртке давно отсутствует пуговица, но Хасан этого не замечает. Кроме того, кто ему обед сготовит, кто давление померит? Дочери живут в других селах, им не наездиться.

После того как справили годовщину, Фатима сама поднимает разговор, когда они едут в очередной раз из города, где она, плюс ко всему, член республиканского женского актива, и где битых два часа переливали из пустого в порожнее на тему, как сделать счастливыми женщин-горянок, но что поделаешь, и это членство тоже может пригодиться, когда Фатима будет решать проблемы своего детского сада.

– Хасан, извини меня за бестактность, но у меня к тебе есть разговор.

– Да, Фатима (по национальной традиции имя-отчество заменяется просто именем даже тогда, когда обращаются к руководству), я знаю тебя не первый год и знаю, что ты никогда не станешь проносить бестактность.

– Хасан, тогда сразу возьму быка за рога. Тебе едва за шестьдесят, положенный траур ты достойно проносил, но если и дальше будешь один, совсем захиреешь. Тебе нужна хорошая женщина.

– Не буду врать, ты не первая мне об этом говоришь, даже дети намекают. Но кто за меня пойдет? Вдова со своими детьми и внуками, которые моих вытеснят? Или разведенная молодуха, которая будет мне мозг выносить? Если бы действительно нашлась такая, что захочет со мной стариться, я бы подумал. Иной раз не хочется идти домой, где пахнет сыростью и холодом...

По пути домой Фатима размышляла над этим разговором, а подходя к воротам дома, увидела соседку, Нуцу, как всегда, торгующую жареными семечками, сидя на лавочке возле дома. Семечки у Нуцы особые, лучшие, крупные, прожарены они в самый раз, ни одного пережаренного, ни одного горького. Вроде бы и бизнес невеликий, но в спешных случаях соседи занимают у Нуцы деньги, и та с великой охотой одалживает всем и терпеливо ждет, когда их вернут. Нуца – младшая дочь в семье, где Бог не дал сыновей, она всю жизнь прожила с родителями, схоронила отца, а последние пять лет ухаживала за лежащей матерью. У нее всегда живет кто-то из племянников, о которых Нуца заботится, обувает-одевает, что всех, собственно, устраивает. Два года назад похоронила мать, и все время, свободное от небольшого огорода, проводит на лавочке. На голове у нее всегда один и тот же выгоревший платок, одета постоянно в такой же выцветший байковый халат, на ногах – шерстяные носки-самовязки из грубой овечьей шерсти и резиновые калоши.

– Здравствуй, Нуца, – говорит Фатима приподнявшейся в знак приветствия соседке. – Как торговля? Как племянники? – и, неожиданно для себя, добавляет: – Нуца, мы столько лет соседствуем, а я и не знаю твой возраст.

– Исполнилось пятьдесят два, слава Аллаху, никаких еще болячек серьезных у меня нет.

Господи, а выглядит на все семьдесят, думает Фатима. Она обходит Нуцу со всех сторон, разглядывает ее, как цыган лошадь, разве что в зубы не заглядывает.

– Нуца, ты такая молодая женщина, а лицо у тебя, если бы не вечный загар, вполне было бы миловидным. А ты себя похоронила заживо в этих калошах. Неужели старость хочешь встретить одна, когда болячки уже серьезные будут?

– Меня племянники не оставят. Потом, я не одна, Аллах всегда со мной. Для кого мне одеваться-наряжаться?

– В общем, так, Нуца! Хочу познакомить тебя с одним мужчиной. Зайдешь ко мне, когда он будет забор у меня чинить, будто нечаянно. Глядишь, понравится друг другу. А то вечно на сестер и их детей пахать будешь, неужели ты не заслужила своей счастливой семейной жизни?

Нуца приходит в такой ужас, как будто сам Иблис (нечистый) явился перед ней:

– Что ты, Фатима! Какое замужество в моем возрасте, только людей смешить, а себя в грех вводить! А что сестры скажут, что зятя подумают!

– Ничего хорошего они не скажут и не подумают, если их верная кассирша и служанка станет свободной и будет свои деньги тратить на себя. Сами вон, замуж вышли, детей народили, все у них хорошо. Нуца, скажи честно, сколько раз твои сестры забирали постельную мать, чтобы дать тебе хоть чуточку отдохнуть? Так я тебе скажу: ни разу. А ты им вынянчила всех детей, летом у вас как в хорошем пионерлагере было, я что, не помню, что ли?

А когда у них случаются всякие там свадьбы, они забирают тебя на неделю вперед, чтобы ты там пахала, как лошадь. А потом, когда приезжают гости, думаю, тебя прячут, так как у тебя нет даже приличной одежды, и еще неделю приводишь их дом в порядок. За всю жизнь подарили они тебе стоящую вещь? А ты все, что зарабатываешь, тратишь на их детей, у которых потом свои появляются, но ничего, Нуца всем сделает, что надо. Она же как лес, можно рубить сколько хочешь, деревья никто не считает. Извини, что говорю прямо, ты меня знаешь, я не буду за спиной никого обсуждать, это раз, и я тебе желаю добра, это два. Я не забуду, как ты помогала мне в дни, когда я мужа потеряла – и тесто месила, и лакумы (лепешки из муки, которые вместе с конфетами положено раздавать сорок дней после кончины) жарила, и сорок дней каждый вечер меня навещала...

Видно, есть в словах Фатимы что-то такое, о чем думала сама соседка, поэтому ей нечего возразить.

– А потом, – продолжает Фатима, – непонятно, как все они будут себя вести, когда тебе понадобится их помощь, но вряд ли ты дождешься того, чего не видела никогда. Ждут, наверное, когда дом освободишь, чтобы продать его и поделить деньги. Нуца, ладно, не хочешь замуж – никто не неволит, но прикупить себе что-то приличное тебе нужно. Я лично отвезу тебя в город в следующий раз, и мы тебе подберем что-нибудь, в чем не стыдно людям на глаза показаться.

С трудом, но с этим Нуца соглашается: вправду, сестры сажают за гостевой стол тех, кто гораздо моложе нее, а она всегда у плиты. Вот нарядится как-нибудь и посмотрит, как они поступят.

На следующий день Фатима говорит Хасану, что намечается некая невеста. Но она не хочет, чтобы потенциальный жених увидел свою будущую невесту в затрапезном виде, поэтому в город они едут в рейсовом автобусе. В большом магазине со стеклянными витринами покупают симпатичный костюм и приличную обувь для Нуцы, а потом Фатима чуть ли не силком затаскивает ее в парикмахерскую, где у той обрезают крысиный хвостик, называемый косой, поседевшие волосы красят и делают легкую химическую завивку. Фатима всячески нахваливает новый образ соседки и в первую субботу приглашает ее в гости, чтобы отметить метаморфозу. Нуца догадывается: там будет тот, о ком говорила Фатима, но ее же силком никто никуда не потащит, а авторитетная соседка столько для нее сделала, не может ей Нуца отказать.

В назначенный день Хасан уже пришел, возится с забором, а Нуцы все нет. Фатима бежит в соседний двор и видит, что та в своих неизменных калошах перебирает, как ни в чем не бывало, фасоль. Вот тут Фатима не на шутку злится:

– Нуца, что это такое? Я там с утра парю, жарю, готовлю, а ты невинную девочку разыгрываешь? Скажи мне, кто на тебя покушается? Не понравится тебе человек, никто тебя не заставит. Не придешь через пять минут – все, забудь, как меня зовут.

И Нуца является в минуту, когда Фатима позвала гостя в дом. На Нуце новые вещи, но на голове не такой заношенный, но все же туго завязанный платок. Ни слова не говоря, Фатима по пути в комнату, где уже накрыт стол, за которым сидит Хасан, затаскивает Нуцу в ванную, сдирает с нее платок и распушивает ей волосы, слегка пудрит лицо и мизинцем наносит на Нуцины губы чуточку помады. Потом, не давая ей разглядеть себя в зеркале, тащит соседку в комнату. Самое смешное – это то, что Хасан, доставляя в качестве водителя начальницу домой, часто видел старую женщину, сидевшую на лавочке у соседнего дома, но сейчас он ее не признал в новом образе.

Не будем описывать все стадии жениховства, но Нуца и Хасан в итоге понравились друг другу, поженились и вполне счастливы, свой дом Нуца продала и живет у мужа, а деньги, по совету Фатимы, отнесла в сберкассу. Теперь она не носит калоши и линялые халаты, семечный бизнес тоже закрыт, и Нуца, прихорошившись к вечеру, ждет мужа с работы, приготовив вкусный ужин. И ей все равно, о чем там думают сестры и почему они поджимают теперь губы, когда с ней встречаются. Теперь она сама их сажает за стол, если захочет.

Вот такая она, тетя Фатима, и таких историй с ней связано множество. Сейчас главная задача Фатимы – открыть ясельную группу, в которую может ходить Аминочка, выбить для племянницы полставки методиста в садике, поскольку опытную работницу, имеющую ставку, она увольнять и выдавливать не намерена, а еще нужно договориться в школе, куда от садика ходу несколько минут, о полставке учительницы русского языка и литературы. Аминочка как будто понимает, чего от нее ждут, быстро стала на ножки, в октябре, когда ей исполняется год, девочка весьма уверенно топает. В сентябре Мадинино свекра торжественно провожают на пенсию, чем не повод для визита и серьезного разговора?

Фатима приходит поздравить родственника честь-честью: в пакете и хорошая рубашка для Ахмеда, и дорогой парфюм, и бутылка дефицитного коньяка. Стол хозяева по просьбе гостя накрывают во дворе под виноградником. Стоит замечательный теплый осенний вечер, за столом идут неторопливые разговоры, звучат тосты за здоровье. Мадина по-прежнему выглядит измученной и неприлично худой. Наконец, когда свекровь оставляет их на несколько минут, чтобы дать распоряжения невестке, Фатима начинает разговор, с которым пришла.

– Ахмед, не буду долго крутить. Смотрю, у вас асфальт требует замены, да и дом неплохо бы отремонтировать. Скоро в село придет газ, а провести его тоже стоит приличную копеечку.

Свекор настораживается, не понимая, к чему клонит гостя.

– Так вот, не пора ли Мадине немного помочь вам с деньгами? Теперь ведь придется жить на твою пенсию и небольшую зарплату Залима, плюс крохотная пенсия Жени. Не думай, я не считаю деньги в чужом кармане, но дети подросли и их можно отдать в садик, где Мадина сможет работать до обеда методистом на полставки, а после обеда возьмет небольшую нагрузку в школе. Деньги можно накапливать на сберкнижке, чтобы газификация не застала врасплох, а потом, когда продырявят все стены, устанавливая батареи отопления, можно сразу и ремонт дома сделать, и, наконец, в последнюю очередь заняться асфальтом.

– Так-то так, – говорит Ахмед. – Но наша мать очень нездорова, как она с хозяйством справится?

– А вот с хозяйством пусть справляется невестка. Бедная Женя хоть от детей отдохнет. Она их безумно любит, конечно (Женя всю жизнь безумно любит только себя), но в ее возрасте и с ее диагнозами не очень их потаскаешь. Сможет Женя обед приготовить – уже хорошо. Более того, пусть хоть утром бедняжка отоспится, а Мадина всех покормит завтраком, уберется, лишь бы Залим подвозил их по пути на работу.

А после работы можно горы перевернуть, тем более, что теперь у тебя есть больше времени на сад, огород. Мы были молодые, все успевали. Не будет Мадина справляться – всегда можно будет уйти с работы. Просто ты знаешь, как в селе сложно с трудоустройством. А у меня увеличилось количество деток и нам дают еще полставки методиста. Займет кто-нибудь это место, не освободит ни за что, по судам затаскает. Подумайте, порешайте семьей, но ответ нужно дать не позже, чем завтра, пока никто не прознал, что можно кого-то пристроить. Например, председатель колхоза должен позаботиться о новой снохе.

Рассчитанное упоминание о ненавистном председателе, из-за которого Ахмеду пришлось уйти на пенсию, добивает свекра:

– А что думать? Я не против.

В начале октября Мадина восстанавливается в университете после декретного отпуска и выходит на работу. Фатима ей объяснила: главное – быть с детьми в саду к восьми утра, пусть она будет хоть в домашнем, потому что Залим должен подвезти их к служебному входу, главное, взять с собой несколько приличных платьев, хорошую обувь, косметику. Для чего, Мадина поймет потом. Можно даже покормить детей, а самой не завтракать.

В первый день тетя, отдав детей в руки воспитателям и нянькам, ведет ее в комнату, где когда-то жила Фуза, которую при помощи красной папки Фатима смогла внедрить обратно в родной дом. Теперь комнату отремонтировали, поставили удобный мягкий диван, шкаф для одежды, стол и два стула, тумбочку, полки для документов, на окнах – плотные темные шторы.

– Мадя, – говорит тетя, – теперь слушай меня и не только за-поминай, но и, не отклоняясь ни на йоту, делай все ровно так, как я тебе говорю. Ты хочешь, чтобы Залим загулял и бросил тебя? А вокруг него крутится много бабья, одной продавщицы Маргоши хватит, чтобы голову снесло. Не мудрено, посмотри на себя: цыпленок синий магазинный за рупь пятьдесят. Ладно, Залим. Ты находишься в такой ситуации, когда можно заболеть и стать инвалидом, если не хуже, тоба-тоба (заклинание). И это будет, если мы всех не перехитрим.

Каждое утро ровно в восемь помощница повара будет приносить тебе толстый ломоть домашнего хлеба, намазанного сливочным маслом, накрытого куском хорошего сыра, и полную кружку горячего какао, и это ты немедленно съедаешь и выпиваешь. Потом ты отодвигаешь диванную подушку, видишь скатанную постель? Раскатываешь ее, плотно закрываешь шторы и спишь до десяти-одиннадцати. Затем здесь же занимаешься своими школьными или садовскими делами. В час ты должна переодеться, накраситься, прихорошиться, потом

мы с тобой обедаем в моем кабинете и ты идешь в школу, где у тебя будет два-три урока, а то и один.

Потом ты опять приходишь сюда, мы полдничаем, и ты, переодев детей, медленным шагом ведешь их домой. Ближе к дому ты напускаешь на себя страшную усталость, но как бы через силу уделяешь домашнему хозяйству пару часов, например, до девяти. Дальше тебе якобы нужно проверять тетради, и ты уходишь в свою комнату. Потом – время для мужа, встречаешь его улыбкой и сама кормишь, для мужчин это важно. В это время дети должны спать. А в одиннадцать вечера сама ложишься, чтобы встать в полседьмого утра, тебе надо накормить всех завтраком и собрать детей. Самой собираться не надо, в твоём истощённом состоянии тебе нужно спать не меньше девяти часов и хорошо питаться.

В садике мало кто будет посвящён в твой режим, а кто знает, не выдаст под пытками, потому что будет знать мою реакцию. А в реакции я сама себя боюсь. Будешь меня слушаться, всё будет хорошо, и ты всех сможешь победить, включая твою ледяную свекровь.

И пошла у Мадины совсем другая жизнь. В садике ей не нужно было ничего делать, основной методист справлялась со всем, и тоже не перетруждалась. В школе ей благоволил завуч, с которым у тети Фатимы были старые дружеские связи, с другими педагогами во вторую смену не очень встречалась: в сельской школе все норовят отдать свои часы в первой половине дня и помчаться на свои сотки. Истинно противной была директриса Роза Мухазовна, старая рыхлая тетка, которую подобострастные подчинённые уверили в её красоте и неотразимости, поэтому она могла сверкающее платье надеть так, что оно облипало её очень низко посаженную комковатую филейную часть и подчеркивало мясистый бюст в плохом белье. Грамотностью она тоже не блистала, хотя научилась за длинную жизнь проговаривать двадцать-тридцать гладко-трескучих фраз, напоминающих лозунги, перетасовывая их так и сяк.

Её истинный талант заключался в том, что директриса не уставала облизывать начальство, поэтому Роза Мухазовна хорошо знала всех домочадцев работников роно и министерства, и любой разговор начинала так: как поживает ваша мамочка, мне сказали, что она приболела, и в таком все роде.

Больше всего она боялась потерять своё место, поэтому любого, кого подозревала в определённых амбициях, ждала расправа, но не открытая, не в лоб, а подлая, подковерная, здесь средства не выбирались. Можно было натравить своих шестерок, подослать неумного инспектора, заранее настроив его, а для этого думать долго не нужно: если проверяющий лысый, можно сказать, что она издевается над лысыми, если он славянин, предупредить, что негодная

сотрудница – русофобка. Можно подложить чужую вещь и оклеветать педагога, назвав его вором. Не всякий выдержит, кое у кого, говорят, доходило до инфарктов. Коллектив запуганный и зашуганный, тени своей боится каждый, поэтому самостоятельные, профессиональные педагоги в школе не задерживались.

Нового педагога Роза Мухазовна приняла настороженно, но, по своей подлой привычке, изобразила самую сладкую улыбочку. Говорят, городская штучка со связями, из-за рождения ребенка добралась только до четвертого курса, поэтому еще два-три года не представляет угрозы, а дальше жизнь покажет.

Впрочем, Мадина ее почти не видит. Она на глазах наливаются соками, силы и здоровье возвращаются благодаря тактике тети Фатимы, теперь ее целый день не клонит в сон, и даже домашние дела не кажутся ей настолько тяжелыми, как раньше. К тому же Мадина, по совету тети, надевает резиновые перчатки, чтобы сберечь руки, и к зиме, когда нужно ехать на сессию, это почти та Мадина, мимо которой невозможно было пройти равнодушно. Светка, которую разнесло после родов, не помещается в свои «Диоры» и «Шанели» и весь ее дорожный гардероб достался Мадине, из чего селяне делают вывод, что этой женщине крупно повезло во всем.

Муж тоже заметил перемены в жене, но объясняет это тем, что дети подросли и она более или менее высыпается. Одна свекровь периодически смотрит на нее своими светлыми льдистыми глазами и явно что-то подозревает, но доказать ничего нельзя. На зимнюю сессию Мадина впервые везет детей к родителям, к деду, который до сих пор не видел внуков.

В первый вечер отец пришел поздно, когда дети уже спали, и Мадина тоже притворилась спящей, не решилась выйти к отцу. Утром рано убежала на занятия, пока отец с кем-то долго говорил по телефону. Первым из спальни вышел Алимчик в пижаме, увидел деда и спросил:

– А где моя мама, куда вы ее дели? А ты что, мой дада? Я тебя совсем не знаю, но мама сказала, что мы едем к другому даде.

– Да, я твой дада. Видишь, уже познакомились.

– А почему у вас в доме совсем нет игрушек? Как вы живете без игрушек?

– А вот я позавтракаю, и мы поедем покупать игрушки. А какие ты хочешь?

– Такой маленький паровоз, куда цепляются вагоны, и он их катает по рельсам. Только давай сразу пойдем, а то нам потом скажут, что пришли другие дети и все-все забрали.

После завтрака дед и вправду везет внуков в «Детский мир», где покупает детям все, на что они указывают пальцем. Алимчик

счастлив, он бросается деду на шею и целует его своими влажными губками. Этот поцелуй решает то, что почти пять лет не смогли сделать слезы жены, уговоры родственников, нравоучения брата: он принял внуков и полюбил их всем сердцем. Мадина, вернувшись с занятий, видит, что ее отец вместе с детьми ползает по ковру, следя за паровозиком, который катается на игрушечных рельсах. Комната полна игрушек, а дети визжат от восторга.

Когда она подходит к нему, отец молча обнимает дочь, и у обоих наворачиваются слезы на глаза...

После зимней сессии Мадина понимает: не хочет она жить в селе, и дело не только в тяжелом физическом труде, который раздавливает там женщину, и не только в тупой и мерзкой директрисе, не в запахе навоза и даже не в свекрови, которая теперь откровенно ее не любит. Странно, но у Мадины ощущение, что с тех пор, как она стала подниматься с колен, свекровь относится к ней хуже. В селе есть и своя прелесть: красивая природа, чистый воздух, близость к земле, собственные качественные продукты, хотя с химией тогда дело обстояло гораздо лучше, общинность, простота нравов и более тесные коммуникации.

Но рутинная каждодневная работа лишает человека потребности развиваться, реализовывать свои потребности как творческой личности. Простота нравов часто оборачивается их грубостью, искренность – чрезмерной прямолинейностью. Еще хуже то, что женщина здесь не имеет другой цены, кроме как работница, у нее нет права болеть, элементарно простужаться, быть ослабленной из-за беременности и родов: скотина этого не разбирает, поэтому, как бы тебе ни было плохо, встань и иди. Твою работу за тебя делать никто не собирается.

Удивляло и даже возмущало Мадину отношение мужчин к своим женам. Как-то она увидела, что соседская сноха, будучи на сносях, вместе с мужем нагружала повозку мешками с картошкой и ужаснулась: она же сейчас родит. На что свекровь заметила:

– Это что! Неделю назад ей было плохо утром, и она не смогла встать на дойку. Так ее благоверный набрал, по наущению своей матери, колодезной ледяной воды и окатил лежащую: вот теперь болей.

Другая молодая женщина, чей муж разводил скот и продавал мясо на рынке и в конце пастбищного сезона сразу забил пять единиц крупного рогатого скота, в конце октября целый день мыла в холодной воде внутренности этих животных, и, конечно, сильно заболела. Пришлось ей ложиться надолго в больницу, а благоверный, вместо того, чтобы следить за детьми и навещать жену в больнице, спутался с разбитной разведенкой и объявил еле стоящей на ногах

после выписки женщине, что теперь она ему не нужна и должна обратиться с глаз долой, пока он ее не прибил.

Казалось бы, при такой жизни женщины должны быть солидарны и поддерживать друг дружку, но жизнь на выживание озлобляет их и они готовы часами перемывать косточки какой-нибудь такой же бедолаге. Отдельный разговор – отношения свекрови и невестки. Редко в какой семье между ними складываются если не хорошие, то приличные отношения, и то часто потому, что у обеих есть внутреннее тормоза и обе умеют притворяться. Черкесская поговорка очень точно передает одно из главных требований к молодой снохе: «Она умеет обманывать». Речь, конечно, идет не о вульгарном вранье, а о том, что невестка умеет многое не заметить, из плохого сделать хорошее, быть крайне сдержанной в диалогах.

Мужчине, сыну, всегда предлагается некий выбор: либо мать, которая его любит без всяких условий, родила и воспитала, поэтому невестке не прощается ничего, что вовсе не замечается не только в дочери, но и нейтральной фигуре, либо жена, которую он привел в дом добровольно, по большой, как ему кажется, любви, и которая, не выдержав семейного гнета, предпочтет развод. Пошли такие времена, видите ли, когда много воли получили эти вертихвостки, если раньше любая мать говорила своей дочери, что нужно все перетерпеть, и ни в коем случае не допускала возвращения дочери в отчий дом, теперь родители, угнетая свою невестку, поддерживают дочь во всем, вплоть до покупки жилья для нее и помощи в автономном существовании.

Как правило, в таких случаях молодой отец приходит навестить детей раз, два, три, да так и остается. Свекровь проиграла безоговорочно образованной, работающей невестке. Но чаще наоборот: снохе некуда идти, и она вынуждена терпеть произвол свекрови, тяжелый повседневный труд в доме и на приусадебном участке, пьянство, измены, а то и побои мужа, пока не станет сама свекровью и не получит в полное владение ту, на которой, наконец, выместит все свои комплексы и обиды. Таким образом, мужчине остается небольшой выбор: или инфантильный маменькин сынок, и тогда он участвует в войне на стороне матери и гнобит свою жену, или подкаблучник, который ругается с матерью из-за жены и мечтает покинуть ненавистный родительский дом, но из-за отсутствия финансовых возможностей даже не может снять жилье.

Как правило, мужья-сыновья выбирают третье: оставляют поле битвы, где так и носятся электрические разряды, и норовят каждый вечер уходить к таким же убежавшим от проблем приятелям, где весело проводят время за бутылкой. Года два-три, вот тебе и выпивоха. Самые низко павшие свекрови ждут, пока сынок придет на бровях,

и путем разных доносов и инсинуаций добиваются скандала, а то и побоев в новой семье. Правда, они потом сделают вид, что так, сынок, нельзя, кулаки в ход пускать это ая-яй, но ведь невестка тоже не упала с печки, все прекрасно понимает.

А свекровь, напившись крови, спокойно засыпает. Не знает она, что когда-то ее покинут силы, а невестка войдет во власть, и тогда ей сторицей вернутся все каверзы. К этому времени свекор, как правило, перешел в мир иной, другие дети находят тысячу причин, чтобы не брать старушку к себе, хотя всем встречным и поперечным охотно рассказывают о невестке-стерве и брате, которого ведьма так подмяла, что он без ее разрешения нужник не посещает. Слушатели делают сочувственное лицо, ахают, но ничего нового в этих разговорах нет, у самих так же. Встретив невестку и спровоцировав ее на жалобы, они и ее выслушают чуть ли не со слезами сопереживания.

Что делать, мир стоит на лицемерии, которое называется вежливостью, тактом, деликатностью. Иногда встречается мудрая и тактичная свекровь, которая понимает внутренние мотивы своей антипатии и стыдится их, знает, что и другая, и третья жена сына будут иметь свои недостатки, поэтому она старается дружить с невесткой и не вмешиваться в ее отношения с сыном. Но таких очень и очень мало. Как правило, в селах встречается другой тип недоброжелательной, плохо образованной и агрессивной особы, разрушающей брак сына любыми способами, в том числе открыто враждебными. Есть и другой опасный тип, который внешне создает образ приятной наружно и даже очаровательной дамы, но влияющей на сына на скрытом уровне и потому еще более коварной и разрушительной.

Типичные отношения Мадина наблюдала в той семье, где сноху окатили колодезной водой. Там ругань не прекращалась ни на час, а молодой муж называл свою благоверную не иначе, как «эй, ты, дурында, тупица, грязнуля», смотря по настроению, что не мешало ему заводить регулярно от нее детей. В итоге такая же дурно воспитанная и не имеющая пристанища и образования жена ушла, взяв грудного ребенка и оставив со свекровью троих старших.

Вскорости ее лишили материнских прав, а муж вновь женился. Но свекровь, которая на первых порах пыталась быть любезной, быстро перешла к старым привычкам, и новобрачная тоже вскоре сбежала от чужих детей, размазни-мужа и его явно ненормальной матери. Теперь были несчастны все: дети, лишённые материнской любви и заботы, молодой мужчина, за которого ни одна не хотела замуж, его мать, на чьи старые плечи упали заботы о трех малолетних детях, мать этих детей, которая иногда приезжала и пыталась

хотя бы через забор на них посмотреть. И даже самый маленький, поощряемый бабушкой, взяв в руки камень, оскорблял мать непечатными словами.

Так прошло еще два года. За это время Мадина не подружилась ни с кем из соседок, коллег, знакомых, что создало ей репутацию гордячки, не вмешивалась ни в какие школьные проблемы, молчала в ответ на брюзжание вечно недовольной свекрови. Залим, по сравнению с другими мужчинами, нежен и заботлив с ней, хотя всячески скрывает это от матери, свекор держит крепкий нейтралитет и увлекся выращиванием каких-то южных диковинных растений вплоть до не вызревающих в этом климатическом поясе бананов, дети растут, и теперь Мадина не допустит нежеланной беременности, дай Бог этих в здравии поднять и воспитать, как надо.

Каждый свой шаг теперь Мадина обсуждает с тетей Фатимой. Более того, она набралась достаточно сил и здоровья, поэтому утренний сон сократился, и теперь можно и по работе что-то сделать. То, что дважды в год она выезжает на сессию и живет с родителями по месяцу, укрепило ее и морально. От родителей она привозит много детской и своей одежды, игрушек, вкусной еды: отец, как бы торопясь наверстать упущенное, не жалеет денег на дочь и на внуков. Тем более, что семья сына не только не нуждается в материальной помощи, но и делает такие подарки родителям, Мадине и ее детям, что черный итальянский кожаный плащ, привезенный последний раз Ингой, произвел фурор и в городе, и в селе.

Правда, возвращаясь, находит такое запустение и такие залежи кастрюль с остатками засохшей еды, хотя по воскресеньям несколько раз приезжала, чтобы прибраться и показать внуков, что неделю все отмывает, отскребает. О газификации разговоры продолжаются, но точный срок никто назвать не может, поэтому деньги на сберкнижке растут и все вроде о них не вспоминают, хотя проблему с оплатой удобств и последующего ремонта считают решенной.

И тут Фатима реализует вершину своего гениального плана по вызволению племянницы. Как-то в начале лета она, весьма довольная, говорит Мадине, что договорилась о покупке двухкомнатной кооперативной квартиры для нее в городе недалеко от ее родителей.

– На какие деньги? И кто меня туда отпустит?

– На те, которые накопились на книжке, плюс родители, наконец, дадут тебе приличную сумму. Хватит на все. Подумать только, как повезло, что кто-то отказался от своего пая накануне сдачи, люди решили купить дом и срочно продают свою «двушку» на третьем этаже пятиэтажки. Завтра надо платить, через полтора месяца дом сдают.

– А что я Залиму скажу? Он никогда родителей не оставит. Будет скандал, даже может закончиться все разводом!

– Скандал будет. Более того, чем он будет сильнее, тем лучше. Мадя, предоставь все мне. Надо рискнуть, а то закончишь жизнь там, где тебе плохо сейчас, а будет дальше хуже, потому что ты привыкнешь и не захочешь менять свою жизнь.

На следующий день под предлогом, что надо забрать какие-то бумаги, Мадина с тетей поехали в город на садовой машине, сняв предварительно деньги со сберкнижки, и она впервые увидела свою будущую квартиру. Неужели ее семья будет здесь жить? Маленькая, метров десять, спальня, кухня тоже примерно такого размера, что по тем временам, когда типовое строительство имеет стандарт шесть метров, просто здорово, маленькая прихожая, отдельные ванна и туалет, балкон из спальни, большая комната площадью восемнадцать метров. Сейчас в квартире шли отделочные работы, все коммуникации работали, сантехника тоже уже стояла.

Летом Мадина защищала диплом и с детьми жила у родителей. Квартира была готова, кое-что доделывали сами. Фатима подарила на новоселье кухонную мебель и большой ковер на пол в зал, родители купили дефицитную спальню, задействовав связи, были повешены занавески, которые давно лежали у Кули и дожидались, когда приданое дойдет до дочери вместе с постельным бельем, посудой, полотенцами, покрывалами, подушками, одеялами и прочими предметами уютного быта.

Жилье на глазах приобретало нарядный и красивый вид, теперь Мадина проводила там каждый вечер и любовалась каждым новым штрихом. При этом ее угнетало чувство вины перед Залимом: что будет, когда он обо всем узнает? Вряд ли он поддастся на Фатимины уловки. В воскресенье Мадина приехала без детей и объяснила: дети приболели, поэтому она не решилась их везти. Сейчас все хорошо, но еще есть остаточные явления. В шкафу почти не было хороших вещей, их она потихоньку переправила в новую квартиру, как и детские вещи. Как это свекровь еще не заподозрила ничего, наверное, подумала, что по своей привычке Мадина наряжается каждый день в новое. Впрочем, и оставшихся платьев хватает, чтобы заполнить шкаф.

Фатима пришла рано вечером, пока не вернулся с работы Залим, в предстоящем спектакле для него не было роли. Как обычно, сели за стол и гостя начала:

– Пришла вас поздравить и сообщить хорошую новость: Мадине родители подарили благоустроенную квартиру.

– То есть? – Ахмед не понял или растерялся.

– Ахмед, подумай сам: Алимчик осенью пойдет в первый класс. К кому вы его пошлете, к Аишат, которая сама с русским языком не дружит? Или к Фозе, у которой дети ничему не могут научиться?

До Ахмеда стало что-то доходить.

– Но эту школу окончили мои дети, и все получили хорошее образование.

– Так это было тридцать лет назад, когда в школе были настоящие кадры, много учителей было из крупных российских вузов. Теперь Роза Мухазовна разогнала всех, кто мало-мальски что-то из себя представляет. А внук твой похож на тебя, такой же умный и пытливый. Неужели ты хочешь, чтобы он неучем остался?

Ахмед медленно наливался кровью, когда вмешалась его жена:

– Фатима, не пойму, к чему ты ведешь. Хочешь сказать, что сын нас бросит и переедет в город? Ты прекрасно понимаешь, что он никогда этого не сделает! Не кажется ли тебе, что ты слишком часто вмешиваешься в наши семейные дела? Мало того, что кругом только и слышишь: Фатима то, Фатима се. Нам советчики не нужны, мы в состоянии сами решить свои проблемы!

Ахмед добавил:

– Скоро в селе проведут газ, и у нас будут городские условия, тогда всем будет попроще. Но даже сейчас мы не даем невестке делать трудную работу, все в селе знают, что она как сыр в масле катается!

– Да, – сказала Фатима, которой было нужно поднять градус разговора, – так каталась, что два года назад чуть не умерла от истощения. А в селе знают, что каждый день она пашет на двух работах, а вечером, вместо того, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок, пообщаться с детьми и читать им книжки, работает в третью смену, и вся ваша чистота и уют, ухоженные здоровые дети – ее рук дело? Если честно, купили ли вы что-нибудь стоящее для нее за эти семь лет? Может быть, хоть раз отправили куда-нибудь отдохнуть? Вы знаете, как эти два года я ее откармливала и отпаивала?

Лица свекровь выражали крайнюю степень возмущения, когда Фатима нанесла решающий удар:

– Думала я, что обрадую вас, когда шла сюда, но впервые вижу скандал из-за подарка, которого могло не быть. Кстати, Мадине пришлось снять некоторую сумму со сберкнижки, потому что хозяйка квартиры в последний момент подняли цену.

В продолжение всего разговора Мадина стояла рядом ни жива, ни мертва. Но у нее прямое указание: не вмешиваться, что бы ни произошло.

Взрывается свекровь:

– А в селе зато все знают, что у нас нет родни, что родители нашей невестки не бывают у нас, как это принято у приличных людей. А что они из себя представляют? Разве что сумел отец наворовать у государства, когда мой муж копейки не взял никогда, только сухая

зарплата, поэтому мы и не накопили ничего! А ее мать, белоручка, не научила дочь элементарно хабза!

Все, нужная фраза прозвучала.

– Так вот как вы оскорбляете Мадининых родителей? Не будет ее ноги в этом доме больше! Пойдем!

Мадина послушно, взяв только сумку, в чем была, идет за тетей. Главное, бить железо, пока оно горячо, думает Фатима. Пусть все валят на нее, не в таких бывали переделках. Через десять минут возвращается с работы пораньше Залим, который знает, что сегодня жена и дети приезжают, и, темнея лицом, выслушивает от родителей детали произошедшего скандала. Пусть даже Фатима все затеяла, но Мадина за его спиной провернула целую аферу. А такие вещи не прощают, и родителей он не покинет.

Утром Мадина с Фатимой на садовой машине едут в город, где тетя, выбирая правильно все выражения, объясняет зятю ситуацию. К удивлению, все проходит легче, чем предполагалось, дед где-то внутри даже рад, что теперь будет видеть внуков столько, сколько захочет. А Куля знает: сестра и муж не ошибаются. Потом Фатима отправляется в родное министерство, где ее знает даже вахтер и где ей давно обещали место для Мадины, теперь дипломированной специалистки с трехгодичным стажем работы. Там тоже все готово, и Мадина начинает работать тем же методистом, только на полную ставку в большом детском саду в центре города. Алимчик до сентября будет проводить дни у бабушки с дедушкой, а Аминочка будет ходить в тот же детсад.

Прошел месяц, а Залим не появлялся. Дети скучали и просились в село, но Мадина знала: сейчас нужна пауза. А вдруг Залим никогда не захочет ее видеть? Но ведь от детей он не откажется. Надо ждать. В квартире пока нет телефона, и, хотя родители очень им рады и просят жить все время у них, Мадина спешит в свою квартиру: вдруг приедет Залим и не найдет их? А к родителям, может быть, ему прийти труднее. Новая работа вполне устраивает, и коллектив вроде неплохой, тем более что с работой она хорошо знакома. Поэтому она ужинает с детьми у мамы с папой и возвращается в свой дом, где все втроем залезают на широкую кровать и, лежа в обнимку, читают книжки. С собой мама еще дает разную еду, поэтому Мадина почти не готовит.

Через месяц она сама позвонила Залиму на работу:

– Залим, это я. Алимчик болен (пусть Бог простит ее за эту ложь и не накажет ее сына), он очень хочет видеть тебя. Кроме того, нам нужно поговорить, как дальше жить. Я бы сама приехала, но не могу больного ребенка оставить. Ждем тебя завтра после шести по адресу... В ответ – тишина и отбой.

Завтра суббота, если Залим не приедет, это очень плохой знак. На второй день после шести она в красивом домашнем платье, приготовив ужин, начинает его ждать. У нее теперь точно такая прическа, как тогда, на свадьбе, где они познакомились. Правда, фигура у нее немного изменилась после родов, но она теперь гораздо более женственная, и в свои двадцать восемь лет Мадина уже мать двоих детей, старший из которых через неделю пойдет в первый класс, она молода и хороша собой, у нее есть бесценный опыт, она многое знает о себе и о других людях, и она сумела сохранить, или вернуть, свою сверкающую красоту.

Мадина и раньше знала, а потом еще больше убедилась в свои трудные первые три года замужества, что внешность для женщины значит много, если не очень много. Красота – естественный атрибут женщины, которым после замужества многие пренебрегают оттого, что на нее не остается сил, отказываются в пользу удобства и комфорта. Но внешность женщины, в отличие от стереотипного мышления, должна не просто очаровывать, привлекать мужчин, или создавать ее носительнице некие преференции, хотя красивым женщинам легче решить свои проблемы, если они зависят от мужчин. Правда, в ответ она получает приставания тех же мужчин, которые, будучи отвергнутыми, стараются отомстить, например, оговором, и, конечно, всю жизнь ей придется сталкиваться с женской завистью, ревностью, мстостью.

Красота – не просто власть, ресурс, товар. Мадина давно поняла, что творить себя – один из самых приятных и удивительных процессов, а быть довольной результатами собственного творчества – одно из самых больших удовольствий. Природа такую женщину награждает не только хорошим самоощущением, но и уверенностью в завтрашнем дне. Красивая женщина – это уверенная в себе женщина, она транслирует свою красоту окружающим, ею гордятся и дети, и муж, который боится потерять ту, что одна не останется, потому что любой настоящий мужчина явно или тайно поклоняется женской красоте.

В творении красоты важно все, не только одежда и внешность, но и умение вести себя, и внутренняя культура, и образование, и количество прочитанных умных книг, и доброта и чуткость, и умение рефлексировать, и желание быть выше пересудов и сплетен, и великий дар держать себя в руках, когда зашкаливают эмоции, да мало ли что. При этом далеко не всегда работают технологии красоты – грим, косметологические операции, массажи и притирания.

Поэтому наивные и глупенькие девчонки, которым повезло настолько, что они нашли источник доходов, папа это или папик,

считают, что тюнинг – это все наше. Они накачивают себе одни места и убирают другие, изнуряют себя в спортивных залах, покупают килограммы средств по уходу за собой и не вылезают из салонов красоты, где их всюю раскручивают на деньги. Они закупают модную одежду в дорогих бутиках и меняют сумки ценой в автомобиль, но не понимают, что делают себя товаром, а товар предназначен для того, чтобы его покупали, пользовались, а потом меняли на новый и выбрасывали старый.

В те дни, когда Мадина потеряла весь блеск и шарм, похудев до неприличия, она поняла, что даже мужу такая она не нужна. Никто и никогда теперь не увидит ее замученной и неухоженной, никогда она не доставит радость тем, кто хочет видеть ее послушной и согбенной.

Только почти в девять вечера раздается звонок в дверь, и дети с криками «папа, папа» бросаются к двери. Боже, как он похудел и почернел за месяц. Мадине кажется, что он даже ростом стал меньше, как-то весь усох. На лбу около переносицы появился залом, и ее сердце сжимается от боли. Не глядя на жену, не рассматривая квартиру, Залим, разувшись, проходит на кухню. Дети висят на нем, радуются, обнимают, спрашивают, почему его так долго не было. Мужские домашние тапочки, заготовленные для него и заботливо поставленные рядом, нарочно не замечает и не обувает.

Через час дети ложатся спать, и он собирается домой, когда Мадина говорит:

– Залим, задержись еще на несколько минут, пожалуйста. Нам нужно поговорить, но, прежде, попей чаю. Ты же с работы, наверное.

Секунду он колеблется, потом проходит на кухню, и Мадина ставит перед ним ужин, он не отвергает. Потом пьет чай, и все это в полном молчании. И только тогда, когда чай почти выпит, Мадина подходит к нему сзади, молча обнимает его за шею и шепчет:

– Как же я тебя ждала!

От нее пахнет его любимым парфюмом... Ночь они проводят на узком кухонном диване, и им нисколько не тесно. А утром он везет семью в село...

Зейтун УЛЬБАШЕВ

Об авторе

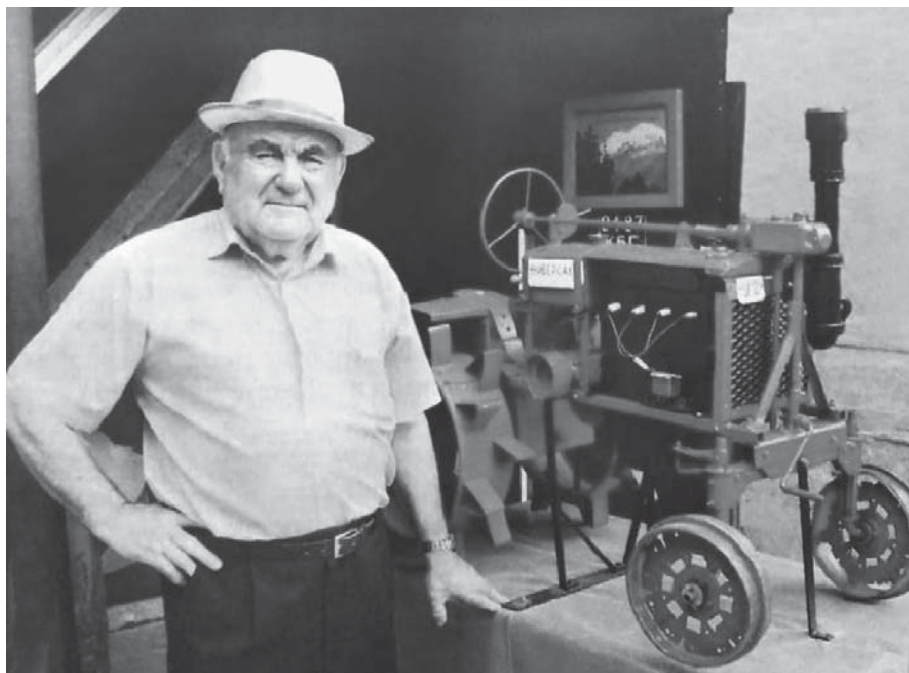
Зейтун Ульбашев написал о себе самое главное – каково было его детство, как формировался характер маленького горца в условиях войны и депортации. Он не позиционирует себя ни писателем, ни рассказчиком, он составил для себя летопись трагических событий семьи на протяжении десяти месяцев, трехсот девяти дней, самого тяжелого периода выселения балкарского народа. В эти три сотни дней по воле злого рока мать семерых детей была разлучена со всеми, кроме первенца Зейтуна.

В дальнейшем судьба его сложилась так же, как у всех тех подростков, что попали в жернова репрессий – голодное безотрадное детство, тяжелый труд, невозможность получить образование. О последнем Зейтун Ульбашев сожалел всю жизнь и старался самообразованием восполнить то, что для многих миллионов его сверстников было делом обычным.

Автор окончил всего лишь четыре класса и курсы трактористов, и, тем не менее, его воспоминания свидетельствуют о природном таланте, остроте взгляда, объективном восприятии жизни. После приезда на родину до своего семидесятилетия работал в геологических экспедициях, заслуженно пользовался огромным авторитетом и уважением коллег, изъездил весь Кавказ. Всю жизнь занимался самообразованием, много читал. И сегодня, когда он приближается к своему 90-летию, выписывает все периодические издания республики, в курсе всех новостей. Несмотря на то, что потерял очень многих близких людей (совсем недавно ушла из жизни его младшая сестра), он сохранил любовь к жизни и окружающим, не сломался, не потерялся даже в наше смутное время, являясь главным человеком для детей и внуков, правнуков, племянников, всех тех, кому он в жизни приносил только радость своими поступками и добрым словом.

Зейтун – мой родственник, муж единственной маминой сестры, он в нашей жизни с раннего детства, так как был близким человеком, принимал живое участие во всех наших делах. И когда мы, семеро детей, остались без матери, был нам поддержкой, никогда не давал нам унывать, придумывал разные детские проекты, чтобы вернуть к жизни моих младших сестер и брата. Я о нем могу рассказывать очень долго, поскольку во все годы, им прожитые, он являет собой образец настоящего горца... Много тепла мы видели и от героини

Зейтун воссоздал для музея Азнора Ульбашева (пос. Каишатау) макет трактора «Универсал», на котором работал до возвращения из депортации.

повести, незабвенной Анисат, нашей любимой Анака. Но это уже другая история.

Такие, как Зейтун, их скромность, но и величие в трагические периоды истории, – пример стойкости для молодежи. Мы обязаны знать, какой тяжкий путь прошли наши старшие и с каким трудом сохранили память о нем женщины-матери, вернувшись на родину. История Анисат, потерявшей в день выселения детей и почти год (309 дней!) их искавшей, – одна из бесчисленного множества историй. Эта история ценна тем, что написана самим её участником. При этом у автора особая манера – взгляд со стороны, что позволяет ему быть предельно честным и объективным. У автора почти не встретишь эмоций – сухое изложение фактов в историческом контексте. «Чем больше эмоций у писателя, тем меньше их у читателя», – было сказано писателем А. Рыбаковым. В самом деле, беспристрастная манера изложения порождает в ответ массу глубоких переживаний... И спасибо Зейтуну Ульбашеву за написанное.

Свою рукопись Зейтун Ульбашев доверил мне, и я практически не стала ее редактировать. Ибо невозможно менять ни стилистику текста, ни его структуру, не теряя при этом содержания.

Тамара Биттирова,
доктор филологических наук, член СП РФ

АНИСАТ

Документальная повесть

Мои родители. Отец – Ульбашев Ибрагим Асланмурзаевич, мать – Тюбеева Анисат Созаевна. Мама родилась в 1912 году в селе Хабаз, восьмым ребенком в семье Созая. В 1930 году она вышла замуж за моего отца, Ульбашева Ибрагима Асланмурзаевича, 1904 года рождения.

Анисат росла среди своих старших братьев любимицей, баловницей, ей прощали шалости, она тоже отвечала взаимностью, любила своих старших братьев. Постепенно выросла. Когда ей было девять лет, родилась её сестричка. Это была Зухра, но Анисат её называла Кызчык. Для Анисат она была и сестричка, и живая кукла. Мать Кубул ей давала только грудь, остальные заботы о ней перешли к Анисат. Шло время, часто в этот дом к своему другу Юсупу приходил красивый, стройный парень, мастер на все руки, талант от бога Ибрагим Ульбашев. Созай и Кубул очень его уважали не только как друга их сына Юсупа, а как хорошего человека, но не думали они о том, что Ибрагим будет свататься к их юной дочери Анисат. Однако это случилось. Главным инициатором был Юсуп, хотя Созай и Кубул были не против такого брака, по тем временам невесту надо было похищать. Хмурой и холодной октябрьской ночью 1930 года дружки Ибрагима пришли к дому Созая. Родители Анисат рано легли спать. Анисат возилась у очага, ждала сигнала, зашел домой Уянаев Аммах, как дальний родственник на это он имел право. Вывел Анисат во двор, а дальше было дело джигитов. Привезли невесту в дом Ибрагима, где её уже ждали. Проснулся Созай, а дочери нет. Он решил показать свой характер, разгневался и пошел на Ульбашевых, обычаи тогда были такие. Но Ульбашевы тоже не дремали. «Разведка» донесла, что Созай идет с большим дрыном и очень зол. Невесту быстро спрятали у соседей. Пришел Созай к Ульбашевым, в большом дворе Асланмырзы – пусто. Единственный, кого он нашел и отдубасил, был внук Асланмырзы от кабардинского зятя, звали его Кашиф, который спал и ничего не знал о похищении невесты. Однако гнева Созая хватило ненадолго, как водится в таких случаях, уважаемые люди в селе пришли к Созаю и уладили дело. Ибрагим стал любимым зятем Созая и Кубул. Так Анисат сменила фамилию Тюбеева на Ульбашеву и стала жить в большой семье Асланмырзы.

Молодая невестка старалась угождать всем. Строгая к своим снохам мать Ибрагима – Атахан, Амма, как все её называли, и та была довольна, даже «келин» не называла Анисат, а величаво «Созай кызы», однако долго жить здесь не пришлось, старший брат Ибрагима

*Ноябрь 1943 г. Анисат с детьми.
На руках – Махти, справа от нее стоит
Юсуп (плохо видно), слева – Зейтун, перед
ним – Божена. Верхний ряд – слева направо –
Марьям, Кюмюн, Алтын.*

Хажимаил после смерти жены Маржан подарил свой небольшой дом около Шиякы-Кулак Ибрагиму. Вскоре молодая семья поселилась там и стала жить самостоятельно. Первенца своего Зейтуна она родила, когда ей шел девятнадцатый год. А последнего, седьмого, ребенка родила в тридцать один. Эти тринадцать лет совместной жизни с Ибрагимом Анисат торопилась рожать, словно знала, что отпущено ей мало времени для супружеской жизни. Трудно было Анисат с малыми детьми, с хозяйством. Дом был старый, с земляной кровлей, и поэтому во время дождей протекала крыша, падала штукатурка с потолка. Анисат

постоянно боролась с этим. Из карьера в Чегете, где брали глину для штукатурки, Анисат ведрами таскала глину и мазала потолок. С речки Малки таскала полные ведра воды для стирки, купания детей, для приготовления пищи, для разведения глины, а за водой надо было спускаться вниз метров четыреста и столько же подниматься. При этом она фактически всегда была в положении.

До последних дней своей беременности была вынуждена трудиться. Тогда и не мечтали женщины о декретном отпуске, о роддомах, о врачах. Вместо врача-гинеколога была старушка-повитуха, а вместо роддома – темный угол дома. После рождения дети оставались без уколов, прививок. Вот поэтому многих забирали детские болезни: корь, дифтерит, оспа.

Так прожила Анисат свою молодость. Ибрагиму тоже было не сладко, агитировали его вступить в колхоз, он целый год отказывался. А в 1931-м из НКВД пригрозили ему: если не вступит в колхоз, то ждут его Соловки, куда ссылали врагов Советской власти, а оттуда редко возвращались. Вынудили вступить в колхоз, и он уже не он,

свобода кончилась. Его как плотника гоняли везде от зари до зари: работа, за которую практически не платили. Поэтому Анисат он помочь ничем не мог, а иногда Анисат и саму гоняли на прополку колхозной кукурузы с грудными детьми. На арбу грузили люльки, а женщины детей несли на руках. У плантации детей клали в люльки, одна из женщин оставалась с детьми, а остальные пололи кукурузу. Часто день заканчивался ливнем или градом, а каково приходилось детям и их матерям, бригадира не волновало. Ему надо было таким образом поднимать колхоз. Сейчас в это трудно поверить, кажется дикостью, однако такое практиковалось. Кто пережил первые годы коллективизации, тот знает. Перед войной Ибрагиму всё же удалось построить новый добротный дом. Хотя было много недоделок, семья поселилась в нём, но пожить в доме спокойно так и не было суждено. Началась война, Хабаз на три месяца был оккупирован немцами. Немцы отступили, пришли красные, ушли красные, пришел НКВД – и пошло-поехало. В верховьях Малки скрывались несколько дезертиров. Для их ликвидации было решено послать роту солдат. Но для этого нужен был проводник, знающий местность. Случайно на глаза энкавэдэшникам попались Абдулкерим Атабиев и Ибрагим. Под угрозой ареста заставили их провести отряд до указанного места. Начальник районного НКВД Кажимов дал им специальные бумаги о том, что они являются проводниками, и отряд под покровом ночи отправился на задание.

На второй день пришли на заданное место, несколько человек сидели на полянке у костра, отряд их окружил и открыл огонь. Люди у костра бросились под кручи и через речку ушли на правую сторону в лес. Во время перестрелки в суматохе солдат застрелил Ибрагима, приняв его за противника. Этот выстрел горько отозвался в судьбах Анисат и детей. Анисат так мало было отпущено супружеской жизни, всего тринадцать лет. Ибрагима убили 11 апреля 1943 года. Прожил он всего тридцать девять лет. А седьмого ребенка, Юсупа, Анисат родила после смерти мужа 3 июля 1943 года.

Наутро отряд обнаружил, что, кроме своего проводника, они никого не убили. Более того, Атабиев, увидев, что застрелили Ибрагима, перебежал к повстанцам. Он решил, что убивают и своих, этим он сохранил себе жизнь, отсидев потом в лагерях десять лет. Работал в колхозе дояром. Отряд тело Ибрагима кое-как закопал и ушел в обратный путь.

Анисат ждала три месяца возвращения Ибрагима, три раза ходила в район, спрашивала, где её муж, но в НКВД скрывали гибель Ибрагима, говорили, что скоро будет. А когда она пошла в третий раз, то Кажимов в резкой форме выгнал её и сказал: «Если ещё раз придешь, будешь арестована». Но нашлись очевидцы гибели Ибрагима и ука-

зали место захоронения. Братья Ибрагима Хаждаут, Исмаил, сестра Алтынкыз, Кубул и Анисат решили пойти за останками Ибрагима. Вверх по течению Малки, по бездорожью, преодолевая пороги, густые заросли, добрались до места. Откопали могилу Ибрагима, останки собрали в мешок и принесли в Хабаз. Похоронили на кладбище.

Анисат была в отчаянии: на что жить, чем кормить детей, никакой работы, заработка. На зиму единственная надежда – это картошка с огорода. Корову, на худой конец, можно будет продать. Помочь никто не мог, все жили бедно. После ухода немцев стали восстанавливать колхоз. Стали отбирать у населения излишки. Это был в основном скот. У Анисат нечего было отнимать. Единственная надежда – Зейтун. Ему тогда шел двенадцатый год. В сентябре восстановили и открыли школу, Зейтун должен был пойти в пятый класс, но его дядя Хажимаил рассудил иначе, по-отечески посоветовал: «Ты как старший в семье, как мужчина, должен работать, кормить семью». И забрал с собой на животноводческую ферму пасти колхозных телят. Так с сентября 1943 года началась трудовая деятельность Зейтуна. Он пас телят, а зимой давал им сено прямо из копны, которую не вывезли с поля. Это был его каждодневный труд, и он редко попадал домой. Так наступил март 1944 года. Дома семья бедствовала, пришлось расстаться и с единственной коровой-кормилицей. Анисат была вынуждена поменять корову на кукурузу в селе Кенделен, отдав её местному мельнику. Это было в конце февраля. Надо было поехать на арбе через Хаймаша и Каменномост в Кенделен за кукурузой. Для этого Хажимаил освободил Зейтуна на три дня. Когда Зейтун спустился из коша в село, он увидел много машин, солдат и офицеров, которые ходили по домам и переписывали людей, дома, скот и имущество. На вопрос, зачем они здесь, они отвечали, что находятся на отдыхе, а перепись, якобы, для статистики государству. Но народ был насторожен, слухи муссировались, что будут выселять...

Зейтуну дома обрадовались, Анисат рассказала историю с обменом коровы на кукурузу. «Завтра рано утром дядя Исмаил на арбе подъедет, и поедем в Кенделен за кукурузой. Заберем кукурузу и к вечеру вернемся, так как дома дети остаются одни, в том числе и грудной Юсупчик», – предупредила вечером мама.

7 марта 1944 года. Утром Исмаил подъехал очень рано, Анисат и Зейтун сели на арбу и поехали. Рассвело уже за Каменномостом. День обещал быть теплым и мягким. Исмаил то и дело бранил быков, что они такие медленные, и постоянно их погонял. А вот и Хаймаша, спустились вниз, а там и село Кенделен, про которое Зейтун так много слышал. Село как село, но странно, как и в Хабазе, много машин, много солдат по окраинам села, посты. Зейтун подумал: «Бедные солдаты, измаялись на фронте и отдыхают».

Тем временем подъехали к мельнице. Мельник извинился и сказал, что он не успел собрать нужное количество кукурузы, но насыплет столько, сколько собрал. Анисат это не понравилось, но делать было нечего. Мельник насыпал три мешка кукурузы. Для Анисат это было целое состояние. Загрузили мешки в арбу, запрягли быков и тронулись в обратный путь. Исмаил хотел бы заночевать и погостить у сестры жены, у Мелек. Но Анисат категорически не согласилась и настояла на том, чтобы ехать домой. Думала, хоть в полночь приедем, успею накормить Юсупчика. Время уже было за полдень. Исмаил упрекал Анисат, что, если засветло не проедем Хаймашу, то могут волки встретиться. Но Анисат об этом и слышать не хотела, все её мысли были заняты детьми. Она думала: как доедем домой, накормлю ребенка, а другим нажарю кукурузы. С такими думами она шла за арбой, низко опустив голову. И вдруг на окраине села её вывел из оцепенения окрик впереди арбы: «Стой! Куда едешь?». Этот окрик солдата оборвал её мысли, сердце отчаянно забилося.

Исмаил пытался солдату что-то сказать, но солдат был неумолим. Передернув затвор ружья, приказал повернуть обратно. Подошла к нему Анисат, объясняя в основном жестами, что у нее дома дети одни и среди них – грудничок. В это время подъехал офицер на «Студебеккере» с солдатами и поинтересовался, в чём дело, Анисат обратилась к нему, умоляла его, просила, чтобы ихпустили, так как дети остались одни. Офицер вежливо ответил Анисат, что разделяет её тревогу, но есть приказ никого из села не выпускать. Посоветовал вернуться в село переночевать, а утром рано отправиться домой. А Исмаилу приказал повернуть быков обратно. «Вот и встретили волков», – подумал Зейтун, вспомнив слова своего дяди.

Делать было нечего, Исмаил повернул быков. Анисат рыдала. Зейтун старался её успокоить, но она его не слышала. Подъехали к дому Мелек. Дядя распряг быков. Двор, куда вернулись, был Тюбеевых, Мелек тоже была сноха Тюбеевых. В большом дворе жили несколько семей. Все они отнеслись к Анисат с сочувствием как к родственнице, пытались её успокоить. Но сами были встревожены. Задавались вопросами: «Что бы это значило? Неужели и вправду будут выселять народ?»

В подтверждение этих догадок получили весть о том, что заблокированы все выходы из села. Кого-то не пустили в Тызыл, в Лашкуту, в Заюково, а тут ещё и Анисат вернули. «Значит, сгущаются тучи над нами, нечего тешить себя напрасными ожиданиями, надо готовиться», – говорила Маруш. Она была старшая по возрасту в этом дворе. После её слов двор превратился во встревоженный улей. Сыновья, снохи, подростки – все взялись за дело: резали кур, баранов, пекли хлеб. Сделали всё, что смогли сделать за ночь. Во

всей этой суматохе только гости не принимали никакого участия. Исмаил спал, Анисат и Зейтун просидели на мешках в арбе, благо ночь была теплой. Быки, наевшись сена, мирно жевали свою жвачку. Анисат уже не плакала, то ли выплакала все, то ли надеялась на чудо, но ни разу даже не вздремнула. Зейтуна тоже не посещал сон. Он думал: «А вдруг и вправду будут выселять, как там дома будут дети, кто за ними присмотрит, чем их кормят, что сможет Марьям, которая осталась дома за старшую, которой всего одиннадцать лет, а самому маленькому, седьмому ребенку, восемь месяцев. А может их оставят, так как нет родителей?»

Кошмар ночи 7 марта закончился вопросами: зачем, почему, для чего? Такие безответные вопросы ещё долго будут беспокоить балкарский народ, а пока встретим 8 марта 1944 года. Незаметно наступило роковое утро, начался отсчет времени. Вот ноль часов, два часа, а вот и четыре часа утра, кругом тишина, будто замерло всё вокруг. Зейтун слез с арбы, так как отекли ноги, вдруг из темноты услышал окрик солдата «Стоять!», луч фонарика осветил лицо. Подошли шесть человек: четыре солдата с винтовками и два офицера. Солдаты пошли по комнатам. Кроме детей, никто не спал. Поэтому всех вывели на улицу и начали читать списки, все ли на месте. «А кто такие эти трое?» – спросил офицер, показывая на гостей. Из толпы вышла молодая девушка, хорошо говорившая по-русски, и объяснила офицеру, что они из другого села и что их вчера не пропустили в своё село. В это время Анисат обратилась через переводчицу к офицеру. Она умоляла его отпустить её домой, так как дети дома одни. Офицер объяснил, что по приказу НКВД их пришли выселять. Повернулся к Анисат и сказал: «А вы, гражданочка, не волнуйтесь, ваше село также будут выселять, детей найдете в Нальчике». Тут же приказал другому офицеру, чтобы гостей записали в состав семьи Мелек, что он и сделал. Вся эта процедура заняла не более пятнадцати минут.

Вдруг Кенделен загудел. Разом завелись моторы автомашин, которые должны вывести селян за считанные минуты. Вот и к нам подъехал видавший виды «Студебеккер». Заехала машина во двор и задним бортом остановилась около арбы. Два солдата заняли место в кузове за кабиной и руководили погрузкой. Офицер и солдат командовали внизу. По очереди выводили каждую семью и сажали в машины. Первой посадили семью Мелек и Исмаила с ними. Чем больше садились люди, тем меньше могли брать вещей. Анисат и Зейтун сидели пока на арбе. Офицер закрыл задний борт, не заметив на арбе двоих. Маруш крикнула ребятам, которые были в кузове, чтобы они посадили в машину Анисат и кинули им хотя бы мешок кукурузы. Улучив момент, когда офицеры отошли, чтобы убедиться, что никто не остался, солдаты спрыгнули с машины и закинули все

три мешка кукурузы. А затем, словно ребенка, кинули в машину находившуюся почти уже без сознания Анисат. У неё меж пальцами был пучок волос, вырванный из головы от безысходности. Вскочил и Зейтун в машину и сел около матери на мешок с кукурузой. Ребята тоже сели на мешки, чтобы офицеры не заметили. Двое солдат сели в машину сзади и по углам, офицер сел в кабину. Второй офицер скомандовал ехать, а сам остался во дворе. Машина завелась и стала трогаться. Люди в машине печально прощались со своими домами. Женщины завопили, словно только теперь поверили, что их выселяют.

Зейтун тоже посмотрел на ту дорогу, куда вчера их не пропустили. Потом перевел взгляд на быков, которые лежали впереди арбы, и пожалел, что не догадался их отвязать. А еще подумал: в Кенделен он приехал впервые в жизни, и такая печальная встреча и расставание. Когда машина тронулась, уже рассвело. Проезжая село, все смотрели, как во дворах разбросаны вещи: перины, подушки, сепаратор, швейные машинки и прочая домашняя утварь, которую заставляли выбрасывать из переполненных машин. Видел Зейтун и скотину, встревоженную от рева машин, собак, отбежавших от домов и наблюдающих за происходящим.

В некоторых домах ещё загружались, а погрузившихся отправляли сразу. На выезде из села стоял пост, который вчера ещё никого не пропускал. Так выехали из Кенделена. По дороге в Нальчик выстроилась колонна машин. Зейтун смотрел на заснеженные горы Баксанского ущелья – ни облачка на небе. Солнце уже начало озарять верхушки гор. Так провожало балкарцев утро 8-го марта.

Обернулся, посмотрел в лица людей, сколько в них было боли, печали, горя, это трудно описать. Зейтун остановил взгляд на каждом сидящем в машине. Исмаил сидел, низко опустив голову, видно было, как на щеке у него дергается нерв.

Малые дети плакали. Грудные тоже плакали, но молодым мамам намыс (горский этикет) не позволял кормить грудью прилюдно, а дети этого не понимали. Солдат, сопровождавший переселенцев, сидя впереди кузова, как показалось Зейтуну, не меньше печалился о насилии над народом, зато двое, сидевшие сзади, были вредные. Не разрешали вставать, менять место. Зейтун думал, что там, в Хабазе, дети, если их тоже везут в открытой машине, могут простудиться. Его братишки Махти, Юсуп, сестрички Мариям, Алтын, Кюмюш, Бажена. Они тоже, наверно, хотят есть, но кто им что может дать.

Но, посмотрев на мать, забыл о них, испугавшись за нее. Лицо у Анисат почернело, глаза потускнели, взгляд стал рассеянным. Клок волос ещё торчал меж пальцев. Зейтун пытался разжать ей пальцы, с трудом это ему удалось.

Долго ли, мало ли, но прибыли в Нальчик. Привезли их в район Александровки, долго ехали вдоль железной дороги. На путях друг за другом стояли составы, эшелоны и грузились. Подали машину задом к вагону. Первыми выгрузили мешки с кукурузой. Зейтун занял место в углу вагона, помог матери сойти с машины и посадил на мешок. Ниже их тоже грузились вагоны. Исмаил сказал, что пойдет ниже и посмотрит, может, там хабазцы, и ушел, так и не вернулся. Как уже после стало известно, он действительно нашел хабазцев. Исмаил, конечно, хотел вернуться назад, но солдаты, ругаясь и толкая прикладами, запихнули его в вагон и закрыли двери. Отправился этот эшелон, в котором уехали жители Безенги и полсела хабазцев. В этом эшелоне не было семей ни Исмаила, ни Анисат. Верхняя часть Хабаза была отправлена другим составом неизвестно куда. Это «куда» Анисат будет искать долго...

Однако вернемся к эшелону с жителями Кенделена. Машины подъезжали без конца. Несколько офицеров командовали машинами, и у каждой выстраивалась очередь для определенного вагона. Так по всей длине эшелона. Разгрузившись, машина отъезжала, на её место становилась другая. Солдаты торопили людей разгружаться поскорее. Внутри вагона тоже были солдаты и также торопили людей, чтобы те ставили вещи поплотнее для размещения ожидающих своей очереди людей из других машин. Из очередной машины занесли в вагон девочку примерно 12–13 лет, у неё был сильный жар. Ей надо было лежать, но такого места не было. Битком набитый вагон всё тяжелел. Разгрузились все машины, назначенные на этот вагон. Солдаты вышли из вагона и закрыли дверь. Они видели больную девочку, но об оказании ей помощи даже не подумали. Между тем, у неё ещё было и расстройство желудка. Проблема усугублялась тем, что сходить было некуда. К счастью этой семьи, им достался угол вагона. Мужчина, чабан, тоже потерявший семью, попал в этот вагон и занял место в том же углу. Но ему пришлось поменять место, чтобы не стеснять девочку. Конечно, больше всех страдала мать девочки. С закрытием дверей в вагоне стало темно, душно и жарко. Большая проблема была с отсутствием воды. Эшелон сначала загрохотал, закрипели вагоны. Это означало, что состав отправили. Люди замолкли, дети перестали плакать. Поезд набирал скорость. На стыках рельсов стучали колеса вагонов, это означало, что балкарцы покидают родные горы.

Вспоминая последние сутки, Зейтун с удивлением думал: почему так происходит? Почему никто не протестовал? Почему никто не пытался бежать? Как послушные рабы, без крика и скандала оставили дома, имущество, скот, сели в машины, а затем и в вагоны. В темном вагоне на голодный желудок в голову лезли разные мысли. Тем вре-

менем все стали привыкать к стуку колес, который еще и убаюкивал усталых физически и морально людей. Дети плакали, просили воды. Каждый плач ребенка напоминал Зейтуну его братишек и сестер, но Зейтун был бессилен что-либо сделать. Рядом с Анисат поместилась семья Маруш. Эта была удивительно умная женщина, если бы не она, Анисат, наверное, не доехала бы до места. Она всячески успокаивала Анисат. Всю дорогу кормила ее и Зейтуна из своих запасов. Она даже старалась шутить: «Мы же с тобой тюбеевские дочери и ничего не боимся». Так кончилось восьмое марта.

Прошли и ночь, и целый день девятого марта. Прошла снова ночь и вот настало десятое марта. Остановили состав, открыли двери, и глазам представилась огромная степь без конца и без края. Люди, привыкшие видеть вокруг себя только горы, настолько были удивлены увиденным, что позабыли о своих нуждах. Но солдаты им напомнили об этом. Приказали выйти всем, чтобы в течение пятнадцати минут справить нужду. После чего очистить вагоны от скопившихся нечистот. Люди высыпали на улицу, жадно глотая свежий воздух. Маруш кричала мужчинам, чтобы они дали возможность женщинам справить нужду. Мужчины, их было меньше, отвернулись, женщины ушли дальше и, закрывая друг друга платками, справили нужду и быстро вернулись в вагон, чтобы убрать накопившиеся нечистоты. Маруш, ведя Анисат с собой в такой общественный туалет, кричала молодым девушкам и женщинам, которые не решались, стыдясь, что намыс неуместен в такой день. Если злые силы нас превратили в скотный двор, то мы не виноваты, Аллах нам простит. Аллах создал человека, чтобы есть и опорожняться, кричала Маруш женщинам. Солдаты, прежде чем открыть двери, выстроились по четыре человека у каждого вагона и не пускали на другую сторону, а также наблюдали, чтобы люди возвращались на свои места. Девочка, что была больна, по-прежнему температурила, мать поднесла её к двери и дала подышать свежим воздухом. Паровоз загудел, люди побежали к вагонам. Солдаты закрыли двери вагона, после чего ушли в свой удобный вагон, который был прицеплен сразу после паровоза.

Теперь каждый день стали останавливаться в степи на пятнадцать минут. На четвертые сутки начали давать обед. За каждым вагоном был закреплен офицер. У него были списки людей в вагоне – взрослых и детей. Из числа взрослых в вагоне выбирали троих с ведрами. На больших станциях, где готовили еду для переселенцев, офицер, согласно списку, получал жидкий суп и непонятно из чего испеченный хлеб. Приносили это варево и хлеб в вагон и делили. На больших станциях была возможность набирать воду и даже кипяток, как для обычных пассажиров. Проблема была в том, что не у всех были ведра или котелок.

После того как перевалили за Урал, позволяли ехать с открытыми дверьми вагонов, а на ночь закрывали. Люди в вагоне перестали пугать друг друга, как это было в первые дни: якобы нас везут, чтобы утопить в море, или на Волге побросают с моста в реку. На что Маруш реагировала по-своему: «Вот у Сталина больше забот нету, как вас в морской воде купать или с моста сбрасывать».

На одиннадцатые сутки прибыли в Киргизскую ССР, Фрунзенскую область, Ивановский район.

По пути отцепили несколько вагонов. На станции Ивановка загнули в тупик и тоже отцепили от состава несколько вагонов. Состав стал куцом и повез остальных дальше к другим станциям.

На станции, у тупика, стояло много подвод, от пароконков до одноконоков, брички на быках. Зейтун обратил внимание, что кучера – в основном женщины и молодые девушки. У офицера НКВД на руках был список, сколько в вагоне семей, состав каждой семьи. Поэтому он определял, какой семье какой вид транспорта давать. Но сначала надо было разгрузить вагоны. Начали разгрузку с тех, кто был ближе к двери. Дошла очередь и до Анисат. Сыновья Жанхота помогли снять кукурузу. Три мешка кукурузы на двоих, Анисат и Зейтуна. Анисат была самая богатая среди переселенцев, но её это мало радовало. Ведь она думала о детях. В этом вагоне ехали в основном люди из Кенделена и Белой Речки. Анисат и женщинам с малыми детьми выделили одноконную бричку. А остальные подводы тоже загрузились, разместились все, образовав длинный обоз из подвод. Дали команду ехать. Анисат, Зейтун, их попутчица и кучер шли пешком, а двух маленьких девочек посадили на бричку. Шли, ехали по степной пыльной дороге. Впереди путникам открывалась бескрайняя степь, море красных диких тюльпанов и высокие тополя. Красивые, низкие, зеленые горы без леса. Такой была весна в Киргизии. Это радовало глаз людям, успевшим соскучиться по горам за долгую дорогу.

Наш кучер, женщина-киргизка средних лет, шла рядом с нами и повторяла «байкьустар», что означало на киргизском языке «бедные, несчастные». Она задавала вопросы: вы вроде не похожи на бандитов, а почему вас так называют? Ну какие же это бандиты, спрашивала она, показывая на утомленных девочек на бричке. Так доехали до большого перекрестка, где брички поворачивали, кто влево, кто вправо, кто уезжал прямо. А бричка Анисат в числе многих повернула вправо, к горам.

Когда выехали со станции Ивановка, примерно восемьдесят подвод, думали, что всех везут в одно место. Но когда на перекрестке стали разъезжаться, то люди начали волноваться, некоторые семьи, не поместившиеся в одну бричку, сели в разные. Попутчица Анисат

спросила у кучера: «Куда поехали те подводы и куда едем мы?» Кучер объяснил, что восемнадцать подвод едут в село Кёгеты, а остальных развезут в села в пределах Ивановского района.

В селе переселенцев ждали. Подготовили помещения, потеснили местное население. Людей поселяли в коровники, сараи, а также, таких как Анисат, к малосемейным местным жителям. Анисат хоть здесь повезло. Подселили их к молодой учительнице с маленьким сыном. Её звали Ташкент, а сына Аскар. Муж её, бывший директор школы, находился на фронте, и никаких вестей о нем не было.

Комнатка у Ташкент была маленькая, она очень обрадовалась своим квартирантам и всячески старалась помочь Анисат. Дала постель, а Аскар так подружился с Зейтуном, что спал с ним вместе. Когда разгрузили три мешка с кукурузой, то Ташкент от удивления схватилась за сердце. Возможно ли в наше время иметь такое богатство! Но когда Анисат рассказала историю этой кукурузы и её семьи, то женщина долго не могла убрать руку от груди.

Анисат была намерена искать детей немедленно. Для этого нужны были ресурсы, продукты. Ташкент посоветовала нажарить кукурузу и перемолоть её. Это по-киргизски называется «талкъан», а по-балкарски «къууут». Зейтун и Аскар собрали в огороде бурьян, Ташкент и Анисат нажарили три ведра кукурузы. Затем все вместе пошли на мельницу в ущелье в километрах пяти от села. Речка светлая, довольно большая для мельницы. Людей на мельнице было немного, с небольшими котомками пшеницы для «талкъана». Ташкент, Анисат, Зейтун и Аскар принесли кукурузу, сколько могли поднять, для муки и талкъана. Это стало поводом для киргизов думать, что «къапкёозы», так они называли переселенцев с Кавказа, богатые люди. Киргизы жили бедно, у них забирали всё для нужд фронта. Несмотря на это, они всегда делились куском хлеба. На мельнице обитало несколько семей, занимавшихся хозяйством, там же был и брадобрей. У него был нож, сделанный из старой косы. Этим ножом он брил головы киргизам за определенную плату. Ташкент попросила его побрить головы Зейтуна и Аскара, которые сильно обросли. После бритья брадобрей кончиком ножа делал на голове насечку, чтобы выпустить немного крови. Это он объяснял тем, что если кожу на голове не продырявить, то на том свете шайтан из кожи сделает бурдюк, а если сделать насечку, то кожа будет дырявой и непригодной для бурдюка. Тем временем женщины смололи кукурузу и вернулись в село. Ташкент из жареной муки приготовила интересный густой напиток «ачхып». Анисат назавтра готовилась в дорогу искать детей. Напекла чурекки: как ей казалось, найдет детей, а они голодные. Ташкент дала координаты соседних сел.

Двадцатого марта, на рассвете, Анисат и Зейтун отправились в путь. Вот село Киропком, Чапаевка, ещё несколько сел. Но везде знакомые лица, ехавшие с ними в одном эшелоне. На пути к очередному селу пришлось заночевать около арыка, у тополя. 21 марта встретили карачаевцев (они были высланы 7 ноября 1943 года). Выслушав Анисат, посоветовали искать детей в детдоме, в селе Быстровка, расположенном у железной дороги.

Вышли на трассу около городишка Токмак, где ездили машины-полуторки. Анисат договорилась за лепешку чурека с шофером, который довез их до места назначения. А вот и детдом, который расположен в старой конюшне. Зашли во двор, наконец-то, встретим детей, думали они. У ворот сидел охранник и никого не впускал внутрь.

На стене висели списки. Охранник сказал: читайте, если есть здесь ваши дети, то он их вызовет. Зейтун прочитал списки несколько раз, но на букву «у» даже фамилий не нашлось. В основном дети были чеченцы, ингуши, карачаевцы. За обратную дорогу от Быстровки тоже отдали чурек. Прибыли в город Токмак. Это был базарный день. Базар был интересным, многонациональным. Как потом узнал Зейтун, там были киргизы, узбеки, дунгане, уйгуры, китайцы, корейцы, советские немцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, а также эвакуированные из Прибалтики народы.

Продавались на базаре в основном ценные вещи: ковры, национальные женские украшения, золотые и серебряные пояса, нагрудники и т. д. Все это предлагалось за бесценок, потому что люди голодали и в своей основной массе были переселенцами.

Как увидел Зейтун, здесь продавались и отруби, которые пользовались спросом у людей, конечно же, не от хорошей жизни. Зейтуну на всю жизнь запомнился Токмакский базар. Особенно четыре эпизода.

Во-первых, сам базар – настоящий «музей» драгоценностей, обесцененных вещей, сокровищ.

Второй эпизод. Незнакомая карачаевка сказала, что на другом конце базара встретила группу балкарок. Анисат должна была пойти туда. Поскольку Зейтуну разохшиеся чабуры натерли ноги и ему было тяжело ходить, Анисат была вынуждена оставить его в стороне и пойти одной. Зейтуну всё было очень интересно. Здесь было много фронтовиков-калек. Многие из них попрошайничали, а многие торговали. Кто предлагал гармошку, кто солдатскую гимнастерку, кто трофейные часы. Все они были покалечены: кто без рук, кто без ног на костылях.

Третий эпизод. Это были дни 1944 года. Вдруг Зейтун увидел совсем молодого солдата, у которого не было обеих ног ниже колен. Два куска из покрышек автомашины-полуторки были привязаны к

его культам, таким образом он передвигался. Перемещаясь с места на место, он просил подаяние. Зейтун следовал за ним, так они дошли до ряда, где продавались отруби. Хозяева отрубей были мужики преклонных лет. Инвалид попросил у них отруби, но они о чем-то беседовали и не ответили ему. Тогда инвалид запустил ладонь в одну из торб, набрал горсть отрубей и всыпал в рот. Это заметил хозяин и ударил его кулаком по голове, инвалид свалился на бок и умер. Продавцы перенесли свои торбы с отрубями немного дальше и продолжали торговать. Инвалид лежал мертвый, с открытым ртом, из которого сыпались отруби, а люди проходили мимо. Никто не ахал, не охал. Такова была жизнь в голодные годы войны. Только Зейтун стоял около него и думал: хозяин отрубей несильно его ударил, может, он оживет, надеясь увидеть его воскрешение. Но для солдата война закончилась на Токмакском базаре, враг – его величество голод – оказался сильнее фашистов. Зейтун поспешил вернуться на условленное с матерью место.

Четвёртый эпизод. На пути перед ним предстали фигуры четырех интересных женщин в белых одеждах. От головы до самых ног, закрывая их лица, висели черные сетки. Зейтун подошел к ним и встал рядом. Они разговаривали на непонятном языке, но это был не киргизский. Зейтун решил заглянуть в лицо одной из них, открыл с боку сетку и даже не успел рассмотреть лица, как получил сильный пинок от стоящего рядом мужика. С тех пор у него пропала охота заглядывать под черную сетку.

Так как Анисат вернулась ни с чем, отправились в обратный путь. А путь от Токмакского базара до Кегети был в двадцать пять километров. Рана на ноге у Зейтуна болела. Чабуры, в которых он приехал с Кавказа, разошлись. Пройдя десять километров от Токмака, остановились ночевать около арыка. Съели последнюю лепешку пополам, запили водой из арыка. Чабуры положили в воду, чтобы размякли, и спали на уже успевшей засохнуть от жары траве. Спали до самых первых петухов, хотя петухов здесь не было, знали время примерно. Поутру отправились дальше в путь. В Кегети дошли к обеду. Ташкент их встретила с радостью. Пока Анисат «путешествовала» в Кегети, раздали земельные участки. По двадцать пять соток для постройки дома, огорода. Анисат тоже выделили участок. По иронии судьбы соседом по участку Анисат оказался тот самый мельник из Кенделена. Он извинился перед Анисат за то, что их сделка имела такую концовку. Хотя у Анисат не было к нему никаких претензий. Он успокаивал ее, что дети найдутся. Что их непременно государство определит в детдом, а пока ей надо взять себя в руки и заняться огородом. Она и в мыслях не допускала, что будет заниматься чем-то другим, кроме поисков детей. Но Зейтун тайком

от неё взял семена кукурузы и пошел в огород. Земля была вспахана, рядом был арык с водой, Зейтун, за время скитаний соскучившись по земле, с энтузиазмом начал сажать кукурузу. Через некоторое время Анисат догадалась, что сын в огороде, и пришла на помощь. Мельник тоже попросил кукурузы на семена. Местная была желтая и твердая, а кенделенская – белая и мягкая. После огорода не было и дня, чтобы сидеть дома. Каждый день ходили в какое-нибудь село и искали жителей Хабаза. Но многие даже и не знали, что такое село существовало. Анисат устала, одежда ее растрепалась, она была в отчаянии. Началась уборка хлеба. Тогда комбайнов не было, а потому пшеницу жали серпами и завязывали в снопы.

Однажды бригадир приказал Анисат выйти на работу в поле. Она не вступила в колхоз, так как все знали её положение с детьми. Анисат стала ходить на работу, и это её отвлекало от мыслей о детях. Да и коллектив жнецов, состоящий из одних женщин разных национальностей, был жизнерадостный: смеялись, шутили. И вот настает тот счастливый день, когда Анисат узнает о том, что хабазцы находятся в Иссык-Кульской области. Она пошла к коменданту, чтобы он ей оформил пропуск. Деньги у неё были, так как она продала пуд (16 кг) кукурузы за 3000 рублей. Огород она поручила своему соседу-мельнику, чтобы он его поливал.

В начале июля снова в путь. На рассвете вышли и пришли в Токмак, а оттуда на попутной машине к вечеру добрались до Быстровки. Там был зал ожидания. Пересидели ночью, а утром вышли на шоссе, ведущее к Иссык-Кулю. Вскоре удалось сесть на машину-полупотурку. Дорога шла по ущелью вдоль реки Чу. Река была большая, по горам военнопленные строили железную дорогу от Быстровки до Рыбачьей. Посередине ущелья стоял мост Красный, где чекисты проверяли документы. Так как у Анисат был пропуск, прошли без задержки, а троих пассажиров высадили. К вечеру прибыли в Рыбачье, городок с низкими земляными домиками.

Город был портовым, сюда причаливали маленькие суденышки. Так как дул сильный ветер и озеро штормило, зашли на маленький вокзал, где заняли место в углу. «Иссык-Куль» переводится с киргизского как «незамерзающее теплое озеро». Его протяженность от Рыбачьего посёлка до города Пржевальского на другом конце – 270 км. Над озером одна дорога и через определенное расстояние расположены села. А позади сел – красивые горы. Автомшины дальше Рыбачьей не ходили. Возил пассажиров по озеру легкий катер. Анисат и Зейтун просидели до утра, но ветер и не думал стихать. Анисат за это время познакомилась с молодой киргизкой, которая тоже ожидала парохода. Оказалось, в селе, где она живет, есть балкарцы, а соседку её зовут Аккыз, у неё много дочерей, и начала

перечислять их по именам. Анисат плакала от радости, обнимала, целовала её. Наконец-то весть о хабазцах. Аккыз – двоюродная сестра Зейтуна. Киргизка предложила Анисат идти пешком, так как ветер ещё не стихнет примерно неделю. Таким уж был нрав местного ветра, который называли «сын-таш», это хорошо знала киргизка. Для Анисат это было как бальзам на душу. Ночь пересидели на тесном вокзале, пахнущем рыбой. На рассвете вышли в город. Ещё можно было идти. За городом в открытой степи ветер с песком обжигал лицо, катил камни с куриное яйцо. Слева гора, откуда дул ветер «сын-таш», справа – озеро Иссык-Куль. Так шли киргизка, Анисат и Зейтун. До первого села Тамчы прошли сорок пять километров и пришли затемно. Первыми в селе встретили мальчишек-балкарцев. Кинулись к ним, но они оказались безенгиевцами, которые успокоили Анисат, сказав, что здесь есть и жители Хабаза. Это были Таумурзаев Юсуп и Апшаева Лейля, бывшая учительница Зейтуна. Они провели гостей к Таумурзаевым. Встреча была радостная, но Анисат ждал и сильный удар – детей здесь не было. Она вся посинела, закрыла лицо руками, а слезы лились между пальцев, её начало колотить. Зейтун вспомнил её состояние в Кенделене и забеспокоился, ведь она могла на выдержать такое. Таумурзаевы успокаивали её всей семьей. Глядя на неё, плакала даже киргизка. Вдруг Анисат перестала плакать, уставившись в одну точку, долго молчала. А потом, подняв голову и руки вверх, произнесла: «О Аллах, что я такого плохого сделала, зачем ты преследуешь меня, не лучше ли было умертвить меня». Юсуп Таумурзаев был известным эфенди, пользующимся большим авторитетом у сельчан. Он прервал вопли Анисат, успокаивая её, сказал: «Вот ты уже совершила грех, разве можно так с Аллахом разговаривать». Анисат, может, и не слышала Юсупа, но смирилась с судьбой. Но судьба сыграла с ней злую шутку.

Вот что произошло в Хабазе. Когда выселяли жителей Хабаза, сделали это в два этапа. От речушки Шахун до Хабаза местность называлась Тебен Эль, жителей именно этой местности и переселили в Иссык-Куль. Выше речушки Шахун местность называлась Огъары Эль, где и жили дети Анисат. Но про переселенцев с Огъары Эль не было никаких вестей. Это было не самое страшное, Анисат рассказали, что её старший брат Юсуп погиб. Вот какие события ждали Анисат в Иссык-Куле, и это стало поводом спорить с Аллахом.

Дождались утра, Таумурзаевы проводили гостей. К вечеру киргизка привела их в село Гонгсарай. Здесь встреча с Кучуковыми была неожиданной для них и неописуемо радостной. Аккыз и не могла предположить, что Анисат была разлучена с детьми. Мать Аккыз – Алтынкыз, тетя Зейтуна по отцу, жила в Хабазе, недалеко от дома Анисат, и поэтому у неё была надежда, что детей приютила она. На

это надеялась и Аккыз, которая жаждала узнать, где её мать и брат Магомед Атабиев. На второй день гости вышли из Чонгсарая, но уже без сопровождения киргизки. Конечная цель была добраться до семьи брата Анисат – Юсупа. Они жили в селе Орта-Рюкти (в переводе с киргизского – «средний абрикос»).

Так шли Зейтун и Анисат из одного села в другое. В каждом были родственники из Хабаза. Поскольку из переселенцев они были первыми путешественниками, то их окружали, расспрашивая, куда попала половина Хабаза. Но на такой вопрос Анисат и сама не знала ответа.

На четвертый день пришли в село Орта-Рюкти, где проживали одни киргизы. Но, несмотря на это, здесь наши скитальцы встретили дядю Анисат Тюбеева Хажомара с сыновьями Наурузом, Сейтом и дочерью Жулдуз. Двоюродные братья Муса, Иса, Нух с семьями и их мать Кублахан (карачаевка Бердиева), Локьяев Маткерий, учитель Зейтуна в первом классе, Кожуковы – все они являлись родственниками Анисат. В семье Юсупа, куда пришли Анисат и Зейтун, их встретила жена Юсупа – Хадижат, которая при виде золовки расплакалась, пришли и другие родственники выразить соболезнование по поводу кончины её брата. Юсуп был здоровым, крепким человеком, который не терпел несправедливости. Выселение его народа стало причиной его смерти. 9 мая 1944 года он умер от сердечного приступа. Из выселенцев он был первый, которого похоронили в Орта-Рюктя. Анисат выплакала все слезы и дальше не в силах была идти, слегла. Помощи ждать было неоткуда. Врачей здесь никогда не было. Анисат должна была либо умереть, или, если повезет, выжить.

Было известно, что Исмаил – дядя Зейтуна, который потерялся 8 марта в Нальчике, живет в Тюпском районе, в селе Сарыбулак, в семье племянницы второй дочери Алтынкыз Аминат. Это в тридцати километрах от Орта-Рюкти. Анисат больше не могла идти и поэтому отправила Зейтуна одного. По пути в селе Кутургу жила семья Ульбашева Элькана, дочь Шахидат, жена брата Анисат Алисолтана, который не вернулся с фронта, пропал без вести. Шахидат жила с дочерьми Жансурат и Буслимаат. Зейтун пришел к ним, это была большая радость для девочек.

На второй день Зейтун отправился к дяде в Сарыбулак, встреча была незабываемой. Исмаил проклинал себя за то, что в Нальчике ушел от них и не смог вернуться. А не смог потому, что его солдаты насильно посадили в вагон и закрыли дверь. В Сарыбулаке было несколько семей из Хабаза. Они собрались у Аминат и расспрашивали Зейтуна. Первый вопрос: где находятся жители Хабаза из Огъары-эль? Но у Зейтуна, как и у них, не было никакой информации. Исмаил

выглядел плохо, то ли климат не подходил пожилому человеку, то ли переживания за потерю семьи, жены Мадинахан, дочерей Зухры, Зулихан и сыновей Салиха и Малика сделали свое дело. Он был осунувшийся, бледный. К тому же он очень переживал, что стал обузой для своей племянницы Аминат. Зейтун погостил у Аминат два дня и отправился в обратный путь. Провожать Зейтуна пошёл Исмаил. При расставании мужественный, волевой Исмаил, обнимая Зейтуна, не мог скрыть слёз. Эмоции переполняли и Зейтуна. К вечеру Зейтун пришёл в село Кутургу и ночевал у своих сестер Жансурат и Буслимат. На следующий день возвратился в село Арта-Рюктю, где по-прежнему лежала больная Анисат.

Несколько слов об Иссык-Куле – это удивительное место на планете. Эту область земли исследовал знаменитый путешественник Пржевальский, который похоронен на берегу озера. В его честь назван город, где его могила и порт Пржевальск. Киргизов тогда в регионе было мало. Основным населением являлись русские, украинцы, белорусы, высланные Советской властью как кулацкие элементы. Поэтому названия многих мест русские: Рыбачье, Долинка, Пржевальск. Следующими поселенцами были балкарцы. Иссык-Куль – соленое озеро. Его питают более сорока горных рек, которые из него не вытекают. Окруженное горами озеро находится как бы в котловине. Вокруг – населённые пункты. Мало пахотной земли, но много пастбищ в горах. Между озером и границей с Китаем проходит хребет Тянь-Шань. Его главная гора высотой 7439 метров носит название «Пик Победы». В ясную погоду гора, кажется, стоит совсем рядом.

Возвратившись из Сарыбулака, Зейтун пошёл работать в колхоз. За ним закрепили работу на «кырмане» – так назывался ток, где молотили снопы пшеницы. Зейтуну доверили «молоташ» – это широкий, обтёсанный из ракушечника с рёбрами круглый камень. Для работы на нём запрягали лошадь. На току прямо на землю раскидывали снопы пшеницы и по ним по кругу катали молоташ, пока не осыплется зерно. Вот такую профессию освоил Зейтун и успешно проработал до конца хлебоуборки. За труд получал сытный напиток из талкана – ачхып. Норма была в один «подвод». Киргизы подводом называли пиалу в один литр. В конце октября стало известно, что жители Хабаза из Огъары-Эль находятся в Казахстане. В Сарыбулаке Аминат получила адреса семьи Исмаила и матери Аминат Алтынкыз от своей племянницы Сафият.

Анисат немного поправилась. Узнав об адресах, начала собираться в путь. Зейтун снова пошёл в Сарыбулак – узнать состояние Исмаила и взять адреса. Аминат была против, чтобы Исмаил ехал, так как он был по-прежнему нездоров. Зейтун вернулся с адресами.

Анисат и Зейтун на почтовых бричках вернулись в Рыбачье. Из Рыбачьего выехали ночью, на попутной машине. К обеду следующего дня прибыли в Токмак. Дальше пешком пришли в Кегети. Ташкент очень обрадовалась гостям. На второй день Анисат пошла к коменданту и объяснила ситуацию. Комендант обещал дать пропуска, но посоветовал подождать четыре дня, так как будут давать баранов вместо оставленного на Кавказе имущества и скота. Анисат числилась в списках. Затем они пришли в свой огород. Там такая кукуруза стояла – целая тайга. Это благодаря солнцу, поливу и кенделенским семенам. А также труду благородного мельника, который постоянно ухаживал за огородом. Мельник убрал свою кукурузу, выкопал подвал-землянку, чтобы пережить зиму. Анисат поблагодарила за помощь и рассказала, что намерена продать кукурузу на корню. Мельник купил кукурузу, а на участке, сказал, построит дом для своего сына. Через четыре дня действительно раздали баранов, по четыре головы. Одного барана зарезали и приготовили на дорогу, остальных купил мельник. Комендант выписал пропуск по адресу семьи Исмаила: Казахская ССР, Алма-Атинская область, Уштобинский район, колхоз имени Сталина.

Двенадцатого ноября вышли из села Кегети. Добрались до железнодорожного вокзала Фрунзе. Поездом доехали до станции Луговая, а там надо было делать пересадку на Алма-Ату. Пошли на вокзал и ждали до утра. У них было два мешка багажа. В одном – продукты, а в другом – материя, которую Анисат купила у спекулянта по дороге на вокзал. Ночью, когда они вздремнули, мешок с продуктами у них украли. Наутро с оставшимся мешком сели в поезд и уехали. На другой день, чтобы ехать до Уштобе, надо было купить билет. Но беда Анисат ждала и здесь. Они не знали, что, пока они добирались, поменяли название области. Была Алма-Атинская, стала Талды-Курганская. И поэтому надо было менять пропуск. Анисат умоляла кассиршу дать ей билет. Та, в свою очередь, была непреклонна. Кассирша посоветовала Анисат ехать во Вторую Алма-Ату и там, в центральной комендатуре, поменять пропуск. Во Вторую Алма-Ату ходил местный электропоезд. Сели на электричку и приехали в указанное место. Было уже темно, и поэтому пошли на вокзал, чтобы дождаться утра. Но внутри вокзала никого не пускали. Был холодный вечер. Погода портилась. Начал моросить мелкий дождь. Анисат умоляла женщину, чтобы та пустила их переночевать. Но она объяснила, что не имеет права. При этом посоветовала идти в Дом колхозника, куда принимают всех желающих. Показала, куда идти.

В конце широкой улицы горело много лампочек. Но им казалось, что лампочки от них удаляются. Чем ближе подходили, тем дальше удалялись лампочки. Анисат начала беспокоиться. Сзади шли солда-

ты. Но вдруг мужчина в гражданской одежде догнал Анисат с сыном. Анисат обрадовалась, когда незнакомец с ними поравнялся. Спросила его, не знает ли он, где находится Дом колхозника? Мужчина сказал, что тоже идёт туда, и посоветовал идти с ним. Солдаты, которые уже поравнялись с ними, слышали эти разговоры. Прошли метров триста от основной дороги, которую отделяла тропа на пустырь. Проводник сказал пойти влево и повернул. Анисат немного усомнилась, но тоже пошла за ним. В это время солдаты, идущие за ними, набросились на проводника и так его отдубасили, что тот еле вырвался от них и убежал. Это был жулик, сказали солдаты. Он хотел завести вас на пустырь и ограбить. Грабить было нечего. В мешке за плечами Зейтуна было всё богатство Анисат – пятнадцать метров материи, которую купила по дороге во Фрунзе. Солдаты довели их до Дома колхозника, а сами пошли дальше. Анисат всю дорогу благодарила их за этот поступок. Солдаты же, прощаясь, пожелали им спокойной ночи. Однако их пожеланию не суждено было сбыться. Злополучный Дом колхозника почему-то располагался за высоким забором с железными воротами и военной охраной. По углам забора стояли вышки с вооруженными солдатами. По левую сторону улицы – низкие домики с земляной кровлей. Это, наверное, окраина города, подумал Зейтун. Только почему Дом колхозника так охраняли? Подошли к воротам. У маленького окошка слышны были разговоры. Анисат постучала в окошко. Изнутри открыли и спросили: чего надо? Она объяснила, что их прислали сюда переночевать. Послышался смех. Сказали, что это раньше был дом для приезжих колхозников. А сейчас здесь военный объект, и потому помочь ничем не могут. Вот и захлопнулось окошко. Между тем, уже шёл мокрый снег. Пока сюда шли, вспотели, а теперь пробирает холод. Отошли от военного объекта и подошли к домикам. Анисат постучала в окно. Но хозяйка сказала, что мест нет. Во втором домике тоже получили отказ. В третьем окне Анисат жалобно просила, чтобы пустили хотя бы в коридор. Женщина изнутри ответила, что сами живут в тесноте, куда еще вас пускать, и задвинула занавеску. Анисат, отчаявшись, села на сырую землю прямо под окном и зарыдала. Зейтун тоже сел рядом и успокаивал маму. А снег валил большими хлопьями. Как у них украли мешок с продуктами на станции Луговая, так они и сидели на голодном пайке. А сегодня не завтракали, не обедали, а об ужине даже и не думали. В окно посмотрела женщина и отошла. Через несколько минут она вышла к ним со словами: бедные, вы же сейчас замерзнете, пошлите со мной в хату, ляжете на полу. И повела их к себе. Когда Анисат рассказала о своих муках, хозяйка прослезилась. Она жила со снохой, дочерью и внуком. Сын на фронте. Сноха и дочь были на работе в ночную смену. Для согрева хозяйка налила им по стакану кипятка, в

котором не было ни заварки, ни сахара. Пол был деревянный. Легли в чем были на пол и заснули. Анисат было тридцать два года. Мать семерых детей, в прошлогодней летней одежде, потерявшая мужа и детей. Какая была в ней сила воли, чтобы вынести такие испытания? Зейтун боялся, что вдруг не выдержит её сердце и, не дай бог, с ней что-нибудь случится. Хотя он сам был в незавидном положении. Ему тринадцать лет. На ногах прошлогодние чабуры, которые сносились до дыр. Прошлогодний чапан тоже в дырках. С прошлого года были ещё брюки и рубашка, тоже в заплатках. Конец ноября, а уже пошёл снег. А они в летней одежде. Первая зима на чужбине. Как будет дальше? А дети, если найдем их в живых, то в каком они состоянии? Стало светать. Анисат поблагодарила хозяйку за милосердие. Женщина пожелала Анисат удачи в поисках детей, сказала, что тут недалеко есть заброшенный карьер кирпичного завода. Там бывает утренний базар, куда приходят балкарки. Продают шерстяные изделия. Через них найдёте комендатуру.

Вышли из комнаты, в лицо ударил морозный ветер. По заполенной снегом улице мимо бывшего Дома колхозника дошли до базара. Огромная яма карьера, где выбрали глину для кирпичного завода, служила стихийным базаром. Он назывался утренним, так как больше двух-трёх часов не работал. Несмотря на раннее утро, народу было много. У входа на базар женщина продавала пирожки с тыквенной начинкой. Анисат жалела тратить деньги, пока не найдет детей, но купила пирожки, боясь потерять и Зейтуна. Горячие пирожки быстро таяли во рту. А вот и балкарки показались. Несколько женщин пришли на базар. Анисат радостно улыбнулась, словно уже нашла детей. Она пошла навстречу землячкам, начала их обнимать, как своих родственниц. При этом рассказывая о своём горе. Женщины были высланы из Верхней Балкарии. Зейтун с интересом слушал разговор. Он никогда не слышал такой «цокающей, зокающей» речи. Свекровь Анисат Аммахан была дочерью Газаева Кокай-хажи. Женщины поведали, что родственница Аммахан Газаева Чижан живёт на кирпичном заводе. Они обещали отвести Анисат и Зейтуна к ним после своей торговли.

На базаре было много нищих. Основным товаром были обломки шпал, доски, дрова, ящики, саксаул, уголь. Всё это привозили на ручных санках. Вскоре торгующие разошлись. Женщины вышли с базара. Как и обещали, направились на кирпичный завод. Путь их лежал через пустырь, который был покрыт льдом. На коньках катались несколько пацанов. Женщины забеспокоились, называли их шпаной. На Кавказе шпаной называли породу овец. Однако Зейтун быстро убедился, что женщины волновались не зря. Зейтун шёл сзади женщин, неся за плечами мешок с материей. Пацаны, катаясь на

коньках, приблизились к Зейтуну. Один из них лихо пролетел мимо и слегка задел его. Зейтун не придал этому большого значения, а женщины, увлеченные разговорами, тоже ничего не заметили. Вот и лёд закончился, и ребята тоже отстали. Одна из женщин заметила, что мешок у Зейтуна порезан и торчит край материи. Пацан полоснул мешок бритвой, думая, что там что-то сыпучее. Несмотря ни на что, дошли до барака огромного кирпичного завода, где жили балкарцы, в их числе и незнакомая дальняя родственница Газаева Чижан. Она радушно приняла гостей. Выслушала Анисат. Взяла у неё пропуск и через своего коменданта на девятые сутки оформила пропуск по адресу: Талды-Курганская область вместо Алма-Атинской. Хоть здесь повезло Анисат встретиться с такой доброй, отзывчивой женщиной, как Чижан, которая не только оформила пропуск, но и содержала девять суток Анисат и Зейтуна, не позволяя тратиться.

Поблагодарив Чижан, прибыли в Первую Алма-Ату. На вокзале купили билеты. Сели на проходящий поезд «Москва – Новосибирск». Это было 3 декабря 1944 года. Меньше чем за сутки доехали до станции Уштобе. Вышли из поезда. Шел снег крупными хлопьями. Дальше надо было спросить, где находится колхоз имени Сталина. А может, кто-нибудь из балкарцев встретится? После инцидента с жуликом в Алма-Ате Анисат была осторожна и поэтому выбрала женщину-казашку, которая проходила мимо них. Она была в железнодорожной шинели с красной повязкой на рукаве. На вопрос, как можно пройти в колхоз имени Сталина, она сухо ответила: «Ай, здесь каждое второе село называется именем Сталина. Откуда я знаю, какое из них тебе нужно?» – и прошла мимо, даже не останавливаясь. Ей вслед Анисат пожелала, чтобы она споткнулась. Дальше у неё пропало желание расспрашивать кого-либо. Анисат и Зейтун направились к зданию вокзала, где было полно народу: солдаты-инвалиды, женщины, дети, старики. Все куда-то ехали, но не все могли уехать. Проходящие поезда шли переполненными, освободившихся мест на всех не хватало.

В дальнем углу вокзала Зейтун заметил старика-балкарца, который лежал на полу, расстелив свой старый тулуп. Рядом с ним сидели две молодые женщины. Сквозь толпу пробрались к ним. Это были бывшие жители Холама. Женщины были дочерью и снохой старика. Они рассказали, что сидят уже третьи сутки и не могут уехать домой. Старик рассказал, что он завтра собирается идти пешком по шпалам. Посоветовал присоединиться к ним. А также сообщил, что колхоз имени Сталина расположен рядом с их колхозом. Где в основном живут чеченцы и корейцы. Ещё он поведал, что знаком с женой Исмаила Мадинахан. Что у Мадинахан живет девочка-сирота Алтын. Анисат, уже привыкшая к неудачам, боялась, что и эта удача

ускользнет от них. Глаза наполнились слезами и появилась надежда, что счастье вот уже близко. Услышала имя дочери Алтын. Остается только пройти несколько километров по шпалам. Это было 4 декабря 1944 года. Утром 5 декабря вышли рано, снег сыпал не переставая. Старик шёл среди рельсов, остальные за ним. Было темно, прошли три километра, и вдруг – автоматная очередь в воздух! Их окружили солдаты с фонариками. Начали расспрашивать, кто такие, цель путешествия. Женщины стали объяснять, что их вынудило на такой подвиг, и попросили пропустить их через мост. Солдаты, убедившись, что они не диверсанты, не стали их арестовывать и посоветовали, пока не рассвело, вернуться назад. А чтобы пройти через мост, об этом и речи быть не может. Так как на той стороне моста тоже стоит охрана. Мост был через реку Каратал. Одна из крупных рек Казахстана, которая питает озеро Балхаш. Поскольку время было военное, такие крупные сооружения охранялись. Однако старик не собирался возвращаться обратно. Вернулись метров на триста назад, спустились к реке и подошли к берегу. Уже рассвело, река Зейтуну показалась большой и широкой. Старик изложил свои намерения перейти реку вброд, а если получится, то переведет каждого на тот берег. Идею старика Зейтун не одобрил, но ни слова не сказал. Женщин оставили подальше от берега, старик с Зейтуном пошли к воде. Старик снял тулуп и отдал Зейтуну, чтобы он держал его, закрывая от женщин, в то время как сам разделся до кальсон и полез в воду. Вода была холодная, снег шел, не переставая, старик прошел метра три от берега и скрылся с головой. Вода стала сносить его по течению. Барахтаясь, он сумел выйти на берег метрах в семи ниже. Зейтун с одеждой устремился к нему. Старик вышел из воды весь красный, дрожащий, усы и борода обледенелые, даже не мог разговаривать. Быстро надел Зейтун ему рубашку, стянул кальсоны и надел штаны. Когда подошли женщины, начали его всячески утеплять платками, фартуками. Зейтун надел ему чабуры, женщины плакали, упрекая его за такой поступок. Наконец, он выцедил слово «тели-таулу» («неумный балкарец»). Зейтун тоже так про него думал. Но тут же изменил свое мнение. Что бы он сам предпринял, попади в такую ситуацию? Старику было больше семидесяти пяти лет. Жену его положили в больницу в Уштобе с диагнозом «тиф». Поэтому они сюда и приехали проведать её. В прошлый раз в Уштобе просидели тоже трое суток, но всё же уехали. А тут такое, никакой надежды. Вернулись на вокзал. Старик пошел в тот угол вокзала, откуда ушел рано утром. Расстелил свой тулуп на полу и лег на грудь. Женщины сели рядом. От холода и голода лица их стали серыми, старыми.

У Зейтуна не укладывалось в голове, по чьей вине народ так страдает. Какое отчаяние и какая безысходность заставили старика

лезть в ледяную реку?! Наверное, в молодости, на Кавказе он не раз переходил потоки вброд и знал нрав кавказских бурных рек. Но то было в молодости. Старик забыл, что он уже в преклонном возрасте, к тому же истощен. А задор молодости у него ещё остался, но подвел отчаявшегося старика. Поэтому Зейтуну стало жаль его, и он его не осуждал. Между тем, женщины решили ещё раз пойти в больницу и проведать мать. Анисат пошла с ними, чтобы заодно раздобыть что-нибудь съестное. Зейтун остался со стариком. Тот как лег, так и лежал ничком. Время от времени повторяя вслух – «тели-таулу». Видимо, не мог простить себя за глупый поступок.

Он лежал у самого прохода, через его ноги перешагивали люди. Просили, чтобы ноги подобрал, но он не реагировал. Вскоре вернулись женщины, купили пирожки. Старик отказался есть, а Зейтун был очень голоден.

В обоих направлениях за сутки проходило несколько поездов. Поэтому у окошка в кассу всегда стояли очереди. При подходе поезда билеты давали льготникам. Это в основном солдаты-инвалиды, возвращающиеся с фронта, а что же оставалось простым пассажирам? Так, без какой-либо надежды сидели наши герои. Время уже за полночь. Должен был прибыть очередной проходящий поезд. Откуда ни возьмись появились три здоровых парня-чеченца. Они узнали своих, кавказцев, и подошли к ним. Женщины пожаловались им, что уже трое суток никак не могут уехать.

Ребята сказали: «Дайте ваши деньги, а билеты мы достанем». Дали им деньги на пять билетов. Они подошли к кассе, вскоре открылась заветное окошко. Народ столпился. Чеченцы пошли на штурм, выкидывая кого за рукав, кого за ворот, и оказались у окошка. Народ утих, никто слова не сказал. Наверное, потому, что люди тогда встречались с насилием часто и привыкли безропотно отступать. Чеченцы с Кавказа тоже прибыли сюда не добровольно, а насильственно.

Затаив дыхание, Зейтун наблюдал за чеченцами, один из них с сильным акцентом сказал: «Босим билетов давай», – и протянул деньги. Какое это было счастье! Ребята раздали билеты и сказали выйти на перрон. Это было уже 6 декабря 1944 года.

В час ночи отъехал поезд со станции Уштобе. Зейтун сел у окна, чтобы рассмотреть реку Каратал и мост через неё. Мост был длинный, река широкая. Не успели проехать мост, как начали собираться на выход, оказалось, что на станции Кальпе поезд стоит всего две минуты и надо успеть выйти из вагона.

Вышли все восемь пассажиров. Женщины благодарили чеченцев, Зейтун удивился тому, что были так близко и не могли так долго попасть сюда из-за моста. Пришли домой к попутчикам, в семью

старика. Дом был холодный, женщины уложили старика в постель. Он никак не мог прийти в себя.

Топливом здесь являлась рисовая солома. Зейтуна посадили у печки, чтобы топить, а женщины собирались варить мамалыгу из кукурузной муки. Во втором чугушке сварили жидкую баланду (хурдур), чтобы кушать мамалыгу без айрана. Поели все с удовольствием. Стало светать, женщины вышли провожать гостей. Показали колхоз и дом Мадинахан. Снег уже перестал, но солнце ещё не вышло. Идти надо было километра два, дорога прямая, крайний дом принадлежал Мадинахан.

Анисат и Зейтун не шли, а бежали, словно боялись опять наткнуться на невидимое препятствие. Но судьба сжалилась на этот раз. Добежали, вошли во двор. Зейтун дёрнул двери, они открылись, оказалось, здесь не принято запирают двери. В комнате на полу циновка, на ней спали все. Зейтун стал искать Алтын среди спящих. Анисат стала у двери, теперь она боялась, что Мадинахан сообщит ей плохое известие о детях.

Вот Зухра – старшая дочь Исмаила, вот и его сын Салих, Зулейха, годовалый сын Малик с матерью. Алтын среди них не было. Теперь уже и Зейтуну становится плохо, но он берет себя в руки, стиснув зубы.

Первой проснулась Мадинахан. С криком она бросилась обнимать гостей, плача от радости. Анисат плакала тоже, но не вымолвила ни слова. Мадинахан, словно прочитав на лице Анисат немой вопрос о детях, сказала, что дети живы, кроме грудного Юсупчика. Также она сообщила, что дети находятся в Кировском районе, как и другие их родственники.

Алтын жила у них два месяца. Приехал дядя Хажимаил и забрал её к себе, но, к сожалению, уже два месяца как умер Хажимаил. Алтын забрала к себе мать Анисат Кубул, также у неё находится и Бажена. Остальные дети: Марьям, Кюмюш, Махти – находятся у тети Алтынкыз. Все они в разных колхозах. Юсуп умер там же и похоронен в колхозе Талапты. Анисат потрясла весть о смерти Хажимаила и Юсупчика. Мадинахан успокаивала её, приводила примеры, как умирали целыми семьями от голода и некому было их хоронить. А ты, бог даст, завтра утром увидишь своих детей. А для этого надо ехать поездом в Кировский район. Начали собираться.

В полночь Мадинахан, Анисат, Зухра, Зейтун пришли на уже знакомую станцию Кальпе. Сели на проходящий поезд и вышли на станции Коксу. Дальше надо было пересесть на междугородний поезд «Коксу – Талды-Курган». В три часа ночи 7 декабря отправились от станции Коксу и в четыре утра прибыли на станцию Тентек. Когда вышли из вагона, было уже темно, мороз трещал. Надо было идти в Свеклосовхоз, 1-е отделение, расстояние – четыре километра.

Мадинахан шла впереди как проводник. Остальные за ней. Стало светать, когда пришли в совхоз. Показался построенный за лето для балкарцев барак на двадцать семей, где жил Хажимаил. Зашли в квартирку, женщины плакали. Анисат выразила соболезнование вдове Хажимаила. Затем пошли в дом Шахий, к двоюродной сестре Зейтуна. Шахий обрадовалась неожиданным гостям.

Дальше Анисат и Зейтун должны были пойти в колхоз «Эмбек» (в переводе с казахского «Труд»), в четырех километрах от совхоза. А Мадинахан и Зухра должны были вернуться к себе домой в Кальпе.

В колхозе «Эмбек» живут мать Анисат Кубул, сестра Зухра с годовалой дочкой Фатимкой и двое детей Анисат – Алтын и Бажена. Это уже конечная остановка Анисат. Но вернемся в дом Шахий к расставанию. День был воскресный, морозный. Вдруг двери открываются и в комнату заходит девочка, оборванная, полураздетая, встала у двери. Настолько она замерзла, что не могла рта открыть. Все уставились на неё, не понимая, чего она пришла и кто она такая.

Это было минутное замешательство. Но Зейтун узнал в ней свою сестру. Бросился к ней с криком: «Алтын, Алтын!». Она настолько была растеряна от неожиданности, не смогла даже обрадоваться.

Когда она немного пришла в себя, рассказала, что бабушка Кубул шла на базар, чтобы купить тыкву и накормить семью. Она взяла Алтын с собой, но, когда поняла, что Алтын не дойдет до базара, сказала ей, чтобы она ждала ее у Шахий. Базар располагался в трех километрах от совхоза.

Вернувшись с базара, Кубул зашла к Шахий, не подозревая, что увидит здесь дочь и внука... Радость, слезы, встречу трудно описать.

Поблагодарила Анисат Мадинахан и Зухру за их помощь. Расстались тепло и отправились в Эмбек. Радость встречи с Зухрой, Фатимкой и Баженой трудно передать словами. Зухра начала готовить праздничный ужин, суп из тыквы. Но сначала дала детям по кусочку сырой тыквы. Голодным и истощенным детям тыква показалась необычно вкусной.

С 7 марта по 7 декабря 1944 года, а это 309 дней, искала Анисат своих детей. 309 дней голодали её дети. Даром это не прошло, жертвой голода стал грудной ребенок Юсупчик, остальные дети были полураздеты, истощены, на грани смерти. Было над чем задуматься Анисат: как дальше жить, чем кормить детей, где найти дрова для обогрева? По приезде в Эмбек Анисат слегла. За остальными детьми надо было идти в колхоз Талапты, но силы её покидали. За детьми снарядили Зейтуна.

Мороз усиливался, ноги Зейтуна подморожены, но он пойдет хоть ползком, потому что кроме сестер Марьям и Кюмюш там его любимый братишка Махти. 20 декабря ему исполнится четыре года.

Бабушка Кубул рассказала, как ему идти. По пути живет его дядя Хаждаут, он укажет дорогу в колхоз Талапты, где живет его сестра Алтынкыз, у которой находятся дети. 8 декабря Зейтун отправился в путь. Посетил в колхозе Эрназар дом дяди Хаждаута. Получив координаты Алтынкыз, пройдя двадцать пять километров, пришел в село затемно, усталый и измученный. Вся семья была дома, но детей среди них Зейтун не увидел. Все бросились обнимать его, засыпали вопросами. Алтынкыз поспешила успокоить Зейтуна, сообщив, что дети живы, и начала свой подробный рассказ.

Комендант Юдин Павел Евдокимович забрал детей у Алтынкыз и увез в Талды-Курган, чтобы определить их в детдом. Однако все три детдома были переполнены, и благодаря этому он не смог их устроить и вынужденно привез обратно в Талапты. Через колхоз детей отдали одной казашке, которую зовут Алтынбала. Она являлась активисткой села, поэтому судьбу детей доверили ей. Поскольку Алтынбала жила на другом конце села, Алтынкыз посоветовала пойти к ней утром.

Легли спать поздно ночью, но Зейтун долго не мог заснуть, ноги ныли от усталости, да и близкая встреча с детьми волновала его. Вот и настало долгожданное утро, встали и отправились в путь. Слева показался небольшой холм, Алтынкыз указала на этот холм и сказала, что там в числе умерших за лето нескольких детей и взрослых похоронен и Юсупчик.

Зейтуну захотелось подняться на этот бугор и посмотреть на могилку братика. Но холм был занесен снегом, да и Алтынкыз точно не знала, где именно расположена могилка.

Наконец-то дошли до сакли Алтынбалы. Дети ещё спали, но, услышав голос Зейтуна, с криком соскочили с мест. Марьям плакала от счастья, Кюмюш повисла на шее брата и не отпускала, то же самое старался делать и Махти. Это было жуткое зрелище.

Алтынбала побежала в контору и сообщила, что приехала мать детей. Председатель распорядился, и дали пароконную бричку, а кучером оказался бывший сосед в Хабазе Аппаев Исмаил.

Алтынкыз и Алтынбала быстро собрали детей, усадили на бричку и отправили в путь. Под вечер прибыли в Эмбек. Это было 9 декабря 1944 года. Пока ехали, Махти заболел, у него был сильный жар. Он даже не узнавал мать. В колхозе думать о враче было смешно. Поэтому бабушка Кубул старалась лечить внука разными народными методами.

10 декабря комендант Юдин приехал в Эмбек, услышав, что приехала мать детей. По приезде он потребовал у Анисат открепительный лист и пропуск от коменданта в Киргизии. Поставил на учет у себя в журнале и посоветовал остаться жить в Свеклосовхозе. Так как здесь по карточкам дают хлеб, работающим – по 500 грамм, неработающим и детям – по 300 грамм. В других колхозах такой льготы нет.

Поместив Анисат с семьей на бричку, Юдин повез их в совхоз. По приезде выдал хлебные карточки с 10 по 31 декабря, всем по 300 грамм на сутки. Затем временно поместил семью в комнату, где жили еще три семьи балкарцев из Баксанского ущелья. В домике не было печки, да если бы и была, всё равно топить было нечем, впрочем, как и готовить было не на чем и не из чего. Все обитатели комнатки спали на земляном полу, прижимаясь друг к другу. Все простужены и кашляют. К ним добавился и маленький Махти, жар у него не спадал, всячески кутала его мать. Вскоре и Зейтун заболел. Ему приходилось вставать рано утром и бежать в хлебный ларек занимать очередь за хлебом. Простоять несколько часов на морозе разутым, полуодетым Зейтуну было нелегко. У него были обморожены пальцы ног и пятки, но другого выхода не было.

А вот и трагедия посетила семью. К утру 20 декабря 1944 года умер Махти. Он родился 20 декабря 1940 года и умер 20 декабря 1944 года, прожив всего четыре годика. Забыв о своём недуге, Зейтун пошёл в Эмбек, и пошли они в совхоз с бабушкой Кубул. Бабушка готовилась предать тело земле. Мануфактуру, которую Анисат купила в Киргизии, бабушка использовала как саван (кебин). Копать могилку и хоронить Зейтун попросил бывших односельчан Ульбашева Кичибатыра и Уянаева Хажибекира. Старики сами еле ходили от истощения, да и лет им было под восемьдесят. У Зейтуна была сильная температура и удушливый кашель. Поэтому Кубул отговорила его идти на кладбище со стариками. На что старики, оценив состояние Зейтуна, сказали, что они смогут выкопать могилу, и не взяли его с собой. Зейтун успокаивал себя тем, что, если к весне не помрет, с одним из стариков пойдёт на кладбище и увидит могилку Махти. Надеется, что будет ухаживать за ней. Однако не суждено было этому случиться. Нет, Зейтун не умер. Умерли старики, не дожив до весны. Но самое худшее было впереди. Оказалось, что старики не похоронили тело Махти, не могли они, истощенные, голодные, копать землю, промерзшую на сорок сантиметров. Поэтому тело Махти сунули под лед с намерением перезахоронить с наступлением весны. Но, к сожалению, сами не дожили. Весной тело нашли поливщики-азербайджанцы. Перед пуском воды в канал для полива плантации очищали от прошлогоднего песка, и около кладбища, где проходило русло канала, нашли трупик. По савану поливщики определили, что труп мусульманский, и похоронили на мусульманском кладбище. Этот слух дошёл до Зейтуна только на второй год. По рассказам очевидцев, это был трупик Махти. Тому свидетельство и ткань, которую Анисат купила еще в Киргизии. Грубая, цветисто-зелёная, в которую завернули тело. С одним из похоронивших Зейтун пришел на кладбище, но они не смогли найти

могилку. За год умерло много людей. Кладбище заросло бурьяном. Махти для Зейтуна умер второй раз.

Вернемся к 20 декабря. Юдин, узнав о смерти ребенка, срочно переселил семью Анисат в камышовый барак. Это был рассадник клопов, но зато с печкой. Заболели все, все дети – Зейтун, Мариям, Алтын, Кюмюш и Божена, и сама Анисат. Все лежали на земле, на соломе. Укрывались тонким байковым одеялом. Первым оклемался Зейтун. Его ноги немного зажили, слезла шкурка с волдырей. Но на ногах были всё те же чабуры. Так жила не только семья Анисат, так жили все переселенцы. За то время, пока они болели, накопились неотваренные хлебные карточки. Зейтун пошёл в хлебный ларёк и получил много хлеба. Пришел домой, и вся семья ела хлеб прямо в постели всухомятку. Этот хлеб стал началом выздоровления. Стали заметно поправляться, хотя Зейтун по-прежнему кашлял. Так пережили зиму.

Весной Зейтун пошёл на работу. Как подростку доверили ему быков. Здесь было принято садиться верхом на быков и коров. Работали на свекловичных полях. Женщины, девушки и подростки такого же возраста, как и Зейтун. Зейтун запрягал быков, бороновал, катковал поля, выполнял прочую работу. Так как числился рабочим, получал пятьсот грамм хлеба вместо трехсот. Прямо на поле варили работающим на обед блюдо, которое называлось «затируха» («хурдур» по-балкарски). Одна порция – литровый черпак – стоила рубль. Больше одной порции не давали. Лето и осень Зейтун прошагал босиком. К чабурам, которые в конце концов с его ног стаскивали, предварительно долго замочив в арыке, больше никогда не возвращался. Потом пошли на работу Анисат и Мариям – гектарницами. Так, выжившие в эту суровую зиму, выкарабкались и стали жить. Хоть и не сытно, зато живые.

Вот такова доля предвоенных и послевоенных лет. Десятки тысяч умерших от голода, а еще больше – от холода, в первую зиму депортации, тысячи покалеченных судеб, потерянных в детских домах сирот, – вот судьба балкарского народа во время репрессий. Одной из депортированных была Анисат. Все эти испытания не прошли даром для нее, оставили глубокий след в сердце и психике. Она стала вспыльчивой, раздражительной, легко ранимой. Но, несмотря на это, радовалась выжившим детям. У каждого своя семья, дети, внуки. Дети и внуки, правнуки не давали скучать Анисат, всегда были рядом. Прожила она до восьмидесяти восьми лет и умерла 26 декабря 2000 года. Похоронена в Хасанье. Жаннетли болсун!

Марианна КЕРИМОВА

Марианна Ауесовна Керимова родилась в 1967 году в селении Хамидие Терского района КБР. Окончила Нальчикское педучилище, затем – КБГУ с квалификацией «Филолог, преподаватель русского языка и литературы».

Преподавала русский язык и литературу в средней школе № 2 г. Терека и в Кахунской средней школе № 2, позже работала в журнале «Псынэ». С 2011 года работает в газете «Адыгэ псалъэ».

Роман М. Керимовой «Ненастоящий» («Лы иримыкъу») повествует о жизни семьи, замешанной в бытовом убийстве, ставшем причиной огромных перемен в жизни главного героя, который проходит путь от заносчивого «эстета» к человеку нравственному, несущему ответственность за мир вокруг себя. Он возвращает то единственное, без чего не может состояться его индивидуальность, – право быть самим собой.

НЕНАСТОЯЩИЙ

Главы из романа

1

Приличная семья

– Он родного отца в тюрьме уморил, слышишь меня? Заставил нас год ему впаять, слова не дал возразить. До суда я этого отца в глаза не видел. Думал, урод какой-нибудь. Достойнейший мужик, оказалось, мухи бы намеренно не обидел. Случайно прикончил соседа-алкоголика. Домой отвезли сегодня. Даже похоронить своего отца толком не дает! Исчез и не отвечает на звонки. С какой-то чужеродкой в Геленджике засел, говорят.

Рахма, проходившая мимо кухни, не сразу поняла, что родители говорят про Марата.

– Ну, если он человека убил, как можно не посадить? – Сатаней привыкла сомневаться в словах мужа.

– Может, ты лучше меня знаешь, что можно, а что нельзя? Убитый буйным был, к койке привязывали парнягу после каждой попойки, зверел от спиртного.

– Кто ж не звереет от него? – Сатаней перемешивает пасту и одновременно следит за шипящей на огне сковородой. Оттого, что рот у нее свободен, а глаза заняты, резкие слова, не смягченные взглядом, добираются до адресата как есть.

– А вдруг кто-нибудь да не звереет! – Жираслан, рыскающий в поисках чего-нибудь прохладительного, захлопывает дверцу холодильника и, насадив свой ответ на пущенную женой стрелу, вонзает его в только что вываленную из казана пасту. – Я когда-нибудь ударил тебя, пригубивши чего-нибудь? Или выгнал из дому? Обматерил? Развелся?

– Какова мера, оказывается! – Сатаней вытаскивает пылающее слово голодного мужа из горячей пасты, кладет лопаткой ее добрый кусок на тарелку, немного раздвигает посередине, в это углубление помещает гуляш и ставит перед ним. – Показать бы тебе, как снова зацветешь, когда бросишь пить совсем! – садится с мужем сама.

– А губы не хочешь, чтобы я покрасил, как те, на кого ты пялишься день и ночь? – Жираслан с вилок в руках обхаживает подступ к пасте. Горяча.

– Я пялюсь хотя бы на одетых! Тебе тимьяном посыпать?

– И одетые найдутся, если тебе скучно! Не надо! Думал, на женщине женюсь! Ты вообще помнишь, когда последний раз юбку надевала, королева! Как будто чесоткой заразились, что девушки, что их мамы – расхаживаете, виляя оголенными плечами. Добавь сюда соли, хватит умничать!

– Вот, сомневаемся, одеться надо или раздеться, потому и расхаживаем. – Сатаней встает, насыпает в солонку соли и ставит на стол. – Не виляли бы, если б не видели, на кого вы заглядываетесь! – посыпает тимьяном свою порцию.

– Не твое дело, на кого я смотрю! Взрослая женщина сама должна понимать, что прилично, а что нет. Дай-ка мне тоже чуть-чуть, не хотел тебя поднимать...

– Еще как понимаю! Все приличное – твоя заслуга, ты герой! А все неприличное я перетерплю, пусть люди посмеются над глупой женой! Давай, я посыплю тебе... Хватит?

– Кто над тобой смеется? Хватит, хватит!

– Те, кто хорошо тебя знают, не то, что я. «Мы его здесь видели! А что он там делал?» Тебе было бы приятно, если бы обо мне, которая спит ночью и просыпается в твоём доме, ты узнавал с чужих слов?

– Неужели лучше, если скажут: он боится отпустить женин подол. Мужчина никогда не знает, где ему придется оказаться. Если б это все происходило так просто, не говорили бы: «Настоящий мужчина тот, – кусок пасты, вынырнувший из подливки хозяина верхом на

вилке, аккуратно преодолевает ряд зубов в разинутой им пропасти, — кто отличное мясо в рот кладет».

Несмотря на то, что рты у обоих заняты, супруги заливаются смехом. Жираслан, смакующий, как он мастерски похвалил жену, приготовившую сносный ужин, и одновременно усадил ее на место, собой доволен. Разве он не настоящий черкес?

Сатаней тоже любит поужинать с мужем. Но благодаря тому, что она происходит из исключительно редкой в этих краях породы людей, не помешанных на гостеприимстве, отсутствие гибкости в характере мешает хозяйке дома сполна насладиться минутами совместного покоя.

— Нет, чтобы сказать: «Настоящая женщина та, что терпит мужа!» Пословицы тоже страдают субъективизмом.

— Хотел бы я знать, что же ты такого ужасного терпишь? — мужество Жираслана, подпитываемое национальным блюдом, без страха и упрека прокладывает себе дорогу. — Пришлось ли тебе когда-нибудь занести в этот дом ведро воды? Или вынести? Может, ты намучилась с коровой? Или разводишь кур? Ухаживаешь за свекровью? Угождаешь золовке?

— Ни свекровью, ни золовкой я никогда не пренебрегала. Все незамужние живут с матерями.

— Жить-то живут, но иногда ходят в гости к своим родственникам.

— Хочешь сказать, я их в дом не пускаю?

— «Завтра, дорогая, моя родня собирается к нам в гости, накрой им, пожалуйста, стол», — говорит жене один еврей. — Жираслан расположен к беседе, поэтому его одномачтовый корабль из пасты, нанизанной на вилку, не спешит покидать берег баранины в собственном соку.

— Как же ты любишь еврейские анекдоты! Ты, случайно, не еврей?

— А хоть бы и был им! Жили бы как люди!..

— Уж лучше останемся бедными кабардинцами.

— А в каком месте это мы вдруг бедные?

— Ни в каком, слава Всевышнему! Живем прилично, не хуже других. Может, найдется пара-тройка тех, кто лучше нас живет, зато большинство завидует! Так что ответила жена еврея?

— Отгадай, рубль дам.

— Не надо мне рубля!

— Два рубля!

— Сто долларов!

— Двести долларов! Даю минуту!

— Стой, стой! Кажется, я слышала!

— Раз, два, три, четыре... Минута прошла!

– Не повезло мне! – кокетничает Сатаней. – Говори же, не нужно мне ничего.

– Тогда ты мне дай!

– Что дать?

– Сто долларов!

– Откуда?

– Откуда хочешь. Я откуда беру?

– Село тебе дам. Адыги за неотгаданную загадку селами расплачиваются.

– Твой дед уверенно претендует на дворянство. Пусть расщедрится для зятя на одно село.

– Какое хочешь?

– Стамбул.

– Никак не отвезешь нас туда, хорош на обещания!

– Мы увезенных не можем вернуть, не знаю, куда ты рвешься?

– Абсолютно не рвусь! Интересно, просто! Говорят, там черкесы вроде живут!

– «Вроде черкесы» и живут! В них столько черкесского, что я предпочту приличного турка из наших мест.

– Тогда возьми Псыкод. Говорят, тамошние турки мечтают стать адыгами.

– Аллах им в помощь! Будет с кем поговорить, когда исчезнет наш язык.

– Последний кусок уже доедаю, так и не дождалась ответа еврейской жены.

– «Как накрыть стол, дорогой? Чтобы они снова к нам пришли или чтобы больше никогда не приходили?» – ответила она.

– Вся в Мадину! – вдоволь насмеявшись, похлопывая ладонями по ляжкам, Сатаней со своего полного лица, похожего на спелый физалис, стирает слезы от смеха и начинает убирать пустые тарелки.

Жираслан – старший из трех братьев. Самый младший живет в Петербурге, средний работает в дорожной полиции, куда он сам его устроил. Мать и незамужняя сестра живут в родовом поместье, но в гости к среднему брату ходят чаще, чем к Жираслану. Разве что он сам их навестит. Вполне возможно, что еврейский анекдот всплыл в его памяти именно по этой причине. Но обвинять Жираслана в намерении оскорбить жену унижительными намеками было бы несправедливо. Хотя хозяин дома и покрикивает время от времени оперным голосом, с семьей он живет в ладу и противоречить жене не любит.

– Какая Мадина? – тем не менее, самолюбию прокурора приятно, что он удачно приплел анекдот к случаю, умело перехватив у жены повод повозмущаться. Завела разговор о недостатках под-

руги, значит – не глухая. Теперь она хочет перевести стрелки на чужие грехи, чтобы полностью очиститься от подозрения в негостеприимстве.

– Благоверная Кантемира. Вот она уже одевается, почти в дороге, и как бы мимоходом, засовывая руку в рукав, выдавливает из себя: «Вы к нам не зайдете?» Вроде как пригласила! Если вдруг, не дай бог, по делам придется к ним зайти, иначе как штурмом ее двери не возьмешь. Вся из себя тощая, прическа еще у нее такая, будто три месяца назад побрили налысо. Вспомнил?

– Аа-а! Полудохлая какая-то! Пусть радуется, что замуж взяли.

– Ходит в надорванных джинсах, так, что кожу видно! Взрослая баба! И ждет комплиментов! «Я всего лишь двадцать пять тысяч заплатила!» – Сатаней изменяет голос, подражая предмету обсуждения. – И перед кем кичится своим богатством? Перед сельскими женщинами-трудягами, чьи мужья не работают, и они по уши в долгах. Рядом с таким солидным мужчиной видеть эту... прости, господи...

– А перед кем еще упиваться своей спесью, как не перед теми, кого ты обокрал! Что, думаешь, Кантемир дрова из лесу возил, чтобы заплатить за обучение сына в Израиле?

Когда Сатаней и Жираслан дружно обсуждают за глаза кого-нибудь из знакомых, чувство семьи у обоих достигает наивысшей точки. То, что разговор перешел на эту волну, говорит о том, что обе стороны подняли белые флаги. Накопившаяся досада растаяла. Теперь каждый любезно отходит назад на те же несколько шагов, что он проделал впереди себя, размахивая руками перед носом супруга.

– Сколько раз тебе говорить, не клади в чай больше одной ложки сахара!

– Давай, я выпью его, а тебе сделаю новый! Как закончилось дело у отца Марата?

– Не даешь же сказать! Он, бедный, тоже сидел и пил чай, как я!

– Не дай Бог быть похожим на него сейчас! А жена его где была?

– На работе! На какой работе жена может находиться в полночь, объясните мне! Вот почему я все время говорю: женщина должна сидеть дома! В общем, он сидел у себя на кухне, кушал, кажется, и то ли резал что-то, не помню. Факт такой, что он был с ножом в руке, когда к нему забрел пьяный в доску сосед-алкоголик. Борец в прошлом, размерами с хорошего буйвола, говорят, был. Пристал, начал драться. Отец Марата был человеком худощавым, небольшого роста, естественно, он начал вырываться. И когда тот стал его совсем уже душить, не помня себя, ткнул непутевого ножом, тот сразу и упал замертво.

– Бедные, что живой, что мертвый!

– Неугомонным был, говорят. Ни мать, ни жена уже не выносили его, один проживал в доме.

– И на сколько лет вы осудили отца Марата?

– На один. И тот был лишний. Ни дня он не должен был сидеть. Сыночек хотел обратить на себя внимание, вот и вытащил его на всеобщее обозрение. Хотел, чтобы начальству донесли: «Даже родному отцу не сделал снисхождения». Вот и донесли, что он дурак! Клянусь, первый раз в жизни вижу такого настырного славолоуба. Было бы его имя сливочным маслом, вот прямо намазывал бы его на хлеб и жевал.

– Молодой он, о чем еще мечтать, как не о славе? Тебе было бы неприятно услышать свое имя в возвышающем тоне? Для нас, адыгов, хоть какая, но похвала дороже всего!

– Умрешь, но не дождешься, чтоб она когда-нибудь да согласилась с тобой! Я не о «какой-то похвале» веду речь, а о наглom карьеристе, который ради слова «молодец» из уст начальника перешагнул труп собственного отца!

– Ну, откуда он мог знать, что его отец умрет в тюрьме? Наверно, хотел сделать вид, что сажает, и отпустить?

– Зачем делать вид? Объясняю тебе на адыгском языке: там не было основания вообще, чтобы делать вид! Даже если бы и нашелся какой-нибудь повод! Для него было бы в сто раз лучше, если бы сказали «уволители из-за снисходительности к отцу», чем то, что сейчас о нем говорят. Мы, трое братьев, в детстве дрались друг с другом, чтобы первому успеть подать отцу обувь. Если не удавалось схватить правый ботинок, кидались за левым!

– Нынешняя молодежь мало, на что способна ради родителей. Думаешь, о нас слухи добрее? Всем кажется, что мы в масле катаемся.

– А что, не катаешься? Поменьше хвастайся, если не хочешь, чтоб говорили. Разве не для того ты живешь, чтобы людям так казалось?

– Умоляю, дай хоть раз поесть с удовольствием! Не успеешь сесть за стол, начинается экзамен!

Когда Сатаней начинает беседовать с мужем, она преследует столько разных целей, что произносимые ею слова часто расходятся с ходом ее мыслей. Хотя она точно знает, что раскошелит мужа на любую сумму, не желая казаться себе жадной, Сатаней упорно норовит унижить свою сильную половину в его прокурорской должности. Если бы у нее был муж, который схватил бы себя или ее за волосы и громко закричал: «Ты всегда не на моей стороне!» – далеко не сварливая Сатаней с легкостью избавилась бы от этой привычки. Но Жираслан, гордый на шумные разборки, ни на чем не стоит прочно, и даже не способен дать определение тому, что его возмущает. Просто клонится в сторону с очередным порывом ветра, а потом успокаива-

ется. И хотя нудно пережевывает вслух каждое ее слово, уважать себя жену не научил. Сатаней же, за отсутствием оплачиваемой работы вынужденная материально надеяться на мужа, по той же причине не испытывает к нему благодарности и считает Жираслана скупым. Вот почему она, благодаря всем сопутствующим обстоятельствам, научившаяся умело манипулировать как своей уступчивостью, так и запальчивостью, живет с мужем в ладу.

Сатаней спокойно могла бы сказать Жираслану в лицо, например, так: «Я еще раньше, чем ты начнешь говорить, знаю, о чем будет речь, просто слушаю не по своей воле!». Одно слово добавишь к его рассказам, и пиши пропало, конца уже не будет его говорильне, придется выслушивать в десять раз больше. Кому это все интересно? Будешь слушать, не перебивая, так этот Жираслан напрочь забудет, что надо остановиться. Не дай бог показать ему довольное лицо – вообще не отойдет. Ходит следом за тобой по комнатам, хотя только что поел, и требует хлеба и зрелищ. Ни одного фильма спокойно не посмотришь. Как сядет рядом, как начнет обсуждать артистов, слова с экрана не услышишь. Все артистки у него красавицы, все артисты – дураки. Да еще смейся в ответ на его примитивные шутки.

Сатаней всегда была в числе лучших учениц в школе, и профессия у нее есть, хотя сейчас не работает. Постоянно деньгами ее попрекает, как будто не знает, сколько уходит на больного ребенка. «А я откуда беру?» Откуда хочешь, оттуда и бери! Ты меня кормишь или своих детей? Не всем же быть прокурорами, люди без должностей тоже не умирают с голоду. Со своим кабардино-русским тоже надоел, интеллигент! «Одна яблока», «одну яблоку». Как человек, который не в состоянии правильно употребить в разговоре слово «яблоко», стал прокурором? Вот, чего Сатаней не может понять. Нет, она уважает своего мужа. Пусть Всевышний хранит его для семьи и продлит их совместные дни, она абсолютно не смеется над ним. Просто хочет понять! Как Жираслану с его недорусским языком удалось поступить на этот престижный факультет, отучиться и получить профессию?

Это не значит, что они не ладят. «Живем спокойно, без лишней суеты», – Сатаней всегда хранит при себе готовый ответ для особо современных, всегда норовящих уколоть: «Как ты можешь сидеть дома?». Забыли, когда последний раз вытирали пыль в своем доме. Живут в своих захламленных квартирках с дореволюционным ремонтом. Собака не позарится на тряпки, которые они носят под видом одежды. Такие тощие, что даже не обнимешь, чтобы не уколоться об их торчащие кости. Они бы еще не учили ее жить! Сатаней ни секунды не усидит на месте, если будет знать, что где-то в ее доме стоит немытая тарелка. Или, не дай бог, дом не убран! Вот так сразу возьмет и умрет, и никто не узнает – от чего! А от того, что бабушка

ее в детстве все время пугала: «Из грязной посуды кушает шайтан». И хотя Сатаней теперь твердо знает, что ничего не случится, все равно не может сразу же не помыть грязную посуду. Даже Жираслана научила мыть за собой тарелки и ставить на место. А как она убирается! Сатаней любит, чтобы в поле зрения всегда попадала какая-нибудь дорогая вещица. «Кажется, это о тебе, Жираслан, говорят: такой муж пусть не ходит ни к кому на свадьбу, – соседка Ляна умеет ей угодить. – Сатаней убирается, как для молодого мужа. Считай, Жираслан, у тебя дома каждый день свадьба!»

Хоть бы и у Рахмы устроилась какая-нибудь нетрудная жизнь. Если парень похож на человека, привыкнуть можно к какому угодно мужу, никак не может убедить ее в этом. Вся в отца! Любовь-му-бовь, «я его не смогу полюбить»... Жизнь – не кинофильм, чтобы в ней играть. В жизни надо добиться удобств и жить, не напрягаясь и удовлетворяя свои желания. Пока ты перебираешь парней, возраст возьмет свое, и останешься ни с чем. Хорошо то, что делается вовремя. Кто-нибудь видел ладящих влюбленных, которым нечего есть? Посмотри на кредитных невест. Как только деньги закончились, поссорились и разошлись. Наверно, тех, кто воспитывает своих собственных детей, скоро начнут в книгу почета заносить.

– Мы ее считаем ребенком, а она до сих пор ни разу не сказала «да» насчет Марата. Слава богу, что отстал от нее раньше, чем разбил ей сердце, – хозяйка дома почему-то подобрела.

– Пусть будет правдой, что отстал, глубоки корни у негодяя. – Мир победил, ужин на кухне продолжается.

2

Девичьи секреты

Понятно. Ребенок – это она сама, предмет разговора – Марат. Наслушавшись родителей, Рахма тихо закрывает дверь, которую до сих пор держала полуоткрытой.

– У него таких, как Рахма, пруд пруди!

Папа!

Туман, окутавший сердце девушки, мешает ей думать. Рахма чувствует себя агентом, которого заставили солгать, а потом вывели на публичное покаяние. Она теперь уже плотно закрывает дверь своей комнаты и тут же прислоняется к ней изнутри. Добро пожаловать, слезы! Подобно морозящему дождю, знающему, что он прекратится не скоро, соленая влага вымывает из глаз девушки сурьму, которой она подвела глаза, и мутным потоком течет по ее щекам.

Как? Как! А если бы он уже успел на ней жениться? Родители так бы и продолжали всю жизнь делать вид, что очарованы им, обманывая ее? Ни один человек не знает, что в тот же первый вечер, когда он в машине перешел границу стыдливости, Рахма ждала сватов. Быстро прибрав лишние вещи, она бегом помыла полы, и при каждом звуке со стороны ворот вскакивала с тайным возгласом: «Наконец!». Но ни в тот вечер, ни на следующий, вплоть до сегодняшнего дня она не слышала от него ни звука. Оказывается, это обычное дело – мимоходом поцеловать нетронутую девушку? Как она теперь выйдет замуж за другого? Личное счастье никогда не будет достаточно полным, если начнешь жить с таким грузом на сердце.

Рахма отошла от двери и подошла к окну. Темно. Дождь тоже никак не иссякнет. Листья в темноте, мерцающие при свете фонаря, напоминают мокрые ресницы Рахмы. Они тоже стараются сбросить с себя бесконечные капли, льющиеся с неба. Из-за этого кажется, что дует ветер. Может, и вправду дует. Вроде один и тот же дождь льется на всех. Но один растет благодаря ему, а другой – гниет в земле.

В ночном городе одно за другим высветляются окна, в которых зажгли электричество. Светлые надежды Рахмы похожи на те, что остались темными. Дотронься до прозрачного стекла – рассыпятся. Едва она собралась зацвести в полную силу своей молодости, и вот – попала в дождь, и мечты ее теряют опору, чтобы заживо погибнуть. Рахма тоже хотела занять свое сияющее место в жизни, радуя людей подобно дереву, на котором переливаются лучи солнца. Пока она напоминает лишь дохлый стебель, корни которого от переизбытка влаги начали гнить раньше, чем прижились в земле.

Девушка сознательно закрывает глаза, чтобы не смотреть вдаль, на свое будущее счастье, словно твердо знает, что от ткани, предназначенной для него, уже отрезали лучшую часть, а из остатка ничего путного не выйдет. Огня в ее глазах хватило бы еще на десять жизней, но ветер, которым дышит это пламя, уже никогда не будет дуть с такой силой.

Как только Рахма почувствовала, что почти обязана выйти замуж за Марата, она принялась кроить свой завтрашний день, как платье, то соединяя несоединимое, то отпарывая неподходящее, то пришивая недостающее, всячески стараясь хоть как-то подогнать его под свой вкус к счастью. Даже тот унижительный факт, что парень дотронулся до нее до свадьбы, она пыталась объяснить тем, что Марат ее любит, и его чувства настолько глубоки, что он не в силах себя сдержать. Девушка пыталась даже из этого неприятного воспоминания сделать опору для своего ослепительного будущего, в котором еще не отчаялась. «Раз всем кажется, что мы подходим друг другу, может, действительно, пора сдаваться? А вдруг он мне не симпатичен из-за

моего эгоизма? Но это можно скрыть! У меня хватит сил не говорить об этом никому! О том, что мне чего-то в нем недостает, знаю я одна, достаточно это перетерпеть, и все образуется», – таковы примерно были мысли, которые перебирала Рахма в своей голове.

Марат груб? Ну и что! Муж должен быть нетерпим к твоему легкомыслию, это говорит о том, что ему не все равно, какая ты. Вот, мама, когда папа ее ругает, не обижается, наоборот, еще лучше к нему после этого относится. Он жаден? Берет взятки? Тот, кто много зарабатывает, всегда заботится о своих деньгах. А что, лучше ходить и жаловаться, что нечем накормить ребенка, напрашиваясь на сочувствие к своей неимущей честности? Кажется высокомерным эгоистом... Потому что знает себе цену. То, что Рахмэ никогда не удается. Выпячивает свою образованность? Он много читает, хочет поделиться прочитанным, но не может найти собеседника по себе! Рахма тоже, как и он, заканчивает юридический, значит, у них будут общие профессиональные и научные интересы.

А еще она не в силах уже была сопротивляться тому, что мать буквально гнала ее замуж, а отец, словно ненароком, устраивал им неожиданные встречи. Да и сам Марат не прочь корчить из себя жениха. Остроумен в разговоре. И одновременно бестактен! Над всеми смеется без стеснения, потому и речист. Как же из тебя получится хорошая жена, если каждое замечание парня ты воспринимаешь проявлением ненависти к себе? Ты ему нужна, вот он и старается улучшить свой и твой характеры, чего еще желать от любимого человека?

Человек, работающий над совершенствованием своих нравственных качеств, имеет привычку находить у себя недостатки. Такой была и Рахма. Какая хорошая девушка не любит, когда ее поправляют, тем самым защищая от будущих ошибок? К каким только воспоминаниям она не возвращалась, чтобы оправдать Марата. Встретились ли они на чьей-то свадьбе, вместе ли отмечали чей-то день рождения, пришлось ли им благодаря стараниям танцмейстера вместе выйти в круг – на целый фильм хватило бы этих сцен, включая даже фотографии, на которых они рядом.

Теперь девушка припоминает, что Марат даже не относился к тому типу людей, среди которых она искала себе будущего партнера. С первого дня знакомства она смотрела на него только сверху вниз. Ей не то что не приходило в голову вздохнуть о нем втайне, с мыслью: «Нравлюсь ли я ему?». Наоборот, если бы он неожиданно вздумал надавить на нее и умыкнуть – всякое же бывает – Рахма была готова сопротивляться до конца. Почему же она придерживала его? Она умела требовать от родителей все, чего захочет: «Отпустите меня в

Париж!», «Купите мне шубу!». Почему же она ни разу не топнула ногой и не сказала: «Удалите Марата долой с моих глаз!»?

А потому, что каждая девушка на выданье эффектнее смотрится с каким-нибудь воздыхателем рядом. Рахма считала, что ей очень к лицу появляться среди подруг, выйдя из дорогой машины одетого с иголки парня. Не иметь настоящего или мнимого жениха для девушки – все равно что, будучи одетой красиво, не носить украшений. Даже если ты не намерена вообще выходить замуж, если вокруг тебя не вертится какой-нибудь острослов, подруги будут глядеть на тебя с еще большим пренебрежением, чем когда изучают твои стоптанные каблуки. В чем же виноват Марат, если твое сердце не противилось тому, чтобы поднять свой авторитет за его счет? Если ты сама же внушила ему ложные надежды? «Я просто так пошла с ним», «я не думала, что он дотронется до меня» – какова цена твоему благородному негодованию, если первый неправильный шаг и первая ложь исходили от тебя?!

«Во-первых, он слишком полный. Во-вторых, превысокого мнения о себе. Отказать ему – все равно что совершить благотворительность. Настроение его от этого не испортится, но небольшая фрустрация парню не повредит», – таковы были первые мысли Рахмы про Марата. Из-за его полноты он был ей физически неприятен, а от его самомнения ее просто клинило, как сказали бы в среде ее подружек.

Но после того как Марат до нее дотронулся, а именно – неожиданно поцеловал в машине, – мышление девушки резко повернуло вспять. Как будто на скаковую дорожку вышла хромоногая лошадь, которая обязательно должна победить, Рахма стала рассматривать Марата глазами родителей и своих подруг, которые находили его эффектным. Так девушка использовала чужое мнение, чтобы постараться переубедить себя относительно парня, к которому у нее не лежала душа.

Привычка одеваться дорого отвлекала внимание от его полноты. Хотя всегдашнее наличие пива и сигарет в его руках внушало некоторое отвращение, то же самое как бы намекало на то, что парень всегда при деньгах. Это выделяло его из толпы сводящих концы с концами студентов. Для Рахмы, которая все время упрекала себя в том, что видит слишком много отрицательного в людях, все это не было непреодолимым барьером. Хотя у девушки и была врожденная способность с первого взгляда схватывать, что человек делает неправильного, как только она начинала сравнивать объект своей критики с собой, вспомнив о собственных недостатках, она с легкостью уступала нравственную победу каждому. Не невоспитанность Марата пугала ее, человек меняется со временем. Ее мучило то, что

она оказалась вынужденной подчиниться легкомыслию того, кто отрезал ей путь к отступлению.

Рахма ли не знала, как мало значения имеет единственный поцелуй для золотой молодежи. Когда ее однокурсницы садятся гадать, вдруг вспоминают: «На картах должна посидеть нецелованная, несите Рахме!» Откуда они знали эту естественную для нее правду, она ни с кем не откровенничала? То ли хотели показать, что на них есть спрос, то ли боялись не прослыть таковыми? Никогда не узнаешь, по какой причине человек что-то скрывает или открывает. Рахма старалась не выделяться, но и себе изменить не могла.

Теперь же она абсолютно ясно видит, что с такой же неумолимостью, с какой она не может не встретиться со своим будущим мужем безусловно чистой, ей не надо было обнадеживать Марата. Если бы Рахма яснее сказала ему, что он ей не нравится и она не намерена выходить за него замуж... Говорила! И не раз! Что толку в словах, если ты потом садишься с ним рядом на расстоянии протянутой руки? «Я никогда не сяду в машину парня, за которого я не намерена выйти замуж!» Кто же это говорил из ее подруг? Дарина!

Если какой-нибудь неугодный жених ведет себя так, что ты чувствуешь себя вынужденной ответить ему согласием, надо внимательно рассмотреть как этого жениха, так и саму ситуацию. Рахма вместо этого изучала саму себя. Для человека, только начинающего взрослеть, это был жестокий акт. Девушка не смогла бы соединиться с Маратом, не отказавшись от тех немногих истин, к которым она пришла сама, и, самое главное, от интуитивно избранного ею пути добра. Если бы девушка лишилась этой соломинки, она потеряла бы единственный способ противостоять неблагоприятному влиянию Марата. Самым мучительным для Рахмы было то, что безвыходность положения вызывала в ее душе досаду на любимых родителей, которым она привыкла доверять. Она не могла смириться с фактом, что ради кресла прокурора отец дал над ней волю человеку, которого к ней даже близко нельзя было подпускать. То, как он пренебрег ее девической честью и чистой совестью, которую она намерена была пронести через всю жизнь, горько обидело ее. Сколько надо было ума, чтобы в сумерках посадить свою дочь в машину к человеку, «у которого таких, как Рахма – пруд пруди»?!

Если бы девушка случайно не подслушала разговор родителей, она бы так и продолжала ломать себя, посчитав своим долгом полюбить парня, который ей даже не нравился. Сейчас же она похожа на человека, у которого глаза, глядящие на мир, ослепли, а глаза души только-только открываются. Хотя самой Рахме было непросто находиться в этом потоке активного взросления, было очевидно, что под тяжелым спудом горя у девушки прорастают новые крылья.

«Хорошо зарабатывает. Не будешь знать, откуда ветер дует», – вот, оказывается, мама, почему ты была им очарована. А папа почему жалуется? Он же старше Марата! Дал обвести себя вокруг пальца парнишке, который и по возрасту и по должности младше его! Еще окажется, что деньги у него брал! Стой тогда перед зеркалом, любуясь своими нарядами, купленными на кровавые деньги. Девушка утерла слезы, хлынувшие из глаз, как только она начала себя жалеть, и присела на кровати, в которой лежала, уткнувшись в подушку.

А что, собственно, случилось? Ничего. Никто не знает, никто не видел. Чем его поганый поцелуй отличается от рукопожатия? Или от того, как задеваешь друг друга в маршрутке? Держишься за руки в танце? Для Марата Рахма была лишь глотком прохладной воды, от которой трудно отказаться в жаркий день. Он хотел подчинить ее отца-прокурора для принятия нужного ему решения, и сделал вид, что ухаживает за его дочкой, чтобы тот был снисходителен к будущему зятю. И ради чего? Ради приговора, приведшего к смерти его отца.

Даже самая тяжелая правда приятнее лжи, внушающей напрасную надежду. В конце концов, она не вышла за Марата замуж и не развелась с ним. Эй, женихи, где вы? Еще одна девушка свободна. Но вряд ли она скоро вас заметит. Сегодня ночью она обвенчалась с одиночеством, которое не имеет привычки кому-то изменять.

Как только Рахма убедилась в том, что она совсем одна, ее горе сразу начало менять свое название и сущность. Только вообрази, как несносно было бы посвятить всю оставшуюся жизнь необходимости его полюбить! И вести себя подобно той женщине с улицы, которую отняли у избивающего ее мужа, а она стала кричать на своих спасителей: «Не ваше дело! Он мой муж! Его дело меня бить, мое – подчиняться!» Откачивать себе сердце после каждого унижения с его стороны, которое неизбежно, и, утеревшись, заискивать и льстить по новому кругу. Находить мудрое обоснование его легкомыслию. Ах! Теперь Рахма не обязана считать бесстыдные выходки Марата признаком взросления человека. Мир намного обширнее, а жизнь – свободнее, никак не соответствуя узким взглядам, в которые он хотел ее втиснуть. Ни тот, ни другая не требуют отказаться от себя или изменить чистоте своих помыслов. Ах! Свобода!

Девушка достала свою тетрадь, где она хранила свои сокровенные тайны и пробежала глазами последние записи. С тех пор как Рахма научилась писать, она исписала много таких дневников. И сразу сжигала, как только тетрадь заканчивалась. Но этот дневник был заведен ею с намерением пронести через всю жизнь, и записи в нем были обращены к тому, кому она собиралась остаться верной, пока жива. Кто же это? Чтобы никто не догадался, о ком речь, обложку Рахма оставила без надписи.

Как только девушка заметила, что никто из парней не занимает ее внимания надолго, ей в голову вдруг пришла странная мысль. Имена моих женихов еще долго будет меняться, – подумала она, – но мой будущий сын никогда не станет для меня чужим. Рахме даже не приходило в голову, что у нее может не быть сына. Почему это должно прийти в голову, если ты человек женского пола? Если в твоём сотворении нет ничего более принципиального, кроме того, что ты будешь матерью? Пусть это будет дочка, неважно. Но девушки, которые не могут найти подходящих женихов, волей-неволей мечтают о сыновьях. «Не знаю, кто будет твоим отцом», – пробегает Рахма первые строки.

А что она про Марата писала? «Я не хочу обещать ему то, чего не смогу дать». Он мне не нравится настолько, чтобы я смогла его полюбить, – вот, что она хотела сказать, и это было правдой. Рахма дернула за лист и вырвала его из тетради. Она чуть было не сожгла весь дневник, опасаясь его насмешек. Ничего не потеряла Рахма, кроме Марата Тлигумова, с которым ей никогда не будет по пути.

Положив свой секретный документ в ящик стола, девушка вышла умыться. Голоса Жираслана и Сатаней теперь доносились из спальни.

– Так и получается, если приходишься родственником первому лицу, – Жираслан настолько был зол на Марата, что, забыв о недоверчивости к жене, продолжал выдавать очередные подробности.

– Конечно же, он не согласится остаться простым участковым, – Сатаней, как жена прокурора, считала ниже своего достоинства не возразить недоказанным обвинениям против Марата.

Помимо Рахмы, у супругов есть еще сын, который младше сестры на семь лет. Ввиду серьезной болезни, мальчика приходится все лето держать в оздоровительном лагере. Когда Сатаней была им беременна, ей пришлось работать в холодном помещении, что и послужило причиной заболевания. В этом Сатаней считала виновным мужа. В тот период Жираслан находился на курсах повышения квалификации в Краснодаре. Сатаней тогда еще работала, и целую зиму ей пришлось провести в плохо отапливаемой бухгалтерской конторе. Мальчик родился почти при смерти, но под счастливой звездой, то есть выжил. Но факт, что единственный сын, на которого они возлагают надежды, нездоров, лежит тяжелым грузом на сердце отца и матери. Каждый обвиняет в этом другого, и, хотя чувство привязанности к ребенку их объединяет, взаимные обвинения разделяют. Браки, укрепленные причиной, не дающей ни слиться воедино, ни отойти друг от друга, прочнее других. Супруг в таком браке становится подобным части тела. Точно так же, как не отрежешь свою руку, не вырвешь себе глаза, ты не можешь отказаться и от него. И хотя каждый из них привык считать себя лучше другого, со стороны видно только

то, что семья цела, какой она и должна быть. Если хорошее ценится благодаря врожденному расположению к добру, то привычное зло тоже поддерживает человека, как необходимые хромоте костыли. Супруги, не похожие друг на друга, расходятся, или один из них умирает. Жираслан и Сатаней похожи, поэтому живут вместе.

– Говорю же тебе, карьерист. Работать он, конечно, умеет. Увидишь, министром станет. Своего всегда добьется.

Хотя Жираслан строит из себя умника, шапка на его голове не то чтобы горит, знает свое дело. Он всегда мечтал отдать свою дочь за сына Тлигумовых, приходящихся родственниками самому главному. Только теперь, когда отец Марата умер в тюрьме, и вина парня морально неоспорима, Жираслан смело завел бабские разговоры. При этом он прекрасно знает, что если Марат жив и находится на этом свете, он рано или поздно вернется, и прокурор послушно запрыгнет на свое старое место в углу.

Когда Жираслан таким образом откровенничает с Сатаней, он, во-первых, реанимирует себя как хозяина дома, который частенько предает, несмотря на то, что его положительная репутация зубами держится за семью. Во-вторых, осознанно запуская сплетни о Марате, против которого он бессилен, Жираслан лелеет надежду хотя бы опозорить его. Не помешает, думает прокурор. Не сегодня, так завтра Сатаней, не имеющая привычки скрывать от людей откровения мужа, разнесет это по своим собеседницам, а дальше: ищи конец – не найдешь.

Рахме хватило и этого, чтобы навсегда потерять доверие к родителям...

СХВАТКА В ХОЛОДНОЙ БАЛКЕ

Рассказ

Из далёких тысячелетий, орошая поля с покосными лугами и прыгая с камня на камень, они возвышаются над белёсыми облаками, слагают песни моего народа и, разрезая скальные верхушки, падают вниз и продолжают в стремительных реках балкарских ущелий. Этот вечный рокот рек, перекликающийся с гулом времени, веками сопровождает горцев в их непростой истории.

На левой стороне реки, у самого края поля, на огромном чёрном обломке скалы возвышается дом-крепость, вплавленный в окружающий его камень. Одинокое жилище былых времён... Стены полуразрушены, фундамент зарос мхами, из трубы не клубится дым. Время давным-давно остановилось для старой башни, дорога к ней заросла бурьяном, и лишь холодный ветер властвует над заброшенным двором. Он кружит опавшие листья в странном танце, поднимает пыль изгибающимся столбом, а иногда, воя, как воет одинокий волк о пронзительной горечи жизни, вливает в наши души ужас и страх за сёла, сиротливо темнеющие на склонах.

Об этом месте существуют легенды, которые передаются из уст в уста, из поколения в поколение. И я расскажу то, что дошло до меня.

Во времена, когда лук из дуба был главным оружием, в этой старой крепости с отцом и матерью жил джигит по имени Сосланбий. Он рано увлёкся охотой и уже в юном возрасте чувствовал себя хозяином гор, запросто ночуя в пещерах, утоляя жажду ледяной водой и охотясь на зверей, принадлежавших богу Апсаты. Сосланбий знал все овраги, лощины, ущелья, горы и скалы, бывал в местах, куда не ступала нога человека, и часто, стоя на самых высоких вершинах, он в одиночестве встречал утреннюю зарю, разговаривал с заходящим за горы солнцем, улыбался звёздам, освещавшим родной край. Охотник обошёл через сообщающиеся удивительным образом горные перевалы все балкарские ущелья и села. Познакомился с мужественными жителями этих мест и подружился с достойнейшими из них.

В одном из горных сел, утопавших в объятиях лесных массивов и скалистых хребтов, жила красавица по имени Ариукёз. Сосланбий и Ариукёз полюбили друг друга, и у них всё было хорошо – они решили быть вместе, создать семью, а родители уже готовили свадьбу, назначенную на один из дней осени.

И она наступила, вошла в жизнь, неся золото лесов и холодные ветра. Обе стороны готовились к радостному событию. Однажды утром Сосланбий обратился к отцу:

– Горы зовут меня. Позволь, отец, отправиться в Холодную балку на охоту. Глазом не успеешь моргнуть, я мигом вернусь обратно с добычей.

– Ты уже собрался в дорогу, сын, и я не стану тебя останавливать. Помни о том, что слишком много добра Апсаты уничтожил ты на охоте. Вряд ли такое прощается. Будь осторожен, береги себя. Удачной тебе дороги и скорейшего возвращения, – напутствовал отец.

Холодная Балка – убежище для турьих стад. Дорога Сосланбия пролегла по крутой высокой скалистой тропе. Внизу, под свист шального ветра течёт бурная река, с грохотом перекатывая гранитные валуны, ударяя их друг о друга и наполняя всё ущелье дурманящим запахом реки. Но Сосланбий уверенно идёт по оленьей тропе в надежде засветло вернуться обратно. Мало ли, много ли шёл – вдруг за выступом скалы он заметил белоснежного тура, который беспокойно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, а неподалёку резвились козы, гоняясь одна за другой.

Немало хаживал по горам Сосланбий, но впервые видел такого красавца. «Может, это сам Апсаты в образе тура?! Подойду поближе и рассмотрю», – подумал охотник.

Сосланбий осторожно, чуть пригнувшись, направился по самому краю скалы. Если споткнётся, то и зацепиться не за что будет. Внизу – стремительно текущий водный поток, перекатывающий огромные глыбы камней. Однако охотник все внимание сосредоточил на туре. Его удобное снаряжение позволяло не отвлекаться и чувствовать себя уверенно. В руках – наготове лук, на ногах – чабуры из бычьей кожи, на поясе – большой кинжал. Ещё чуть-чуть – и можно поразить цель.

Тур, обеспокоенно оглядывающийся по сторонам, поднял переднее копыто, ударил о камень и посмотрел наискось и вверх. А там со скалы сползал грациозный зверь в чёрных пятнах. Это был первый враг туров, властелин гор – барс, беспощадный похититель козлят. Его никак не удавалось обезвредить, хотя желание отомстить зверю уже давно переросло в ярость.

Заметив насторожённость тура, Сосланбий забеспокоился, – не выдал ли себя?..

Но тур следил за другим – длиннохвостым хищником, высматривавшим очередного детёныша. И в этот раз он не упустит его. Притаится, подпустит близко и ударит в живот рогами, что крепче камня, и скинет вниз со скалы. Если сорвётся – живым не останется.

Барс даже не ведает о туре. У него другая мишень – двуногая, её он и пустит в расход. Бесшумно, одним прыжком окажется подле

своей жертвы, единым движением когтей пустит кровь, скинет со скалы и сделает так, чтобы он никогда не приходил сюда.

Тур стоит как вкопанный, не отрывая свой взгляд от барса, как только он приблизится – возьмёт на рога и сбросит его со скалы.

Сосланбий подкрался близко к туру, вот он натянул лук и сейчас пустит стрелу. А барс приготовился прыгнуть на человека. Тот глазом не успеет моргнуть, как зверь окажется у него на спине и уже не отпустит.

Тур, принадлежавший Апсаты, пристально смотрит на барса, один единственный шаг, и он поразит его. И этот зверь никогда не сможет трогать козлят. И будут они пастись на голубых луговых просторах без страха.

На вершине скалы три охотника, каждый в отдельности, планируют свою неизбежную победу. Никто из них не ведаёт, что является мишенью для другого. Человек хочет убить тура, барс нацелился на человека, а тур жаждет отомстить барсу. Все они готовы к смертельной схватке под лучами золотоволосого солнца, которое, выполнив свой долг на этой стороне, расписав небо в багряный цвет, равнодушно и медленно уходит за горы.

Сосланбий проворно натянул тетиву лука и мягко пустил стрелу в тура. Стрела со свистом вонзилась в него. Животное встрепенулось и задрожало, глаза налились кровью. Тут же до Сосланбия донеслось утробное урчание. Жёлтая стремительная тень обрушилась на него, выбила лук, подмяла под себя и потянулась к шее.

Левой рукой Сосланбий схватил зверя, правой рукой выхватил кинжал и воткнул барсу в брюхо. Раздался страшный визг, и в это же мгновение белый тур оказался рядом со зверем. Началась смертельная схватка, и... Три охотника сошедшиеся в драке за жизнь, скрутились, переплелись в единый барахтающийся ком и сорвались в глубокую пропасть.

Охотник не вернулся обратно, его заветные желания не исполнились. Не наслаждался он душевными беседами своего отца. И барс больше не вышел на охоту, не насытился козлятиной. Белый тур тоже не увидел игр своих козлят. Три охотника, три мишени канули в холодной горной реке.

С тех пор минуло много лет, века сменялись веками, а легенда всё передаётся из уст в уста. Кто-то верит, кто-то нет, а крепость и по сей день стоит, летом грея свои холодные камни под лучами солнца, а зимой встречая их шербатыми боками суровые снежные ветра и стужу.

Перевод с балкарского Ларисы Ахатовой

*Валерий ДЗИДЗОЕВ,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
теории государства и права и политологии Горского ГАУ,
заслуженный деятель науки РСО-Алания, РЮО, КБР и РД*

К ЮБИЛЕЮ КРУПНОГО УЧЁНОГО-ТЮРКОЛОГА
*(к 70-летию доктора филологических наук,
профессора Махти Зейтуновича Улакова)*

Махти Улакова я знаю с 1982 года, со времени моего переезда на постоянное место жительства в столицу Кабардино-Балкарии. Мы всегда тянулись друг к другу. Не знаю почему, но что-то сближало нас – это бесспорный факт. Может, объединяла некая идентичность возрастов, национальной психологии, убеждений и жизненных принципов. Могу с точностью утверждать, что за многие десятки лет нашего знакомства, постепенно переросшего в настоящую мужскую дружбу, у меня никогда не было повода усомниться в *Махти* (*исламское имя, означающее «Аллахом посланный», «Мессия»*).

М. З. Улаков

Надеюсь, и у него не возникали сомнения в моём отношении к нему и в моих поступках. Убеждён – он олицетворяет лучшие черты своего народа. Это честность и порядочность, неизбывная тяга к знаниям – не только научным, получаемым в стенах учебных заведений и на трудном пути исследователя – но и к повседневной житейской, человеческой мудрости, постигаемой осмыслением самой жизни, жизни зачастую трудной, противоречивой, иногда непредсказуемой. Представляя трагедию балкарского народа, выселенного с родной земли по решению властей в 1944 году, я всегда отношусь с особой симпатией не только к представителям этого близкого нам, осетинам, малочисленного народа, но и к другим спецпереселенцам. Кому-

то покажется, что это игра слов или, что ещё хуже, заигрывание перед кем-то, но репрессированные народы у меня вызывают особое уважение и немалое сострадание. Конечно, среди всех из них мне ближе балкарцы. Как-никак, жил среди них почти шестнадцать лет и за это время, как мне представляется, если не отлично, то неплохо узнал внутренний мир балкарца, его характер, богатый духовный мир его желаний, планов, целей, перспектив их реализации и т. д. Мог бы назвать не десятки, а значительно больше своих близких друзей из их числа. Но ограничусь именем Махти Улакова, который фактически на моих глазах спокойно и уверенно вырос в крупного и востребованного учёного-филолога, занимающегося не только чистым языкознанием, но и весьма разнонаправленными аспектами гуманитарной сферы. Он родился 26 февраля 1951 года в селении Дон-Арик Чуйского района Киргизской ССР, где проживала семья его родителей-спецпереселенцев. После возвращения этноса на историческую родину, когда Балкария была восстановлена в политических правах, в том числе в национально-государственном строительстве, а Кабардинская АССР была преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР, семья Улаковых поселилась в селении Кёнделен. После школы он поступил на русско-балкарское отделение ИФФ КБГУ. Окончив с прекрасными показателями учёбу в университете, Махти Улаков относительно быстро вошёл в научное сообщество Кабардино-Балкарии. Подчеркну и то, что нынешний патриарх тюркологии в родной республике начинал свой путь с должности старшего лаборанта сектора карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского научно-исследовательского Института – ныне Института гуманитарных исследований – который уже несколько десятков лет является составной частью Российской Академии наук. Обращаю внимание, что в характере героя моего очерка удивительным образом сочетаются талант учёного-исследователя, причём крупного и признанного в научном сообществе огромной страны, и умение поддерживать добрые отношения с представителями всех сфер большого мира науки.

Могу засвидетельствовать, что Махти Улаков наделён удивительным даром находить общий язык с коллегами, многие из которых наделены не только высоким интеллектом, но и частым спутником такового – тяжёлым характером. Он – дипломат в лучшем смысле этого слова: в любой ситуации Улаков выбирает тактику и стратегию поведения и общения, наиболее оптимальную в плане достижения поставленных научных целей. Более того – неоднократно наблюдал сцены, когда некоторые учёные, известные своими капризами, неуживчивостью гораздо больше, чем научными разработками, пытались критиковать Махти Зейтуновича. Как правило, даже зная это, М. Улаков предпочитает рабочие отношения с этими людьми.

Я иногда пытаюсь поучиться в этом непростом вопросе у своего друга и соратника, но, признаюсь, плохо получается.

Что касается его творческого и жизненного пути – он был труден, но типичен для одарённого представителя репрессированного народа. Будущий учёный-тюрколог рос и воспитывался в интеллигентной балкарской семье. Его родители – Зейтун Магометгериевич, участник Великой Отечественной войны, педагог по образованию, известный краевед, автор трёх книг, основатель и первый директор Историко-краеведческого музея балкарского народа; мать – Радимхан Хаджимурзаевна, урожденная Зокаева, тоже педагог по образованию и призванию. Они воспитали шестерых детей, воспитали не только в духе советских принципов педагогики, но ещё и в уважении и любви к лучшим традициям балкарского народа. Кстати сказать, они очень похожи, практически идентичны осетинским. По опыту пятнадцатилетнего проживания в Нальчике, могу сказать, что в наших адатных нормах – что в Осетии, что в Кабардино-Балкарии, – так много общего, что иной раз, находясь на каком-либо массовом мероприятии в братской республике, я осознавал исключительно языковую разницу, и только её.

После окончания КБГУ Махти Улаков какое-то время колебался в выборе профессионального пути. Ему хотелось быть и лингвистом, и фольклористом. Молодого Улакова интересовало и первое, и второе. Но, как это часто бывает, помог случай. В то время в КБНИИ работал авторитетный учёный Ибрагим Хашимович Ахматов, заведовавший сектором карачаево-балкарского языка. Он был не только крупным исследователем, но и прозорливым доброжелательным наставником, который посоветовал молодому земляку стать языковедом. До сих пор Махти Улаков помнит добрый совет профессора Ахматова, который говорил ему: «Изучай язык на материале фольклора и карачаево-балкарской литературы». Ибрагим Хашимович содействовал и тому, чтобы молодой Улаков устроился на работу в сектор карачаево-балкарского языка, а для этого нужно было убедить директора КБИГИ Ханафи Исхаковича Хутуева, человека легендарного на Северном Кавказе. Нужно подчеркнуть не только стремление хорошо трудиться у Махти Улакова, но и большие способности к анализу сложных явлений во всей гуманитарной науке. Всё это вкупе позволило молодому и перспективному учёному поступить в очную аспирантуру при секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР. Именно здесь, в Москве, начался процесс формирования молодого соискателя в настоящего крупного исследователя-тюрколога. Кроме усидчивости и ежедневного, иногда утомительного, научно-познавательного труда герой моего очерка получал огромное морально-эстетическое удовлет-

ворение от общения с выдающимися московскими мэтрами филологии. По его собственному признанию, он на всю жизнь остаётся благодарным крупному лингвисту, доктору филологических наук, профессору К. М. Мусаеву, ставшему в аспирантуре его научным руководителем по написанию и защите кандидатской диссертации «*Термины животноводства в карачаево-балкарском языке*». Махти Зейтунович благодарен ему за порядочность, требовательность, честность и высокий профессионализм. Огромную помощь герою моего очерка оказывал и завсектором член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев. Им удалось собрать в АН СССР, где М. Улаков писал кандидатскую диссертацию, талантливых учёных со всей страны, в том числе выходцев из Кабардино-Балкарии, в целом Северного Кавказа. Например, известные и признанные своими научными разработками доктора филологических наук, профессора М. И. Исаев, М. А. Кумахов, А. М. Шагиров, А. Т. Базиев, З. Ю. Кумахова и многие другие. В такой среде, в этом элитном коллективе Махти Улаков прекрасно защитил диссертацию и вернулся в Нальчик, где продолжил активную научно-исследовательскую работу в КБНИИ. В совершенно молодом возрасте он включился группу по составлению и изданию объёмного толкового словаря карачаево-балкарского языка. Необходимо отметить, что работа над этим словарем, а тем более его выход в свет, по праву расценивается в качестве большого научного достижения, особенно у тюркоязычных народов. Работа над словарем дала М. Улакову многое – не только в профессиональном мастерстве, но и в опыте организаторской работы, в общении с коллегами и администрацией республики. Составление и издание словаря закрыло целый ряд нерешённых проблем теоретической лексикографии тюркологии, а самого Махти Зейтуновича научило вычленять важнейшие стратегические цели и целенаправленно продвигаться именно к ним – умение, данное единицам, требующее не только необыкновенной интуиции, но и мужества в отстаивании собственной линии – научной и поведенческой. В тот момент М. Улакова поддержал известный специалист Ж. М. Гузеев, который после приглашения И. Х. Ахматова в КБГУ, взял на себя большую работу и, стало быть, немалую ответственность в выходе в свет фундаментального словаря. Именно ему принадлежали отдельные концептуальные решения в завершении и издании словаря. Скоро и Ж. М. Гузеева, как перспективного учёного-тюрколога, пригласили в КБГУ, а на должность заведующего сектором карачаево-балкарского языка КБИГИ избрали Махти Зейтуновича. Образно говоря, с этого момента начинается новый этап в становлении не только известного специалиста, но и организатора науки КБР М. З. Улакова. Подчеркну и то, что по мере продвижения по служебной лестнице герой моего

очерка, к счастью, не потерял, как это бывает иногда, благородство, порядочность, доброжелательность, душевную искренность, которые всегда были ему присущи. В этой связи хочется отметить, во-первых, что уже через некоторое время он работал заместителем директора КБИГИ по научной части. На эту должность его рекомендовал известный и признанный исследователь Кабардино-Балкарии, в целом Северного Кавказа, доктор исторических наук, профессор Рашад Хусейнович Гугов. С этим признанным специалистом по проблемам Гражданской войны у М. З. Улакова сложились не просто хорошие отношения, можно уверенно говорить о братстве двух профессионалов, представлявших исключительно близкое родство кабардинцев и балкарцев. Улаков удачно продолжил начатые предыдущими коллегами научно-исследовательские изыскания, а кроме того, успешно работал над докторской диссертацией. Его заслуги в завершении и издании фундаментального Словаря в трёх томах трудно переоценить (каждый том государству обошёлся по миллиону тогдашних полноценных рублей, и эти деньги зачастую надо было изыскивать и добывать). Он работал, что называется, «засучив рукава», над различными аспектами словаря, широко обсуждая и привлекая сотрудников других профильных научных учреждений и творческих подразделений. Работая над докторской диссертацией, перспективный учёный, разумеется, печатался в солидных академических журналах, включая и московские, активно выступал на различных научных конференциях, подготовил и издал монографию. В итоге в 1996 году М. Улаков приехал в Москву, в Институт языкознания РАН, для защиты докторской диссертации, прихватив с собой несколько экземпляров только что изданного первого тома *«Толкового словаря карачаево-балкарского языка»*. Замечу, что научным успехам Махти Зейтуновича в головном институте радовались почти все ведущие специалисты-тюркологи во главе с членом-корреспондентом РАН Э. Р. Тенишевым. Трудно даже с точностью определить, чему больше радовались в Институте языкознания РАН – докторской диссертации или толковому словарю. И все-таки главная цель приезда в Москву М. З. Улакова состояла в защите докторской диссертации на тему: *«Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка: лексический и лексикографический аспекты»*. Сказать, что наш юбиляр защитил докторскую диссертацию, значит сказать только половину того, что случилось в феврале 1996 года в Институте языкознания РАН. Махти Зейтунович продемонстрировал высокий уровень профессиональной подготовки, блестящее знание в целом карачаево-балкарского языка, теоретическую и практическую стилистику которого, очевидно, лучше него вообще никто не знает. Таким образом, он оправдал надежды, возлагавшиеся на него не только специалистами Кабардино-

Балкарии и Карачаево-Черкесии, но также и самыми авторитетными деятелями отечественной тюркологии.

В ранге доктора филологических наук и заместителя директора КБИГИ по научной работе Махти Зейтунович добился значительных успехов в научно-организационной и исследовательской работе. Благо, ему повезло, что многоопытный Рашад Хусейнович особо не вмешивался «во внутренние дела» балкарского языкознания, где нерешённых проблем накопилось достаточно много. Вопросов в этой сфере было много, и Махти Зейтунович вместе со своими коллегами и единомышленниками шаг за шагом успешно их решал. Вскоре он взял на себя руководство амбициозным проектом «*Современный карачаево-балкарский язык*» (в двух частях), который с коллективом авторов успешно завершил и издал в 2016–2018 гг. Как один из организаторов гуманитарной науки КБР Махти Зейтунович вместе с председателем Кабардино-Балкарского научного центра РАН Петром Мацевичем Ивановым, крупным учёным и оригинальным мыслителем, добился значительных успехов, высоко подняв планку состоятельности науки Кабардино-Балкарии. Был издан целый ряд фундаментальных трудов, получивших высокую оценку у специалистов, выросли и получили признание высокопрофессиональные специалисты в различных областях гуманитарного знания. Многие из них – такие, как, например, К. Ф. Дзамихов, М. М. Кучуков, Ю. М. Тхагазитов, П. А. Кузьминов – получили признание на региональном и даже федеральном уровнях.

Многое было сделано для развития и укрепления научных связей КБР с регионами Российской Федерации, особенно Северного Кавказа. Благодаря их усилиям были налажены творческие связи с учёными Москвы и Санкт-Петербурга, а также Казани, Уфы, Карачаевска, Владикавказа, Грозного, Махачкалы и т.д. Махти Зейтунович приложил большие усилия и к тому, чтобы наладить отношения с исследователями Турции, Норвегии, Абхазии, Южной Осетии и других государств. Специалисты-гуманитарии КБР неоднократно выезжали в научные командировки в зарубежные страны, в первую очередь в Турцию, Сирию, Иорданию и т.д. Известно, что там проживают большие адыгские и карачаево-балкарские диаспоры.

Не будет лишним подчеркнуть, что в этой сложной и необходимой работе ему помогали не только высокие и ответственные научные должности, но и личные знакомства с известными учёными, руководителями различных направлений гуманитарной науки и ВУЗов. Необходимо вернуться к тому, что с начала 1999 года наш юбиляр работает в должности заместителя председателя КБНЦ РАН по научной работе. Туда его пригласил из КБИГИ, где он также работал заместителем директора по научной работе, основатель и первый

председатель КБНЦ РАН П. М. Иванов. Как младший друг Махти и уважительно относящийся к Петру Мацевичу ещё со времён совместной работы с ним в Парламенте КБР, могу подтвердить, что у М. З. Улакова сложились тёплые, доверительные отношения с П. М. Ивановым. Последний всегда подчёркивает исключительную порядочность, честность, откровенность и высокий профессионализм своего заместителя. Знаю и могу засвидетельствовать, что этими (и не только ими) качествами Всевышний наделил и самого П. М. Иванова. Близкое общение с обоими даёт мне право утверждать, что взаимопонимание обоих руководителей КБНЦ РАН, их исключительное взаимоуважение всегда проявляются не только в каких-то мелочах, но и в решении серьёзных проблем организации и совершенствования академической науки КБР. Об этом неоднократно говорили самые авторитетные учёные страны, например, президент РАН (1991–2013) академик Ю. С. Осипов, президент РАН (2013–2017) академик В. С. Фортов, вице-президент РАН академик Г. А. Месяц, вице-президент РАН академик Ю. Ю. Балега, академик-секретарь отделения историко-филологических наук РАН академик А. П. Деревянко и др.

В одном очерке невозможно полностью рассказать не только о талантливом и признанном учёном, но даже о молодом и начинающем. Наверное, нет необходимости перечислять все заслуги героя моего очерка. Не вижу необходимости и в том, чтобы перечислять различные общественные академии нашей страны, действительным членом которых давно избрали Махти Зейтуновича. А если ещё добавить туда почётные награды, которых он удостоился за свои научные разработки, то текст моего скромного очерка может потянуть даже на повесть. Подчеркну лишь, что мой близкий друг является заслуженным деятелем науки двух братских республик: КЧР и КБР. Уже многие годы является и членом диссертационного совета в КБГУ, членом редколлегии журналов *«Вестник тюркского мира»*, *«Тюркология»*, *«Родной язык»* а также заместителем главного редактора журнала *«Известия КБНЦ РАН»*. А для меня он близкий друг, видеть которого, а, тем более, общаться с ним, всегда доставляет большую радость. Каждый раз, встречаясь с ним, вспоминаю огромное море событий, которые нас связывают. Уверен, что на любую мою просьбу Махти Зейтунович ответит сполна. Стараюсь не злоупотреблять его родственным отношением к себе. Однако уверенность, что я всегда получу его поддержку, придаёт дополнительные силы и огромную внутреннюю энергию, прилив радостных чувств, как говорят в народе: брат братом силен.

Поздравляю, дорогой Друг, с юбилеем!

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

От редакции

Журнал «Литературная Кабардино-Балкария» продолжает публикацию статей, посвященных поэзии и прозе народов Северного Кавказа. Авторами материалов являются представители ведущих вузов и научно-исследовательских центров региона и Российской Федерации. Каждый из них обладает своим взглядом на местный культурный контекст, на содержание и характер процессов, наблюдающихся в новописьменных литературах на новом историческом этапе, на перспективы развития национальных систем словесного творчества. Мнение и позиция авторов не всегда совпадают с таковыми редакционного коллектива, но вполне адекватно отображают разнообразие научных позиций в сфере оценки и анализа литератур наших народов.

*Адам ГУТОВ,
доктор филологических наук
г. Нальчик*

ИСТОКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выбранный жанр и тема первого коллективного труда по истории литератур народов Северного Кавказа предполагают, что его составные части можно разделить на две разновидности: главы и разделы обобщающего характера и такие же части, посвящаемые литературам конкретных народов. Что касается первого, то очевидно, что ограничиться вводной и заключительной главами общего характера будет невозможно, поскольку переплетение признаков общности и бесспорных различий между культурами народов, населяющих Кавказ, настолько многообразно, что необходимость в тематических блоках того или иного плана может быть окончательно определена только в процессе непосредственного создания намечаемого труда. Но некоторые темы, как представляется, будет возможно и даже весьма желательно определить уже на самых подступах к намечаемой работе. Таков, например, представляющийся обязательным широкий исторический и историко-культурный анализ,

призванный стать основой всего будущего исследования. Он должен отразить не только общие признаки и особенности исторического пути разноплеменного и поликонфессионального населения региона, даже не только установление вероятности генетической и культурной общности относительно больших этноязыковых массивов. Столь же важным станет установление типологических сходжений и различий между группами населения, которые в настоящее время различаются по языку, конфессиональному или территориальному принципу, но в плане генетическом составляют так называемую малую антропологическую расу, именуемую кавказской. Иными словами, весьма разнообразное по языку население может иметь и в действительности имеет многие признаки общности. Упомянуть и анализировать все их не входит в нашу задачу. Из многообразия факторов названного характера мы считаем наиболее возможным для себя обратить внимание на одно обстоятельство.

В истории художественной словесной культуры одним из самостоятельных этапов принято выделять период, предшествующий становлению литературы как вида профессионального искусства. Обычно он обозначается рабочими понятиями долитературное словесное искусство и предлитературное словесное искусство. И хотя они практически не получили в литературоведении статуса общепринятых терминов и в качестве таковых не обозначены в справочных изданиях, в обиходе они употребительны, а их содержание понимается специалистами вполне адекватно. На материале литератур Северного Кавказа одним из первых обратил внимание на проблему типологической систематизации и употребил названные понятия в качестве определений З. М. Налоев [Налоев, 2009, с. 532]. Автор настоящих строк также использует в своих литературоведческих работах термины «долитература» и «предлитература» [Гутов, 2014; Гутов, 2015]. Как правило, ими обозначаются феномены, выраженные мифологическими нарративами, функционально имеющими внеэстетическое предназначение, фольклорными произведениями, а также устным авторским художественным творчеством и письменным творчеством синкретического характера, по основной своей функции отличным от феномена словесного искусства, но содержащим его родовые черты. Мы имеем в виду, прежде всего, творчество народно-профессиональных сочинителей и исполнителей, которые у разных народов называются по-разному, но функции их типологически весьма близки. Это ашуги народов Дагестана и Закавказья, их адыгские собратья по роду деятельности, именуемые джегуако, чеченские и ингушские илланчи, йирчи/жырчи или ирау/жырау у тюркских народов региона. С позиций систематизации истории

словесного искусства они типологически близки к литературе тем, что как один из признаков утвердили авторство, а также профессионализм как принцип. К категории предлитературных феноменов резонно отнести также творчество многих просветителей, а также клерикальных писателей. Как те, так и другие могут и призваны обладать литературными дарованиями, а порою способны создавать художественно полноценные произведения. Однако доминирующей функцией в их творчестве чаще всего является не эстетическая (нередко вне зависимости от очевидных довольно высоких художественных достоинств их отдельных произведений), а выражено просветительская, в одном случае с акцентом на религиозное образование, в другом – на просвещение секулярное. Поэтому их произведения не только полифункциональны, что не противоречит природе литературного творчества, но и со всей очевидностью синкретичны. Вернее будет даже определить доминирующей функцией в них практическое предназначение, что не препятствует довольно совершенному художественному воплощению идеи. Это и является основанием для отнесения беллетристической деятельности так называемых писателей-просветителей преимущественно к явлениям предлитературным или, если более приблизить к историко-литературной проблематике, – раннелитературным. никоим образом не стремясь навязывать свою точку зрения, полагаем уместным заявить, что было бы целесообразно самостоятельными частями выделить следующие главы или разделы: 1) долитературное словесное творчество (мифология, фольклор); 2) предлитературное словесное искусство; 3) предлитературное словесное творчество (просветительство).

Типологически более ранними являются, как признано, феномены долитературные. При написании обобщающих трудов по истории литературы, что вполне естественно, принято начинать именно с этой стадии словесного искусства. И, как правило, на материале разных народов эта часть работы оказывается наиболее единообразной по самому предмету рассмотрения. Когда в центре внимания находится история литературы какого-либо одного народа, такая часть обобщающего труда непременно оказывается обязательной. Каким бы образом мы ни построили композицию нашего предполагаемого исследования по истории литератур многоязычного региона, нам тоже придется считаться с данным фактором. Но если предварять описательно-аналитическую часть литературы каждого народа разделом или главой о фольклоре и мифологии, есть вероятность, что невозможно будет избежать многих повторов. Дело в том, что и жанры, и многие сюжеты, и даже персонажи мифологических

нарративов, сказок, легенд, героико-эпических сказаний и песен окажутся сходными не только по типу и функциям, но порою и по именам героев, топонимам, в ряде случаев по своей исторической или же квазиисторической приуроченности. К сожалению, в данном плане в арсенале ученых-кавказоведов мы имеем сравнительно-сопоставительные исследования только на материале отдельных жанров, но не всего фольклора. Поэтому, как мы думаем, именно в данной части предлагаемой работы есть основания ожидать от исполнителей наибольшего дублирования суждений и материала. Принципиальные различия могут быть лишь в форме объективации, но отнюдь не в содержании и, что также логично, в теоретико-методологическом обосновании.

При интерпретации сходного материала разными авторами невозможно будет избежать не только повторов, но также и всякого рода нестыковок и разнобоя в толковании конкретных сюжетов и мотивов. Эмпирическое знакомство с материалом позволяет заключить, что именно в области мифологии и фольклора налицо много сходного. Причем схождения обнаруживаются на разных уровнях и различного характера. Это могут быть типологические схождения, сходство как результат продолжительных межэтнических контактов, а также общность сюжетов, мотивов, персонажей и тематических блоков как показатель исходной общекавказской генетической общности. Последнее подтверждается археологическими, антропометрическими, дерматоглифическими, а в последние полтора-два десятилетия и генетическими данными (такими, как, например, исследования ДНК) [Балановский и др., с. 69–75]. Все это в совокупности благоприятствовало формированию во многом уникальной культурно-исторической общности народов кавказского региона – от западного побережья Каспийского моря до Таманского полуострова. При всех языковых и прочих различиях, а также реально различных внешних влияниях именно мифологический пласт культуры и фольклор как явление искусства дают основание говорить о существовании такой культурно-исторической общности, которая, не препятствуя проявлению своеобразия, обнаруживает и многие признаки совместного творчества. Это не только мифология и нартский эпос, первыми приходящие на память, но также и отдельные произведения ряда других жанров. Акцентирование внимания на них позволяет оправдать саму идею создания предлагаемого труда по истории литератур разных народов. Без учета упомянутых явлений это будет сборник разрозненных очерков о разных национальных литературах. Помимо того, именно в области фольклорных мотивов и сюжетов настоятельно необходимо избежать разнобоя в

интерпретации тех или иных явлений (например, в трактовках некоторых эпических циклов и персонажей: достаточно вспомнить о том, насколько жаркими были разгоревшиеся в середине минувшего столетия, до настоящего времени не утихшие и совершенно малопродуктивные для науки дебаты относительно этнической принадлежности нартского эпоса [Абаев, 1945; Гадагатль, 1963; Кумаховы, 1985 и др.]). Учитывая данное обстоятельство, предлагается очерки о каждой национальной литературе писать именно с периода возникновения авторского сознания и письма, а фольклорную часть выполнить в виде обобщающей работы, которая бы охватывала все этноязыковые версии.

В организационном плане будет целесообразно, чтобы часть, посвященную мифологии и фольклору каждого народа, писали конкретные специалисты (или один специалист), которым это будет поручено и авторство которых будет обозначено в исходных данных коллективного труда. Однако эта часть в полном объеме будет принята и пущена впоследствии в обиход только в электронной версии. Когда таким образом будут написаны соответствующие части по всем национальным литературам, редколлегия совместно с авторами согласованно вырабатывает один обобщающий вариант по мифологии и фольклору народов всего Северного Кавказа, и этот вариант, при условии согласия всех сторон, может быть представлен в издании как единая самостоятельная часть всей работы.

В плане методологическом считаем обязательным обратить внимание на следующее обстоятельство. За годы со времени начала систематического изучения национальных литератур и традиционной культуры народов Кавказа достигнуты впечатляющие успехи, что выражено во множестве фундаментальных трудов, посвященных истории литератур народов региона, мифологии, фольклору, его отдельным жанрам, творчеству отдельных писателей и народно-профессиональных носителей традиций словесности, другим областям традиционной культуры, определяющим своеобразие конкретных форм проявления общечеловеческой эстетической и этической нормативики народов Кавказа. Перечислять их в настоящей статье нецелесообразно, но в предстоящей работе учет их обязателен. В связи с этим возникают две задачи: 1) неприменный полный охват научных, литературно-критических и даже научно-популярных трудов, имеющих первостепенное значение для воссоздания истории литературы во всей ее полноте; 2) соблюдение принципов творческого осмысления ранее достигнутых результатов, чтобы обобщение предыдущего опыта не превратилось в компиляцию. Это потребует от авторов глав о долитературной и предлитературной

областях словесного искусства не только внимания к трудам всех предшественников, но и соизмерения результатов с новейшими теоретико-методологическими тенденциями отечественной и мировой филологии.

Литература

Абаев В. И. Нартовский эпос. – Ученые записки Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 10, вып. 1. – Дзауджикау, 1945.

Балановский О. П., Дибирова Х. Д., Романов А. Г. и др. Взаимодействие генофондов народов Кавказа и восточных славян по данным о полиморфизме Y-хромосомы. – Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2011, № 1, с. 69–75.

Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. – Майкоп: 1963.

Гутов А. М. К содержанию понятия предлитература. – Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2014, № 2, с. 186–192.

Гутов А. М. Автор и фольклор: творческое отрицание. – А. П. Кешоков: творческая личность в поликультурном пространстве. – Нальчик: КБГУ, 2015, с. 101–107.

Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. – М.: Наука, 1985.

Налоев З. М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009.

Зухра КУЧУКОВА,
доктор филологических наук
Ляна ХАРАЕВА,
кандидат филологических наук
г. Нальчик

ЭВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ КАБАРДИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

(Л. Абазова «Материнский зов», Д. Дамян «В вашем мире я –
прохожий», Д. Арма «Дорога домой»)

Актуальные вопросы, связанные с трансформацией традиционных стереотипов мужественности и женственности, динамикой гендерных ролей и гендерных взаимоотношений требуют поиска исчерпывающих ответов, которые помогли бы российской культуре безболезненно адаптироваться к задачам модернизации, кардинально не разрушая отечественную цивилизационную основу и сложившуюся систему гуманитарных ценностей.

В этом отношении недооцененной областью остается гендерное литературоведение, способное высветить проблемные точки во взаимоотношениях полов, наметить пути гендерного диалога. Составной частью данной многомерной научно-рефлексивной работы являются региональные исследования, основанные на анализе гендерно ориентированной художественной литературы. Системное изучение этногендерного аспекта каждой из отечественных литератур и их суммарный опыт может стать действенным механизмом формирования культурной и гражданской идентичности России.

Предлагаемая статья является первой попыткой комплексного научного изучения современной кабардинской женской прозы с ретроспективным обращением к фольклорным произведениям. Своего рода эвристическим навигатором в изучении женской кабардинской прозы для авторов стали труды ведущих зарубежных и отечественных авторов [1], в особенности, монографии Л. Х. Сабанчиевой [17], М. А. Текуевой [19], а также сборник материалов Международной «гендерной» конференции, состоявшейся в Нальчике в 2013 году по инициативе и при личном участии председателя Российской ассоциации исследователей женской истории Н. Л. Пушкаревой [14].

Предметно-проблемное поле гендера

Современные ученые резонно задаются вопросом: «Как могло случиться, что философия, объявившая еще с приходом Сократа человека центральным своим предметом, оставила, тем не менее, половину человечества больше, чем на 2,5 тыс. лет на обочине вни-

мания?» [5]. В этих условиях оформляется потребность современной женщины «увидеть себя не мужскими, а собственно женскими глазами, попытаться определить свою природу в качестве не чего-то производного от мужских потребностей, не как «другое», а как «свое», в своей собственной культурной самооценности» [5]. Пути развития современной российской гендерологии во многом определяют труды Н. Л. Пушкаревой, которая под «гендером» понимает «методологию исследований, основанную на артикуляции женского взгляда на мир и женской системы ценностей» [15: 404]. За последние годы научный язык гендерных исследований обогатился множеством новых терминов. Гендерное образование становится логически обоснованным компонентом высшего образования в России.

Перефразируя мысль русского философа Н. А. Бердяева, можно отметить, что «человек входит в человечество» не только через этническую, но и через гендерную идентичность; он существует не как абстрактный *homo sapiens*, а как женщина или как мужчина. На данном этапе после уяснения основных теоретико-методологических вопросов гендера наиболее актуальным представляется изучение конкретных этногендерных субсистем единого мультикультурного мира. Н. Л. Пушкарева в интервью корреспонденту газеты «Village» одной из самых популярных и перспективных тем в современных гендерных исследованиях называет «тему пересечения этноса и гендера» [16]. Этногендерный анализ художественного текста позволяет более конкретно и углубленно рассмотреть национальную составляющую женского нарратива. Тон современным этногендерным исследованиям задаёт Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (г. Москва), где целый сектор занимается изучением особенностей конструирования гендерной идентичности в разные исторические эпохи у разных народов России и мира.

Большинством зарубежных и отечественных исследователей Северный Кавказ определяется как один из специфических регионов, где фактор традиционности находится в сильной позиции. В последние десятилетия мир охватили многие деструктивные явления, связанные с тенденцией к унификации пола, созданию «гомочеловечества», «половариабельного человека». В некоторых западноевропейских государствах появляются так называемые «нейтральные школы» и «бесполые детские сады», где исключены понятия «мальчик», «девочка». Судя по интернет-данным, появляются образовательные учреждения с неогендерной парадигмой для детей из гомосемей. В контексте образовательно-воспитательного норматива для таких детей издаются специализированные учебники с соответствующей тематикой, лексикой и иллюстрированным материалом.

На этом фоне Россия в целом и, в особенности, Северный Кавказ остаются географическими оплотами традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе в вопросах семьи, брака, воспитания детей, межкультурных и гендерных взаимоотношений. Период рубежа XX–XXI веков вошел в историю России как время масштабного по своей интенсивности духовно-нравственного переворота. Под влиянием интернета, глобализационных процессов идёт ревизия, пересмотр, революционный слом устоявшихся нравственных ценностей. То же происходит в области гендерной культуры. В этом отношении кавказская этическая, гендерная культура отличается особой приверженностью патриархальной старине, цивилизационной устойчивостью, большей сопротивляемостью к чужеродным инновационным элементам коммуникативного поведения.

Однако кавказская культура при всей ее социальной дисциплинарности, не является догмой и вряд ли ее тоже обойдут стороной новые веяния и новые конструкты в области моделирования семейно-брачных отношений, воспитания детей, выстраивания контактов между мужчиной и женщиной. Как справедливо отмечает А. М. Гутов, «абсолютно неизменное – безнадежно мертво, а калейдоскопически быстро изменяющееся – столь же безнадежно абсурдно» [8, с. 4]. Ответом на все перечисленные нами цивилизационные, нравственно-этические и гендерные дилеммы является весьма ценный в восточном мире метакод «чувство меры», воспринимаемый как «алгебра благоразумия». Категория, которую античные мудрецы называют «золотой серединой», в общекавказской этической системе звучит как «марда» и означает чувство меры, соотносимое с рассудительностью и здравым смыслом. Анализ кабардинской художественной литературы показывает, что ее лучшие образцы как верховный нравственный принцип утверждают принцип меры в вопросах традиционного и инновационного в области «женско-мужских» «патриархатно-матриархатных» взаимоотношений.

В настоящее время феномен женской прозы вызывает повышенный интерес. По выражению одного из исследователей, «мужчины уже сказали в литературе всё, что можно, нам интересно услышать мнение женщин» [9]. В этой связи возникает важный идентификационный вопрос: что считать женской литературой? По мнению Элен Сиксу, «только литература, созданная самой женщиной, может поведать миру о подлинной женственности, изменяя тем самым мир и историю» [18]. Важная роль в «гендерных штудиях» уделяется биографическому методу, позволяющему через анализ истории жизни писательницы проникнуть в природу женского творчества. В контексте исследования следует отметить интересный феномен – скрывать женскую биологическую идентичность за мужским псевдонимом (Аврора Дюпон – Жорж Санд, Мария Маркович – Марко Вовчок, Надежда

Хвощинская – В. Крестовский, Натали Шеврие – Пьер Шеврие, Мадина Хакуашева – Асхад Гуазов и т.д.). Примечательно также явление литературного «second hand», обозначающего автоматическое копирование женщиной-автором мужской идеологии, мужской трактовки гендерных конструктов.

Мощная волна «женской литературы» пришлась на перестроечные годы России, так называемые «гендерные 90-е» (выражение И. А. Жеребкиной). Этот период характеризуется приходом в отечественную литературу многих авторов-женщин, в особенности представительниц детективного жанра. Появилось много интересных прозаиков-женщин и в национальных регионах России – Л. Бадаева, А. Умарова (Чечня), Л. Тамасханова (Ингушетия), Г. Гайсарова (Башкирия), Г. Яхина (Татарстан) и др. Произведения, написанные «женщинами о женщинах» можно отнести к наиболее ценному уровню гендерного литературоведения и объективных источников знаний о внутренней жизни женщины.

Гендерные исследования в литературоведении – весьма перспективная область гуманитарных наук, позволяющая через фольклорные и авторские художественные тексты воссоздать тип женской ментальности и типологию гендерных конструктов, характерных для той или иной исторической эпохи, для того или иного этноколлектива.

Этнокультурные истоки кабардинского гендерного сознания

Изучение женского дискурса кабардинского нартского эпоса [13] многочисленных фольклорных произведений, постижение образов Сатаней, языческих богинь земли, леса, плодородия, воды, «светлоручкой» Адиюх, Ахумиды, Барымбух, Малечипх, Шхацфицы позволяют сделать вывод о высоком социокультурном статусе женщины в матриархальном обществе, уникальности физической и духовной природы женщины, наделенной интуитивным, «первоначальным знанием».

Обращает на себя внимание то, что в архаичных текстах облик нартских «красавиц» характеризуется атрибутивным признаком «тхьэIухуд» (подобная божеству) – сложнокомпонентным словом, содержащим в своей основе знак приближенности к небесам, верховному божеству. Примечательно, что данное прилагательное в кабардинском языке имеет строгие гендерные ограничения и может быть применено только к представителям женского пола. Судя по сказанию «Малечипх», извечная женская мудрость является созидательной силой, противопоставленной мировому злу. Народная фантазия номинологическими средствами подчёркивает добродетельную сущность героини, имя которой (Малечипх) переводится с кабардинского как «дочь ангела». Ключом к пониманию образа служит её антропологическая характеристика, связанная с небольшим ростом. Маленький рост здесь служит экспрессивным средством

оттенить, гиперболизировать интеллектуальные, ментальные способности женщины. Манера «адыгской Дюймовочки» выражаться афоризмами, иносказаниями свидетельствует о глубоком уме и провидческом таланте представительниц женского пола.

Каждая национальная культура создает те образы фольклорных героев, которые отвечают требованиям исторического времени. Кабардинский народ, который называют «нацией рыцарей и воинов», создал множество историко-героических песен, воспевающих мужскую отвагу, презрение к опасности, готовность ценой жизни защитить родную землю. Наряду с образом героического воина в этих песнях ключевое место занимает и образ «мобилизованной матери», которая дает сыну надличную нравственную установку: «лучше смерть со славой, чем позор при жизни». Фольклорной эстетикой социально одобряемые образы доведены до архетипической монументальности. Такой константой, общей для северокавказского фольклора в целом, является образ «танцующей матери», которая на весть о героической смерти сына в битве с врагами отвечает «танцем» – чувством внутреннего торжества по случаю народной победы. В полном соответствии с реалиями исторических условий значимыми параметрами женственности (материнства) в данных текстах выступают такие качества, как стоицизм, сдержанность, умение вдохновить мужчин на подвиги.

Следует отметить и такой примечательный факт: в период экстремальных исторических ситуаций, в фольклорных и литературных текстах из всех мыслимых женских образов (девочка, девушка, невеста, сестра, сноха, тетя, бабушка, мать и т.д.) в наибольшей степени «эксплуатируется» образ матери, освященной и идеализируемой в сознании не только адыгского народа, но всех народов мира. Мать с ее непререкаемой репутацией «верховой личности» и «любимого человека» для будущих и настоящих воинов становится «иконой праведности», высшей нравственной инстанцией, гарантом физического и духовного выживания этноса.

Поэтому многие патриархатные модели бытия вкладываются в уста «литературных матерей», создаваемых авторами-мужчинами. Большинство такого рода историко-героических сказаний направлено на подавление материнского инстинкта и возвышение «социального», «родового инстинкта». Биологически полноценная, здоровая мать, вне всякого сомнения, из всех мыслимых ценностей мира выберет жизнь своего ребенка, особенно если на другой чаше весов такие абстрактные, а порой сомнительные, исторически преходящие ценности, как «кровная месть», «фамильная честь» и т.д. Однако женщина – существо не только биологическое, но и социальное, поэтому она в меру своего сознания поддерживает тот специфический набор гендерных ролей и жизненных сценариев, который создан этнокол-

лективным разумом. В более поздних слоях кабардинского фольклора и новописьменной литературе в числе популярных женских типажей появляются: «женщина-богатырша», «разумная жена», «скромная красавица», «комсомолка», «ударница», «девушка в красной козынке». Вся исторически обусловленная типология «перфектных черкешенок» приводится в монографии И. А. Кажаровой [12].

Гендерная компаративистика

В повестях Ад. Шогенцукова «Назову твоим именем» [20] и Л. Абазовой «Материнский зов» [2; 3], как в зеркале, отразилась «гендерная действительность» кабардинского общества второй половины прошлого столетия. Сравнительно-сопоставительный анализ текстов позволяет сделать определенные наблюдения и выводы. В результате гендерной экспертизы повести Ад. Шогенцукова по параметрам «семья», «школа», «религия», «национальные обычаи», «предметный мир», «афористика», «интертекст» нами выявлена интересная закономерность, связанная с локализованностью главной героини в «мужском мире» с минимальным присутствием в нем женских реалий. В повести налицо первичность «маскулинного» и вторичность «фемининного»: миром героини в буквальном смысле правят мужчины: брат Назир продаёт сестру, дедушка Каншао одобряет сговор, жених Хапача Хакумышев «присваивает» девушку, мужской коллектив парткома не противодействует злу, дядя Мухаж увозит её в горы и т. д. Даже название повести «Назову твоим именем», обращенное к герою, является символом исторической перспективности мужского начала.

В библиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии» Л. Ш. Абазова (р. 1942) вписана как первая профессиональная адыгская женщина-прозаик [11, с. 88]. В повести «Материнский зов» автором изображается патриархальный мир, мир «преступлений и наказаний», где каждая личность, нарушающая узаконенный гендерный стереотип, карается самой судьбой. В повести нет ни одной счастливой пары, поскольку каждый носитель свободной воли осуждается обществом или получает непонимание со стороны своего партнера. Произведение «скроено» из того же жизненного и художественного материала, что и повесть А. Шогенцукова. Наблюдается «старообрядческое» изображение истории, быта, нравов, морального климата и любовных коллизий в «женской повести», которая написана по литературной «инерции», заданной мужчинами-писателями.

Писательница (за исключением отдельных моментов) сама находится в плену у шаблонов, как мировоззренческих, так и стилистических. Можно сделать вывод о том, что на первоначальном этапе понятие «женская проза» в кабардинской национальной художественной культуре оставалось номинальным явлением, не имеющим автономного

языка самовыражения. Она была вторичной, носила подражательный характер и лишь в отдельных случаях, в основном через внутренние монологи, прорывались элементы женского взгляда на мир.

Гендерная философия Дины Дамиан

Дина Дамиан (псевдоним Мадины Глостановой), пишущая на русском и английском языках, причисляет себя к когорте транскультурных авторов, «не имеющих жесткой национальной привязки». По её мнению, «язык – всего лишь средство» и «вещь сама диктует, на каком языке писать и почему» [10, с. 167]. Однако, на наш взгляд, при всех заявлениях писательницы о «наднациональном» характере своего творчества, она является ярчайшей и передовой представительницей кабардинской художественной культуры. Ее проза – интересный опыт прочтения адыгской, кавказской действительности глазами постмодерниста с его скептическим отношением к любым авторитетам и иронической трактовкой социальных институтов. Это экспериментальная, альтернативная кабардинская проза, которая «пробует на зуб» современные западноевропейские авангардные течения и направления.

Композиционно новеллистический роман Д. Дамиан «В вашем мире я – прохожий» (М., 2006) распадается на три главы «Рассвет», «Утро», «День», охватывающие три возрастных периода главной героини Дины. В «автобиографических» разделах романа показан многотрудный процесс формирования человеческого и женского «Я» Дины, которая находится в состоянии психологической и мировоззренческой конфронтации со всей дисциплинарной атрибутикой советской воспитательной системы. В гротесковой форме с элементами сатиры автор изображает регламентированную жизнь детского сада, школы, пионерского лагеря, а также все, что связано с униформами, школьными звонками, обязательным «хождением парами», утренними линейками, «тихим часом», диктатом вожатых, шагистикой и строевыми песнями. Характерный пример из артековской жизни: «Вожатые свистком командовали пионерам переворачиваться со спины на живот, с одного бока на другой, так что я ощутила себя пирожком во фритюре» [10, с. 20]. Подвергая критике привычку людей все унифицировать, подгонять под стандарты и стереотипы, «инакомыслящий автор» утверждает право личности на индивидуальную ментальность, свободную от навязанной идеологии. В определенном смысле Дина является художественным потомком европейских романтических героев XIX века, отказывающихся воспринимать жизнь как отбывание социальной повинности. Спасением для нее является философия эскейпизма, бегство, «внутренняя эмиграция» в мир искусства и литературы.

На «лермонтовских страницах» романа представлен авторский опыт гендерной деконструкции одного из самых ярких женских образов в отечественной литературе – лермонтовской Бэлы из повести «Герой нашего времени». Оспаривая «мужской шовинизм», Дина создает вторую художественную реальность, параллельную версию женской истории юной горянки, которая выходит из-под диктата мужчин (отца, брата, Печорина, общества в целом) и становится свободным творцом собственной жизни.

Вступая в своеобразную литературную игру с Лермонтовым, Дина восстанавливает «совершенно секретные» женские страницы повести. Технически все сработано грамотно, по принципу «расскрепченного женского дневника», содержание которого разительно отличается от «сдержанного» текста Лермонтова. Используется тип письма с двойной оптикой: выделенный курсивом лаконичный текст принадлежит русскому поэту, идущий же следом «распахнутый женский текст» (набранный обычным шрифтом) пишется от имени «Дины-корректора». Фраза «Бэла не погибла тогда, нет!» становится высшим смыслом «литературных экзерсисов» Дины, которая с феминистических позиций оспаривает сложившуюся в мировой литературе «нехорошую традицию» убивать женщин-героинь в финале произведений, и сохраняет Бэле жизнь.

Обращает на себя внимание иносказательный характер финала, где героиня, «убивая» Печорина, на самом деле убивает собственные психологические комплексы, свое женское закрепощенное сознание и внутренний страх перед будущим. Дальнейшие метаморфозы, связанные с переодеванием Бэлы в парадный мундир своего несостоявшегося мужа, с одной стороны, подключают сознание читателя к популярному в мировой литературе архетипу «девушки-кавалериста», а с другой, показывают «равновеликость» женщины и мужчины. Неспроста автор подчеркивает, что мундир «тщедушного маленького офицера» оказался в пору хрупкой тоненькой девушке-горянке.

Высшим смыслом и назначением многочисленных испытаний Бэлы является трансформация ее личности, обретение ею нового экзистенциального статуса. Она, являющаяся воплощением современной женщины, вышла на дорогу, которая не обещает быть легкой, но подарит героине полноту бытия со всеми его радостями и горестями. Выход Бэлы на дорогу – знак общечеловеческого прогресса и эмансипации личности.

В новелле «Десерт из маракуйи» затрагиваются многие аспекты гендерных взаимоотношений, табуированные в художественной культуре Северного Кавказа. В контексте исследуемой проблемы важным представляется мнение об «эросе» литературоведа Г. Д. Гачева: «Нынешняя грозная демографическая ситуация в России, когда

катастрофически падает рождаемость, распадаются семьи, умножаются разводы, ставит во всей остроте вопрос о непродуманности проблем Эроса в нашей культуре. И повинно в этом, в частности, ханжеско-чистоплюйское отношение к культуре эроса в нашей мысли и в литературе последних десятилетий. Между тем, тут именно культура должна выработаться, а не слепота и закрывание глаз страусиное» [6, с. 7].

Отвергая позицию «страуса, спрятавшего голову в песок», Д. Дамиан воспроизводит близкую к реальности западно-европейскую картину «свободы нравов» в выборе гендерного партнера. Простое библейское «яблоко» первородного греха с течением времени трансформировалось и приобрело символическую форму многих других экзотических плодов, за которыми стоят новые, до немыслимости извращенные вариации любовных связей. Тупиковый характер потребительского отношения современной цивилизации к женщине, как к товару и объекту для физического наслаждения, показан с помощью средств гастрономической метафоризации («Вельзевул под маринадом», «Муза жареная на вертеле», «Ананасы и клубничка, посыпанные шпанскими мушками» и т. д.). В раблезианской, сатирически заостренной картине щедро используются мотивы «пиршества», «пожираемого и пожирающего», «телесного низа». Используя элементы сатиры, гротеска, пародии, алогизма автор демонстрирует регрессивный конец женщины, которая в итоге «эмансипации наоборот» стала «лучшим десертом в мире».

По мнению писательницы, человечество в своих гендерных исканиях и феминистических экспериментах уже совершило замкнутый круг. Было время, когда авангардному обществу классическая пара «мужчина-женщина» казалась верхом примитива и банальности, унылым движением «двух обреченных по одному стандартному сценарию». Общество без кантовского «категорического императива» прошло все круги ада, изведав полузапрещенные и запрещенные формы эроса. Сам факт их пародийно-иронического, карикатурного изображения выражает суть концептуальной позиции писательницы, которая считает, что современному пресыщенному обществу необходима «этическая диета» в вопросах гендерной вседозволенности.

В новеллах «Поездка на Кавказ», «Аттракцион «Старый дом» и «Смерть в Самарканде» автор рассматривает важные онтологические вопросы этнокультурной и гендерной идентичности человека. Названные рассказы объединены единой темой – поиском героиней, которая называет себя «полукровкой», «метиской», своего родного, «этимологического дома» на Кавказе (родина отца) и в Средней Азии (родина матери) – отсюда два вектора в повествовательной линии. Муэдзин, мечеть, минарет, пиала, чайные традиции, Тамерлан, тубетейка, Шехерезада, султан, плов, урок, маслины, бирюза,

глиняная арка, кумган, чалма, чинара, достархан, арык, библиотека Улугбека – множество этих и других реалий призваны обозначить восточные корни генеалогии главной героини.

И от Нальчика, и от Самарканда Дина ждет «чуда возвращения домой» в самом высоком онтологическом смысле, но «чуда» не происходит по причине рассечённости генетических корней «у самого основания». В этих условиях героиня в качестве социального идеала избирает для себя архетипическую модель «островной жизни», символизирующую абсолют внутренней самодостаточности личности, ее внутреннюю свободу и независимость от национальных, расовых и гендерных предрассудков. В утопических представлениях героини все просвещенные люди со временем перейдут на новый уровень бытия со статусом «гражданин мира».

К числу философских произведений относится новелла Д. Дамиан «Смерть в Самарканде», где поднимаются проблемы рока, психологии творчества, женской интуиции, двойничества и «смерти автора» (по Ролану Барту). Весь этот тематический комплекс, будучи просвещенным через проблематику гендера, приобретает особенные художественные краски. Суть произведения – в амбивалентности понятия «творец», органично сочетающего в своей природе чисто мужские начала (логика, рационализм, холодный расчет) и женские (богатство эмоционального мира, чувственность, экспансивный характер вербального самовыражения). Как показывает автор, «убийство» одного из составляющих «гендерного бинара» чревато творческим коллапсом, в то время как их гармоническое сосуществование – гарант новых творческих открытий. Рассказ построен на поэтике литературной игры, на допущении идеи о том, что художественная реальность может быть реальнее самой действительности. Отсюда – столь присущие стилю Д. Дамиан элементы «магического реализма», романтического двоемирия, авторской иронии, гротеска, фантазмагорических перевёртышей.

На наш взгляд, «Автобиография наоборот» – это материализованное обозначение «мужской линии» в судьбе каждой женщины, а загадочный Фострик – это её alter ego, вторая сущность, second self. «Он и она», взаимодополняя друг друга, гармонично живут как «теоретик и практик», «разум и чувство», «поставщик примеров и генератор». Интересен приём семантической мотивированности имени героя – Фострик Лубуском, в котором, по нашему предположению, скрывается анаграмма имени Кристоф Колумбус (Фострик – Кристоф; Лубуском – Колумбус). В рассматриваемом контексте имя великого путешественника символизирует мужское, рациональное, первопроходческое начало в творческом путешествии женщины, ее желании «открыть Америку, много Америк».

Классическое выражение «смерть в Самарканде» является литературным архетипом, выражающим неотвратимость рока. «Играя» с данным архетипом, Д. Дамиан выводит в своем романе формулу преодоления физической смерти посредством художественного творчества. Умение вовремя прощаться с «отжившим» и открывать душу навстречу историческим переменам – еще один путь к физическому и духовному возрождению личности. Изученный материал показывает поликодовое сознание героини, которая через сложный процесс «отрицания отрицания» приходит к выводу о том, что качество гендерной культуры человечества напрямую зависит от духовности каждой отдельной личности.

Дина Арма. «Дорога домой»: мера как гендерный код бытия

Особое место в истории кабардинской женской прозы занимает творчество Мадины Хакуашевой (псевдоним – Дина Арма). В 2009 г. в Нальчике вышла в свет полная версия ее романа «Дорога домой», отрывки из которого ранее печатались в журналах «Литературная Кабардино-Балкария» и «Дружба народов». Роман прочитывается на трех уровнях: как семейная хроника, как исторический роман и как философское произведение. «Я родилась в университетском общежитии» [4, с. 156] – фабула романа начинается с этого предложения, сразу обозначающего «сословие» главной героини, и специфику ее культурного пространства.

Особое чувство доверительности тексту придает повествование от первого лица, от имени женщины с характерным для нее «многоканальным» мышлением и видением. К стилистическим особенностям следует отнести фактографичность, «экспансию фиксирующего письма», которая приобретает особую ценность в ретроспективном романе. Большую положительную роль сыграла привычка автора на протяжении всей сознательной жизни вести дневниковые записи, которые обеспечивают тексту особое качество реализма. Так, печатью «дневникового реализма» отмечены страницы, посвященные особенностям социокультурного бытия Нальчика и кабардинских селений 60–70 гг. прошлого столетия.

Как показывает автор, на формирование гендерной и этнокультурной идентичности героини весьма благотворно повлияли «унэшхо» – большой дом трехпоколенной семьи, а также архаичный мир кабардинского селения с его пантеистическим мировоззрением, древними обрядами, традициями, мифологией, устным народным творчеством. В главе «Усадьба» мир адыгского космоса воссоздается посредством множества этнокультурных реалий, которые приводятся с переводами и комментариями: «гуэщпэш» (летняя кухня), «мафIашхьэдждэ» (новый год по адыгскому календарю), «шейтIанапэ» (первоцвет),

«маразей» (пастила из фруктов), «Іэзэ» (народный целитель), «блашь-хьэ» (оберег), «мэхьсымэ» (ячменный или кукурузный напиток), «фащэ» (национальная женская одежда), «лакум» (лепешка, жареная в масле), «зыкІэрыс» (козинаки из сдобного теста), джэдыкІэрыпщ (хворост), «ахьрэт» (преисподняя) и др. Здесь героиня знакомится с именами и «деяниями» различных языческих божеств: Мэзытхьэ (бог лесов), Псыхэляфэ (водяной), Псыгуаша (божество воды), Алмэсты (снежный человек), Хьэнцигуашэ (обрядовая кукла для вызывания дождя), а также постигает тайнства национальной кухни, народной астрономии, впитывает в себя множество мифов, сказок, легенд. Значительное влияние на формирование ее этического мира оказывают народные пословицы, поговорки, поверья, суеверья, всевозможные табу, имеющие витальную ценность в глазах адыгского этноса. Яркий тому пример – осквернение ласточкиного гнезда человеком, воспринятое героиней как личная трагедия. В доступной форме бабушка знакомит девочку и с основами исламской нравственной философии, просвещая ее в вопросах добра и зла. Столь же ценными оказываются уроки жизненной стойкости, воплощенные в пословице: «Жалуется тот, на кого падает дерево, и тот, на кого – лист».

Подлинным «университетом» жизни для маленькой Дины становится общение с целительницами, представительницами старшего поколения, которые открывают ей мир потаённых истин, невидимых на поверхности повседневного бытия. «Каждое растение и цветок призваны уничтожить какую-нибудь болезнь, только мы об этом почти ничего не ведаем». Интересен образ Жанос – транслятора древних «гендерных» преданий, призванных укрепить женскую самооценку.

Примечательно, что именно в сельской глубинке, где наиболее живуч «здравый народный ум», Дине раз и навсегда прививают иммунитет против узколобого национализма. Генеалогическая история материнского рода, имеющая прозрачные греческие корни, убеждает Дину в этнической многосоставности любой личности. Такой взгляд человека с расширенным сознанием позволяет одновременно видеть, любить «дом и мир», «родное и вселенское». Дина, открытая миру, «ощущает себя каждой из тысяч своих предшественниц», чувствует, что ей «впору как средневековая фаша, так и нынешний европейский наряд».

На материале романа «Дорога домой» нами рассмотрена такая социально-антропологическая категория, как «мамин брат» в контексте кавказской этнокультуры. Общение с дядей по материнской линии – это психологически смягченный, «промежуточный» вариант знакомства с маскулинным миром, это своеобразная школа гендерной культуры. Недаром, героиня, давая характеристику любимому дяде, отмечает, что «у него температура на 1 градус выше, чем у остальных людей». В главах «Лева» и «Мага» описывается история гендерной

социализации героини, формирование стандартов ее женственности в соответствии с народными и общечеловеческими идеалами.

В главах «Адик» и «В мастерской скульптора» находит отражение история женской интеллектуализации на Востоке в лице «самопросвещающейся» Дины, которая со временем догоняет и перегоняет своих учителей-мужчин. Глава «Адик» по своему содержанию напоминает программу ускоренного курса по истории, живописи, музыке, архитектуре, театру, зарубежной литературе с перечислением культурно-исторических эпох, художественных направлений, течений, литературных школ, имен, названий произведений. Выдерживая мощный «интеллектуальный натиск» своего соседа-эрудита, Дина читает античную литературу, средневековых мастеров, Шекспира, Монтеня, Фейербаха, Кафку, Эразма Роттердамского, сочинения Бердяева, Х. Кортасара, Ф. Саган, Фаулза, Борхеса, Набокова, Гессе, Мандельштама, В. Хлебникова и многих других авторов. Тезис о том, что цивилизация сделала мужчин слабыми, а женщин сильными, рассматривается в главе «Аслан», где крупным планом изображается трагическая история деградации талантливого, но безвольного мужчины, который спивается и заканчивает жизнь самоубийством.

Такова в целом гендерная картина мира Дины-ребенка и Дины-школьницы, которая перед отъездом в Москву впитала в себя все нормативы женственности, характерные для ее родной этнокультуры. О том, что она далеко не забытая личность и не «восточная рабыня», говорит хотя бы тот факт, что в центре её родного маленького городка установлен памятник женщине-горянке в национальной одежде в лице Марии (Кученей), символизирующей добровольное присоединение Кабарды к российскому государству.

В своё время Г. Д. Гачев ввёл в научный оборот термины «гония» и «ургия» для обозначения природного и урбанистического начал в космо-психо-логосе этноса или отдельно взятой личности [7, с. 21].

Синхронический срез бытия современной кавказской женщины с очень точно воссозданным соотношением в нем гонийного и ургийного начал мы обнаруживаем на «московских страницах» романа М. Хакуашевой «Дорога домой». Героиня – урожденная «кавказская аборигенка», а теперь аспирантка медицинского института, временно проживающая в столице – в данном биографическом факте отражается феномен «ускоренного развития» природного, естественного человека с горных окраин Юга России.

Коллизию романа определяет разнонаправленность токов бытия героини: с одной стороны, сама среда и новоявленные друзья пытаются оторвать кавказскую женщину от «национальной пуповины», а с другой, её неумолимо тянет к родным истокам. По аналогии в романе приводится трагическая история эвенкийских детей, которых

«какие-то люди с боем определили в интернат, забрав у кочующих родителей «из лучших побуждений». Они всего лишь выполняли распоряжения не то администрации, не то власти по отношению ко всем детям Севера, чтобы те не превратились в «диких кочевников».

Автор романа выступает против той «ургии», которая своим «неоновым светом стирает с лиц живые различия, краски», против того, чтобы уникальность этнических единиц превращалась в одну большую безликую «общагу». Героиня подмечает, что меняется не только мир артефактов, но и мир гендера, в котором постепенно разрушается богоданная пара женского и мужского архетипов, уступая место безликому среднему полу «унисекс» – социальному порождению мегаполисов. Уменьшение разнообразия обедняет мир людей, где стали дефицитными «первобытный Тарзан», «сентиментальная Золушка», «роковая красотка Кармен» и другие.

Героиня, врач по профессии, в главе «Гера» ставит диагноз «ургийному» человеку, который «годами не ступает по обычной земле», «не дышит воздухом полей и лесов, живёт в пластиково-пластмассовых квартирах». Избыточность ургийной жизни, по прогнозу «медика» Дины Арма, чревата физическим и психическим расстройством личности вплоть до летального исхода. По художественно-философской логике романа, выход – в «золотой середине», разумной промежуточной позиции, позволяющей современной женщине сохранять архетипические ценности, но при этом не отвергать социально, нравственно оправданные завоевания цивилизации. Находясь в мегаполисе, Дина неоднократно сталкивается с таким явлением, как «этногендерное невежество», обуславливающим превратное представление о стереотипах мужественности и женственности у современных обывателей. По ее наблюдению, многие россияне и в XXI веке о природе кавказских мужчин и женщин продолжают судить по «Кавказскому пленнику» А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого. С аналогичным этногендерным стереотипом сталкивается Дина в одной из московских библиотек, где на просьбу выдать ей нужную книгу, библиотекаря спрашивает: «А зачем вам Ницше?» В этом вопросе изначальное недоверие «женскому разуму», ещё большее недоверие – «женскому разуму с гор Кавказа».

Общественное мнение не готово принять новый облик женщины, которая уже не помещается в старые рамки трех К (kinder – ребенок, küche – кухня, kirche – церковь). Предвзятое мнение о низком интеллектуальном уровне женщины не изжито. Но даже среднестатистическая женщина уже другая, не говоря уже о современных интеллектуалках. По мнению автора, трагедией современного мужчины является то, что «он не может приспособиться к новой женщине и к ее изменившемуся новому миру». В этих условиях важной ан-

тропологической проблемой становится «гендерная асимметрия», антидиалог между женщиной и мужчиной. Дина – врач, день и ночь работающая в больнице, наблюдая за пациентами, приходит к выводу, что в большинстве случаев первопричиной заболеваний является отсутствие взаимопонимания между гендерными партнерами.

Вместе с тем, ни автор, ни ее героиня не являются реваншистами в решении гендерных вопросов, пересмотре ролевого положения мужчины и женщины в обществе. Они – за мирное, гармоничное сосуществование по принципу кабардинской пословицы «Зым Iэпыхур, зым кьиштэжу» (То, что уронил один, другой подбирает).

На основании изученного материала можно сделать следующие выводы:

1. Кабардинская женская проза, взятая в ее историческом движении, является ценным источником знаний о специфике гендерных стереотипов, их трансформации и тенденциях к формированию новых гендерных моделей.

2. Важной особенностью творчества Д. Дамиан является художественная практика деконструкции «женских образов, созданных авторами-мужчинами», а также утверждение высокой гендерной культуры посредством духовного самосовершенствования личности, свободной от предрассудков.

3. Концептуальная направленность современной кабардинской женской прозы связана не с заменой патриархального общества матриархальным, а поиском путей к гендерной симметрии, устранению антагонистического начала между полами. Отношение женщин-авторов к сложившимся бинарным оппозициям «традиционное – инновационное», «природное – урбанистическое», «этническое – вселенское» характеризует принцип «золотой середины».

Литература

1. Аубрикова Н. И. Что такое «гендер»? // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 6.; Воронина О. А. *Философия пола* // *Философия: Учебник* / Под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной, В. П. Филатова. – М., 1998. С. 388–407; Карнов Ю. Ю. *Женское пространство в культуре народов Кавказа*. Выпуск X. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т») 2013. – 408 с.; Киммел М. *Гендерное общество*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 464 с.; Эстес К. П. *Бегущая с волками*. М.: «София», 2006. – 496 с. и др.

2. Абазова Л. *Материнский зов*. Повесть. Литературная Кабардино-Балкария. 2. 2003. С. 91-126.

3. Абазова Л. *Материнский зов*. Повесть. Литературная Кабардино-Балкария. 3. 2003. С. 45–88 (окончание повести).

4. *Арма Дина (Хакуашева М. А).* Дорога домой. Роман. Нальчик: Эльбрус, 2009. 356 с.
5. *Брандт Г. А.* Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии <http://www.studfiles.ru/preview/460498/>.
6. *Гачев Г. Д.* Русский эрос. – М.: Интерпринт, 1994. – 279 с.
7. *Гачев Г. Д.* Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.
8. *Гутов А. М.* Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литератур. Нальчик: Эльбрус, 2011. – 216 с.
9. *Дарк О.* Женские антиномии // Дружба народов. – 1991. – № 4. С. 257–269.
10. *Дамиан Дина.* В вашем мире я – прохожий... – М.: КомКнига, 2006. – 240 с.
11. Биобиблиографический словарь. Гл. редактор – Хашхожева Р. Х. Нальчик, «Эль-Фа», 2003. – 437 с.
12. *Кажарова И. А.* Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 176 с.
13. Нарты. Адыгский героический эпос. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1974. – 414 с.
14. Прошлое определяет настоящее? О Шестой Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Материалы Шестой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года, Нальчик. В 2 тт. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013.
15. *Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб: Алетейя, 2007. – 496 с.
16. *Пушкарева Н. Л.* О продолжении сексуальной революции и неудачах российского феминизма. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city-news/162785-что-нового-genderolog>.
17. *Сабанчиева Л. Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века). – Нальчик: Эль-фа, 2005. – 245 с.; *Сабанчиева Л. Х.* Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 156 с.
18. *Сиксу Э.* Хохот медузы // Гендерные исследования. – 1999. – № 3. С. 71–89.
19. *Текуева М. А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 260 с.
20. *Шогецуков А.* Назову твоим именем. М.: Советский писатель, 1970. 192 с.

*Зейтун ТОЛГУРОВ,
доктор филологических наук
г. Нальчик*

НА ПУТИ К ЕДИНСТВУ

Конец XIX – начало XX века вошли в историю культурной жизни горских народов не столько как период воздействия арабо-восточных традиций, сколько как время интенсивного влияния зрелых литератур соседних народов, прежде всего русской.

Следует отметить, что означенная стадия развития этнических культур Северного Кавказа должна характеризоваться как стадия формирования российской системы литератур, если говорить о включении литератур горского общества в мировую литературную систему. «Со второй половины XIX в. литературные связи приобрели общемировой масштаб и стали фактором литературы каждого отдельного народа и вместе с тем фактором мировой литературы» [11, с. 53]. Конечно, вполне естествен вопрос о том, как та или иная художественная словесность может испытать влияние другой литературы, если нет языкового общения. Ведь многие поэты народов окраин России не могли обращаться к явлениям русской культуры напрямую, в языковой среде, хотя формирование литератур, однотипных с русской, и не только с ней, но и с украинской, белорусской, литовской сейчас ни у кого не вызывает сомнения. Например, в творчестве балкарца К. Мечиева наблюдается бесспорная общность как с великими поэтами Востока, так и с творчеством крупнейших реалистов – Горького, Некрасова, Туманяна и др., хотя о их связи, или о том, что Кязим обращался к творчеству русских художников, сказать что-либо невозможно.

Однако, во-первых, здесь следует упомянуть, что понятие влияния одной литературы на другую шире, чем факт конкретных творческих связей двух или группы художников. Во-вторых, проникновение одной литературы в другую и формирование однотипных систем художественной словесности, кажущихся отдалёнными, происходит в силу существования литературных связей мирового масштаба и общности исторических условий.

Если признать факт существования международных литературных связей, особенно расширившихся со второй половины XIX века, то, очевидно, следует признать весьма условным «тощее, догматическое противопоставление «Востока» «Западу» [5, с. 108].

«Уже с эпохи древности мы видим, как порою тесно переплетаются некоторые литературы, так что неизвестно, куда их отнести – к «Западу» или «Востоку», – пишет И. Брагинский [5, с. 108, 109]. Сложную траекторию последовательных передислокаций романтического мотива «легенды о любви», пришедшего с Востока к грекам, от греков к арабам, от арабов к Низами и в Европу, в частности, в «Ромео и Джульетту» У. Шекспира и «Прекрасную даму» А. Блока, А. Бертельс рассматривает как весьма показательный факт [3, с. 17, 18]. К сказанному можно добавить, что в этом плане литературы народов Северного Кавказа не стали исключением. Дело не в заимствованиях, не в том, что «любовная тема пришла с Востока» (хотя, например, чисто арабская основа сюжета драмы «Сид» Корнелия – любовь и кровная месть – очевидна, как очевидна и связь «Принцессы Турандот» Шиллера с «Семью красавицами» Низами), а в том, что культуры Востока и Запада едины, что они развивалась на основе постоянного тесного общения, культурного обмена [3, с. 18]. Все это ещё раз говорит в пользу того, что в литературы народов окраин России могли проникать традиции, мотивы восточной поэзии через русскую культуру или наоборот. В частности, великий Кязим побывал во многих городах арабского Востока, знал восточную поэзию, держал связь с поэтами Дагестана. Надо ли подвергать сомнению тот факт, что литературным посредником между Западом и Мечиевым был Восток, вовлечённый в XIX веке в орбиту глобальных литературных связей [11, с. 53]? И вне всякого сомнения – поэзия Дагестана, особенно кумыкского народа, могла стать проводником в карачаево-балкарскую литературу традиций русской литературы, её идей и мотивов. Здесь речь идёт не о словесности конкретного народа, а о том, что северокавказская поэзия конца XIX – начала XX века совмещала в себе традиции Востока и русской литературы, черты просветительства, романтизма и критического реализма, безудержного оптимизма и чувства безысходности, отчаяния. В этом сложном переплетении ориентация литератур народов окраин России на русскую литературную действительность в означенный период приобретает доминирующее значение. Более того, литературы народов окраин России начинают складываться в единый целостный комплекс с русской литературой и с литературами других культурных зон, таких, как Закавказье, Средняя Азия. И это вполне понятно: ничто не способно так связывать разные литературы в единое целое, как общность исторических условий, социально-политической и идейной жизни. «Взаимосвязи литератур народов России начинают складываться в рамках нового времени. Но это было бы неосуществимо, если бы основа этого процесса не

коренилась в единстве исторических судеб и закономерностей развития культуры наших народов, проявляемых по-разному и в разных ее сферах, но едва ли не с первых столетий нашей эры», – пишет Р. Юсуфов [6, с. 86, 87].

В этом плане надо отметить особую близость, или лучше сказать, однотипность романтизма северокавказской литературы с русским романтизмом конца XIX – начала XX века.

Конечно, сказанное не означает, что романтизм литератур «окраин России, как и русский романтизм нового времени, был свободен от традиционных принципов западноевропейского романтизма вообще или русского романтизма первой половины XIX века. Однако ярко обозначившийся на рубеже двух эпох, он приобрёл качественно новые черты и призван был художественно отразить противоречия эпохи империализма и пролетарской революции» [16, с. 251].

В связи с этим следует заметить, что для русского романтизма рубежа двух эпох не столь свойственны пространственная отдалённость и временная дистанция, которые характеризуют предшествующий романтизм. В классической версии «...романтические персонажи живут и действуют над землёй (в просторах вселенной), «под землёй» (на том свете), а если на земле, то эта земля неведома, таинственна» [7, с. 74], чего нельзя сказать о представителях романтизма нового времени, по крайней мере, если не обо всех, то о большинстве. Романтические произведения конца XIX – начала XX века отличаются пространственной и временной конкретностью, отчуждаемая действительность несёт в себе социально-бытовые и временные приметы. В этом легко убедиться, обратившись к произведениям В. Маяковского, А. Блока, В. Брюсова, О. Батырая, Б. Пачева, К. Мечиева, Е. Эмина и других.

Е. Руднева отмечает, что в романтизме переходного периода нет того взаимоисключающего противопоставления «презираемого здесь» и «таинственного там», которое отличает романтику исходного формата, нет исключительно негативного отношения к актуальной действительности, преодолена изолированность от неё романтического сознания [15, с. 233].

Томление по красоте, страстное желание разглядеть во тьме, «в тумане» нечто светлое, найти идеал мечты – вот что, на наш взгляд, объединяет романтиков русской литературы и Кавказа в переходный период. Открытое противопоставление идеала хаосу бытия, буржуазным отношениям, сковывающим и унижающим человека, как вызов, как протест омещанившейся действительности, одинаково характерно для тех и других. Отличие романтизма литературы на рубеже двух эпох от романтизма первой половины

XIX века отдельные исследователи видят в том, что романтический герой времени Пушкина, Лермонтова – это одинокая исключительная личность, противопоставляющая своё «я» массе. Подобный типологический общий признак характерен для раннего Блока, Брюсова, Маяковского, Горького и др. Между лирическим «я» молодого Маяковского и «толпой», например, непреодолимая пропасть; об исключительности собственного внутреннего мира и об иллюзорности бренного бытия пишет ранний Блок, открыто призывая к отречению от земной практики; брюсовское же отчуждение обрело форму глобального отрицания действительности, «родины», «века», которым он противопоставлял весьма абстрактный «идеал человека» [9, с. 227], герой Ю. Муркелинского обвиняет «толпу» окружающих его людей в бессердечности, в отсутствии понимания добрых его деяний:

*Я вещи дивные творил, но сразу
Мне их в лицо швыряли с грязью [2, с. 203].*

Однако принципы романтизма, как и вся литература, как сама социально-общественная действительность, находились в движении, теряя одни качества и приобретая иные, обусловленные ходом исторических условий. Это выразилось, прежде всего, в том, что романтический герой литературы переходного периода более социален и более привязан к определённому историческому времени, в отличие от своего предшественника. Если романтического героя раннего Пушкина или Лермонтова можно свободно перемещать во времени и в пространстве, то герой русской романтической литературы и литератур окраин России конца XIX – начала XX века рождён эпохой империализма и пролетарской революцией, веком дельцов, мастеров банковских спекуляций, веком «расшибания лбов о стену экономических доктрин, конгрессов, банков, федераций, застольных спичей, красных слов, акций, рент и облигаций, девятнадцатым, железным, воистину жестоким веком» (А. Блок), и противостоит он антигуманной сущности современной ему социальной действительности. Его боль и страдания обусловлены пониманием трагедии народа кануна приближающейся катастрофы – войны 1914 года, сложным сознанием человека XX века, остро чувствующего противоречия переломной эпохи.

Романтическому герою начала XX века свойственно не просто пассивное сочувствие жертвам «страшного мира», а гражданская активность, желание действовать, осознание необходимости борьбы. Поэтому романтическая русская литература и литературы народов

окраин России переломного периода равно исполнены открытых призывов к революционному свержению старого режима.

В унисон звучат голоса поэтов разных национальностей о невозможности дальше мириться со злом, с дисгармоничностью бытия.

*Кязим, ты говорил много горьких слов,
Много раз произносил слова проклятий и печали,
Но как их не произносить, если
На земле так много волков,
Как терпеть и как дальше жить? –*

(Подстрочный перевод)

с горечью писал классик балкарской поэзии Мечиев [13, с. 88].

*Князь спесивый, жестокий,
Нашу жизнь унижает...
Только тот будет с веком,
Кто ружье заряжает, –*

ещё более откровенно выражает свою позицию Б. Пачев [14, с. 15].

Или: «Да, свергнем мы, с мечом в руках воспрянув, львов и волков – царя, сардаров, ханов» (Г. Гузунов). «Мы долго терпели, друзья. Не пора ли в бою испытать амузгинскую сталь?» (Г. Саидов).

К единению для борьбы со знатными и богатыми призывают народ осетинские поэты К. Хетагуров, Г. Цаголов, Ц. Гадиев и другие: «Давай же меч скорей. Скорее в бой за мной. Вперёд, вперёд друзья! Проклятье, смерть врагу» (Г. Цаголов). «Поднимайтесь друзья! Руки, ноги связал нам ауар-лиходей» (С. Баграев).

Говоря об отличительных качествах неоромантической литературы народов Кавказа, следует особо подчеркнуть тот факт, что одним из основных предметов бичевания, острой критики становятся обстоятельства жизни, рождающие и поддерживающие зло, несправедливость, всеобщий хаос бытия и одиночество человека, нравственную глухоту людей. Покинутость, бесприютность человека и пустынность мира, где действует универсальный закон купли и продажи – этот печальный мотив становится сквозным в поэзии А. Блока, В. Брюсова, В. Маяковского, К. Мечиева, Б. Пачева, О. Батырая, Махмуда, С. Курбана, И. Казака. Речь идёт о близости образной системы самых разных поэтов, обусловленной единым мироощущением и восприятием действительности. Неслучайно Е. Эмин, равно как и А. Блок, мир, в котором жил, назвал «ковар-

ным», «страшным» (стих. «Миру»): «Хоть кричи – не дождёшься ты доброго слова» [2, с. 278].

«В степь выйду – муки облегчить на воле, как я, степное мучится раздолье», – пишет лакец Муркелинский. Или: «За ночью ночь безрадостная длится и не с кем даже горем поделиться» [2, с. 202]. Здесь невольно вспоминаются блоковские стихи:

*Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь [4, с. 369].*

Произведения, пронизанные ненавистью к сытым и накалом сочувствия к тем, кто по их вине обездолен, обескровлен, пожалуй, составляют самые сильные страницы как русских писателей, так и представителей романтической литературы народов окраин России начала XX века. Заострение темы жестокой судьбы маленького человека в мире, где царят ложь, классовое угнетение, поднимает эти произведения на уровень высокой трагедии.

Явление это системное. Хрестоматийной является оценка творчества А. Блока: его цикл «Страшный мир» можно характеризовать как «путь из лирики к трагедии», но не сказать то же самое о поэтах Северного Кавказа было бы несправедливо. Естественно центральная идея и проблема обрамлена специфическим антуражем: А. Блока занимает беспросветность чердачного существования, О. Батырая – судьба «бедняка», «брошенного» в угол, оставшегося «без чарыков и черкески»; Кура-Магомед из Тлоха признается, что «поёт для бедняка, у кого копейки нет»; лирический герой Е. Эмина «унижен, забит, его слезами пропиталась земля», «он брошен друзьями, а обширный мир стал для него крохотным мирком»; озябший, голодный воробей у К. Мечиева вызывает ассоциацию с народом, который «живёт впроголодь и для кого мир неприютен и тесен», словно могила. Но сути поэтической позиции авторов национальная и региональная маркированность не меняет. «Могилою стал мне мир», – пишет С. Курбан, и это проявление общности мировоззрения, идейно-нравственной, художественно-эстетической позиции, рождённой фактической идентичностью исторических условий развития.

Общий мотив утраты радости, надежды, жизненной опоры рождает у них горестные стихи, выражающие мысли о лживости и двуличности. Богомольный с белой чалмой оказывается конокрадом, друзья – равнодушными предателями, возлюбленная – продажной, правда – сплетней. Любовь у Батырая, например, оборачивается «пустынным жнивьём», страсть – «снеговым ветром» (сравните: у Блока: «любовь – снежно-белое забытьё»). Если у великого русского

поэта «земные мертвецы», обобщая бездуховность и омертвлённость мира, «втираясь в общество», правят им, несут службу, то О. Батырай сетует, что «подлецам – везде простор», Е. Эмин – что «миром правит ложь и что в нем любой плешивец – хан», И. Казак жалуется на то, что люди «якшаются с глупцами, а с умными на ножах», Магомед-Эфенди Османов видит, что в «краю гор негодяй и вор в чести» и что аллах равняет плута с настоящим мужчиной, у Б. Пачева – «перед богом святой Мусса – ложный свидетель князя».

В канун революции 1905 года, особенно в годы реакции, наступившей после неё, романтизм северокавказской и дагестанской литератур приобретает ещё более широкую идейно-тематическую, концептуальную общность с русской неоромантической литературой и, в частности, с романтизмом А. Блока, В. Брюсова. Как и у А. Блока, в поэзии многих из них «реальное и идеальное» меняются местами. Мечта, воплощённая в образе живого, хотя во многом условного человека, «...на какой-то миг оттесняет на второй план мир пошлости, который на это время становится призрачным, но затем снова грубо вторгается, заслонив мечту» [12, с. 93].

Действительно, в годы политической реакции мир пошлости оказывает настолько действенное воздействие на общественное сознание, что кризисное ощущение ущербности всех моральных ценностей, социальный пессимизм охватывают почти все слои художественной интеллигенции. Отзвуки нравственной опустошённости, отчаяния начинают полностью определять образную систему поэзии послереволюционного периода: «Я правды в жизни не видал, я только ложь всегда и всюду видел» (Ю. Муркелинский); «на этом свете нет ответа человечьим стонам» (Щаза из Куркли); «помутнел мой ясный взор», «я согнулся и устал» (О. Батырай). Писатели подавлены натиском реакции, политических гонений, и такие понятия, как тоска, печаль, усталость, приобретают в их творчестве самостоятельное существование. Бессилие, уныние, растерянность, раздробленность, хаотичность – основные черты жизненной и поэтической атмосферы [10, с. 219] – теперь сближают поэтов северокавказских народов и с художниками, отдавшими наибольшую дань социальному пессимизму – Л. Андреевым, А. Куприным, К. Случевским, К. Бальмонтом, Ф. Сологубом и др., в творчестве которых с большой остротой выдвигаются проблемы смерти, предательства, космической безысходности, духовного и социального ренегатства [17, с. 60]. Глубокий надлом претерпели Батырай, Махмуд [8, с. 327]. Чувство смятения, внутреннего диссонанса охватывает К. Мечиева, Б. Пачева.

*Смерть человека сильнее.
Она угробит любого.
Не в силах мы драться с нею
Всегда убивать готова, –*

(Перевод Д. Голубкова)

писал кабардинский поэт [14, с. 106]. Потеряв веру в избавление от социальных невзгод, к теме смерти обращается и К. Мечиев:

*Дни проходят, что мне делать?
Быстро уходят, что мне делать?
Старость приходит, что мне делать?
Куда мне убежать, где скрыться?*

(Подстрочник)

Вместе с тем литература народов России в это сложное время не была однородной, как и не была однородной сама социально-общественная действительность: ведь была не только интеллигенция, отшатнувшаяся от революции, а и та её часть, которая искала своё место в обществе, стремилась понять жизнь в перспективе будущего. Была не только реакция, но и рост сознания масс – как общецивилизационного, так и этнического плана. Зеркалом всего этого стала литература данного периода.

Вместе с тем северокавказская художественная словесность, развиваясь в одних и тех же социально-экономических и политических условиях, что и русская литература, идя путём расширения типологической общности с ней, не имела чёткой границы между романтизмом и реализмом, сочетала в себе то и другое, без особого перевеса романтизма над реализмом и наоборот. Примером синкретизма разных тенденций в развитии литературы народов окраин России явилось творчество авторов «переходного» генерационного формата, тех авторов, чей индивидуальный стиль и рефлексивные стандарты, сложившиеся на базе национального фольклора и восточных практик, в конце концов, оказались вовлечены в общий литературный контекст эпохи.

Литература

1. Антология абхазской поэзии. М., 1953.
2. Антология дагестанской поэзии, в 3-х томах. Махачкала, 1994.

3. Бертельс А. Низами. М., 1968.
4. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1968.
5. Брагинский И. О. О соотношении интернационального и национального в развитии литератур народов СССР // Вопросы литературы. 1977. № 10.
6. Вопросы литературы. 1977. № 10.
7. Гаджиев А. Романтизм и реализм. Баку, 1972.
8. Гамзатов Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.
9. Дронов В. С. Брюсов и традиции русского романтизма. Русский романтизм. Л.: Наука, 1978.
10. Кожин В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978.
11. Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978.
12. Круг Н. Т. Поэзия А. Блока. М., 1970.
13. Кязим. Сайлама чыгъармала (Избранное). Нальчик: Эльбрус, 1959.
14. Пачев Б. Верные слова. М., 1957.
15. Руднева Е. Г. О романтике в русском критическом реализме // Литературный процесс. М., 1981.
16. Русский романтизм. Л.: Наука, 1978.
17. Судьба русского реализма начала XX века. Л., 1972.

В номере:

<i>К юбилею Мухамеда Хафицэ. Очерки</i>	<i>2</i>
<i>Магомет Атмурзаев, Асият Сараккуева. Слепни. Пьеса</i>	<i>36</i>
<i>Людмила Шауцукова. Черкесская рапсодия. Гл. из романа</i>	<i>67</i>
<i>Зейтун Ульбашев. Анисат. Док. повесть</i>	<i>105</i>
<i>Марианна Керимова. Ненастоящий. Гл. из романа</i>	<i>135</i>
<i>Хыйса Османов. Схватка в Холодной балке. Рассказ</i>	<i>150</i>
<i>Валерий Дзидзоев. К юбилею крупного ученого-тюрколога. Оч.</i>	<i>153</i>
<i>Адам Гутов. Истоки профессиональной литературы. Статья</i>	<i>160</i>
<i>Зухра Кучукова, Ляна Хараева. Эволюционное движение кабардинской женской прозы... Статья</i>	<i>166</i>
<i>Зейтун Толгуров. На пути к единству. Статья</i>	<i>182</i>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 11.01.2021. Подписано к печати 27.01.2021.
Выход в свет 15.03.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 530 экз. Заказ №367. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» —

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.
Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП
«Почта России» — 35,03 руб., за 6 месяцев — 105,09 руб.,
за год — 210,18 руб.

В розницу — цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

